

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН

На правах рукописи

Глаголева Анастасия Сергеевна

**РАЗВИТИЕ ЧАСТИЦ ИЗ ЕДИНИЦ ПОЛНОЗНАЧНОЙ ЛЕКСИКИ
В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: СЕМАНТИЧЕСКИЕ
И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
(филологические науки)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор,
академик РАН
Плунгян Владимир Александрович

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. Частицы как часть речи. История изучения и особенности класса частиц	11
1.1. История изучения частиц	11
1.2. Лингвистическое описание термина <i>частица</i>	14
1.3. Лексическое, грамматическое и категориальное значение частиц.....	19
1.4. Частицы в свете проблемы частей речи в русском языке.....	32
1.5. Лексикографическое отображение частиц	36
1.6. Отличия частиц от других частей речи.....	41
1.6.1. Частицы и союзы	42
1.6.2. Частицы и междометия	44
1.6.3. Частицы и вводные слова.....	46
1.6.4. Частицы и наречия	47
1.6.5. Частицы и другая однозначная лексика	49
1.7. Отбор источников и методологическая структура исследования процесса перехода однозначной лексики в частицы.....	51
1.7.1. Корпусный материал.....	51
1.7.2. Лексикографический материал.....	53
1.7.3. Методологическая структура исследования	57
Выводы по Главе 1	59
Глава 2. Развитие частиц из единиц глагольной лексики	62
2.1. Бишь.....	62
2.2. Вишь, ишь	69
2.3. Глядь, глянь, гля, ля	78
2.4. Пожалуй, пожалуйста	91
Выводы по Главе 2	103
Глава 3. Развитие частиц из единиц именной лексики	105
3.1. Лишь	105
3.2. Себе.....	113

3.3. Это	119
3.4. Такой.....	129
Выводы по Главе 3	135
Глава 4. Развитие частиц из адвербиальных единиц.....	136
4.1. Добро	136
4.2. Ладно	144
4.3. Хорошо	149
4.4. Чисто.....	154
4.5. Именно	156
Выводы по Главе 4	159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	160
Список сокращений и условных обозначений	163
Список использованной литературы.....	164

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данного исследования обусловлена, с одной стороны, недостаточно детальной изученностью частиц как части речи в целом, а с другой стороны, отсутствием цельной картины формирования класса частиц в истории русского языка.

Изучение частиц в диахронном аспекте сопряжено с решением ряда вопросов: во-первых, с вопросом различения частиц и других частей речи; во-вторых, с проблемами выяснения основных свойств частиц, позволяющих описать их как часть речи; в-третьих, с традицией лексикографического отображения частиц на разных этапах развития языка.

Степень разработанности. В научной литературе (как отечественной, так и зарубежной) существует немало работ, посвященных частицам. Однако большая часть этих исследований направлена на изучение современного состояния класса частиц (работы Е. А. Стародумовой, Т. Н. Николаевой и других), на определение особенностей функционирования отдельных слов, относящихся к частицам (например, работы А. Н. Баранова, Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева, Анны А. Зализняк, И. Б. Левонтиной, О. Е. Пекелис и многих других) и на установление единой точки зрения о толковании термина «частица» и смежных с ним «дискурсивные слова», «модальные частицы», «прагматические маркеры» и др., особенно в свете теории грамматикализации (этому вопросу посвящено множество работ зарубежных исследователей, например, К. Кёнига, Д. Пайара, К. Лемана и других). В настоящее время ощущается недостаток исследований, в которых рассматривалась бы история формирования этого класса, в особенности в свете процессов перехода полнозначных слов в частицы.

Целью исследования является системное описание семантических и грамматических особенностей перехода единиц полнозначной лексики в частицы.

Достижение этой цели требует решения следующих исследовательских **задач:**

1. Определить теоретические основы исследования и проанализировать существующие научные работы, посвященные частицам как части речи, теории грамматикализации, проблемам частеречного деления и другим вопросам, релевантным в рамках работы над данной темой.
2. Описать систему частиц с учетом нечеткости границ этого класса слов, диффузности функций частиц, омонимии другим частям речи и проблем лексикографического отображения частиц.
3. Составить выборку единиц, определяемых как частицы в лексикографических источниках, посвященных разным периодам развития языка, определить их диахронную основу – единицы полнзначной лексики, ставшие основой для развития анализируемых частиц.
4. Определить методологическую базу анализа и структуру описания функционирования данных единиц.
5. Выявить и описать семантические изменения, выяснить условия их формирования в процессе развития частиц из единиц полнзначной лексики.
6. Определить условия перехода полнзначной леммы в частицу: семантические и грамматические особенности контекстуального окружения.
7. Обобщить данные и интерпретировать полученные результаты.

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе впервые предложен последовательный обобщенный анализ формирования производных частиц, описан процесс развития частиц из единиц полнзначной лексики в русском языке на широком историческом фоне (от древне- и старорусского периодов до наших дней) и определены закономерности такого развития.

Объект исследования – процесс формирования класса частиц в истории русского языка.

Предмет – семантические и грамматические особенности развития частиц из полнзначных лексических единиц.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что в работе представлен подробный анализ развития производных от полнзначной лексики частиц с учетом разработанной методики, результаты которого могут быть

использованы в теоретических исследованиях, посвященных служебным словам, истории их развития, тенденциям формирования класса частиц в современном русском языке, а также описанию морфологической системы русского языка.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов в лексикографической практике при составлении словарных статей о частицах, а также при преподавании дисциплин «Историческая грамматика русского языка», «Современный русский язык», «Введение в языкознание».

В качестве **материала** исследования использованы данные Национального корпуса русского языка, а также словарей и словарных картотек.

В работе применены общенаучные **методы** наблюдения, обобщения и анализа, а также такие методы лингвистического исследования, как: сравнительно-исторический – состоит в сопоставлении данных о функционировании языковой единицы в разные исторические периоды для определения этапов развития частицы из полнозначного слова; лексикографический – применяется при составлении выборки частиц, составляющих материал исследования; метод сплошной выборки; дистрибутивный – ввиду особенностей класса частиц чрезвычайно важным оказывается их функционирование в высказывании в сочетании с другими компонентами контекста, анализ которых необходим для корректного описания развития частицы; методы корпусной лингвистики. Совокупность указанных методов и способов их применения составляет **методологию** данной диссертации.

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют труды отечественных и зарубежных лингвистов, посвященные вопросам грамматикализации и смежных явлений (в частности, работы Т. Гивона, К. Лемана, Э. Трауготт, Б. Хайне, В. М. Жирмунского, В. А. Плунгяна, Т. А. Майсака и др.), проблемам определения и описания частиц как части речи (труды В. В. Виноградова, М. Г. Щур, Е. А. Стародумовой, С. И. Богданова и др.), отграничения их от других частей речи (труды В. В. Бабайцевой, Ю. А. Клейнера, К. Е. Майтинской и др.) и многие другие.

Основные результаты исследования возможно изложить в виде **положений, выносимых на защиту:**

1. Развитие частиц из единиц полнзначной лексики является продуктивным процессом, который фиксируется на разных этапах языковой эволюции.

2. Исследование перехода полнзначных слов в частицы предполагает совмещение синхронного и диахронного подходов и поэтапное описание языковых преобразований.

3. Сведения о происхождении производных частиц, а следовательно и о процессе их развития из единиц полнзначной лексики, в ряде случаев требуют уточнения, основанного на анализе массива данных (преимущественно корпусных и лексикографических) в аспекте фонетических, морфологических, синтаксических и семантических изменений на протяжении всего пути грамматикализации данной единицы.

4. Формирование производных частиц целесообразно рассматривать с точки зрения частеречной принадлежности полнзначного слова, выступающего диахронной основой, что позволяет более детально определить механизмы грамматикализации. Так, например, фиксируется продуктивность перехода в частицы глагольных единиц, входящих в одно словообразовательное гнездо; при этом для частиц, производных от других частей речи, подобные словообразовательные тенденции не отмечаются.

5. Основными изменениями в семантической структуре полнзначных слов, выступающих основой для развития партикулярного употребления, являются десемантизация или расширение значения, сопровождающиеся возникновением прагматических и дискурсивных надстроек.

6. Основными грамматическими изменениями при переходе полнзначных лексем в частицы являются изменение сочетаемости, утрата словоизменительных и изменение классифицирующих грамматических категорий.

Высокая **степень достоверности** результатов исследования обеспечивается релевантностью применяющихся методов для анализа частиц и их диахронных

основ, а также последовательностью рассмотрения и описания материала, предложенного в Главах 2–4, с опорой на обзор вопросов, составляющих теоретическую основу исследования, представленный в Главе 1.

Основные результаты работы были **апробированы** в докладах на международных научных конференциях:

- «Человек и власть в эпоху русского Средневековья» (Москва, 2023) – тема доклада: «Функционирование слова “пожалуй” в памятниках деловой письменности и частной переписки XVII века»;
- «Неология–2023» (Санкт-Петербург, 2023) – тема доклада: «*Ля ты какой*: новая частица в русском языке»;
- «Электронная письменность в России: опыт, задачи, векторы развития» (Йошкар-Ола, 2024) – тема доклада: «Исследования частиц на материале Национального корпуса русского языка: принципы и критерии»;
- «Фундаментальные исследования и прикладные разработки в современном языкознании: К 300-летию Российской академии наук» (Москва, 2024) – тема доклада: «Энантиосемия русских частиц»;
- «Язык как основа национальной идентичности» (Тула, 2024) – тема доклада: «Частица *де* при противопоставлении “свой – чужой” в текстах XVII в.: корпусное исследование»;
- «Русский язык в поликультурном мире» (Ялта, 2024) – тема доклада: «К вопросу о переходе наречий в частицы в русском языке»;
- «Индоевропейское языкознание и классическая филология–XXVIII (Чтения памяти профессора И. М. Тронского)» (Санкт-Петербург, 2024) – тема доклада: «Семантическая эволюция лексемы *лишь* в истории русского языка»;
- «Лингвистический форум 2024: Семантические переходы в языках мира» (Москва, 2024) – тема доклада: «История грамматикализации русских частиц *добро, ладно, хорошо*»;
- «Первый Евразийский конгресс лингвистов» (Москва, 2024) – тема доклада: «*Ишь* и *вишь*: границы двух частиц»;

- «Конференция, посвященная 20-летию Национального корпуса русского языка» (Москва, 2024) – тема доклада: «Возможности НКРЯ при исследовании частиц в русском языке».

А также в **3 публикациях** в изданиях, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук:

1. Глаголева А. С. *Бишь: баять или быть?* О происхождении одной частицы / А. С. Глаголева // Русская речь. – 2024. – № 1. – С. 60–69. (*Scopus, ВАК*).
2. Глаголева А. С. Семантическая эволюция лексемы *лишь* в истории русского языка / А. С. Глаголева // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2024. – Ч. 1. – С. 391–399. (*Scopus, ВАК*).
3. Глаголева А. С. Глаголы со значением зрительного восприятия как основа для формирования частиц / А. С. Глаголева // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2024. – Т. 83, № 5. – С. 137–149. (*Scopus, ВАК*).

И в 5 статьях и тезисах, входящих в сборники материалов международных конференций:

1. Глаголева А. С. Частица *де* при противопоставлении «свой – чужой» в текстах XVII в.: корпусное исследование / А. С. Глаголева // Язык как основа национальной идентичности : Материалы международной научной конференции, Тула, 16–18 мая 2024 года. – Тула : Тульский полиграфист 1, 2024. – С. 202–205.
2. Глаголева А. С. Функционирование слова *пожалуй* в памятниках деловой письменности и частной переписки XVII века / А. С. Глаголева // Человек и власть в эпоху русского Средневековья. – М. : ИРЯ РАН, 2024. – С. 5–9.
3. Глаголева А. С. Возможности Национального корпуса русского языка при исследовании частиц в русском языке / А. С. Глаголева // Международная научная конференция, посвященная 20-летию Национального корпуса русского языка. Москва, 20–21 декабря 2024 г. Материалы конференции / Отв. ред. С. О. Савчук. – М. : Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, 2024. – С. 34–36.

4. Глаголева А. С. История грамматикализации русских частиц *добро*, *ладно*, *хорошо* / А. С. Глаголева // Международная конференция «Лингвистический форум 2024. Семантические переходы в языках мира». 21–23 ноября 2024 г. Институт языкознания РАН, Москва : Тезисы докладов / Под. ред. Анны А. Зализняк, Т. А. Михайловой, М. В. Орловой, М. М. Руссо. – М. : Институт языкознания РАН, 2024. – С. 33.

5. Глаголева А. С. *Ишь* и *вишь*: границы двух частиц / А. С. Глаголева // Первый Евразийский конгресс лингвистов. Москва, 9–13 декабря 2024 : Тезисы докладов / Под общ. ред. Ю. В. Мазуровой, М. К. Раскладкиной. – М. : Институт языкознания РАН, 2025. – С. 580–581.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав с выводами к каждой из них, заключения, списка сокращений и условных обозначений и списка использованной литературы. Первая глава содержит детальный анализ лингвистической литературы по теме исследования. Главы со второй по четвертую включают собственно анализ развития частиц из единиц полнозначной лексики, при этом материал распределяется так: во второй главе описаны частицы, диахронной основой которых являются глаголы, в третьей главе – частицы, диахронной основой которых является именная лексика (прилагательное и местоимения), в четвертой – частицы, диахронной основой которых являются наречия. В заключении обобщаются и интерпретируются результаты исследования. Список сокращений и условных обозначений вводится, главным образом, для удобства обозначения в работе словарей и источников материала. Список использованной литературы содержит 265 наименований: в нем отдельно обозначен список словарей, содержащий 65 наименований, и список использованных источников материала – 15 наименований (при этом источники сгруппированы по типу).

Глава 1. Частицы как часть речи. История изучения и особенности класса частиц

1.1. История изучения частиц

Проблема частей речи является одной из наиболее сложных и занимает исследователей на всем протяжении развития лингвистики. «Мелкие слова», в том числе и частицы, долгое время рассматривались как незначительная часть грамматики и, следовательно, получали лишь косвенное описание при изучении полнозначной лексики.

История изучения частиц берет свое начало в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (первое издание – 1757 г.): в этой работе встречается термин *частица*, однако его упоминания единичны и относятся не к описанию одной из частей речи, а к обозначению отдельных слов: «Сомнительное неокончателное наклонение с приложением частицы *ли* изображает неизвестное следствие» [Ломоносов 1952: 566]. То же отмечается и в «Исторической грамматике» Ф. И. Буслаева (первое издание – 1858 г.), где термин «частица» используется для обозначения отдельных морфем или форм слова (причем граница между морфемным и частеречным делением обозначается в этой работе не вполне четко): «...Некоторые местоимения, отрицательные частицы *не* и *ни* и предлоги называются приставками» [Буслаев 1959: 91].

Происхождению отдельных частиц в славянских языках уделяется пристальное внимание А. А. Потебни в исследовании «Из записок по русской грамматике» (первое издание – 1874 г.): он выделяет частицы глагольного и местоименного происхождения, предполагая при этом и возможность обратной мотивации: «Такие частицы [местоименного происхождения. – А. Г.] могут явно стать глаголами, принявши личные окончания; ср. укр. *на*, *на-те*» [Потебня 1958: 88].

Н. В. Крушевский в «Очерке науки о языке» предлагает prospect новой классификации частей речи с выделением слов, исходя из степени их

знаменательности, причем к частицам отнесен весь пласт незнаменательной лексики: «Более правильной классификацией была бы такая, по которой все слова делились бы на знаменательные – имя и глагол – и незнаменательные, служебные, или частицы разных степеней: первой степени, например, наречия, в которых элемент знаменательности ещё очень силён, второй – например, предлоги, которые гораздо менее знаменательны, и так далее до частиц <...> Частицы получаются из осколков системы знаменательных слов» [Крушевский 1883: 143].

В исследованиях XIX – начала XX века частицы в работах многих ученых не рассматривались отдельно, а упоминались среди лексем, составляющих класс других частей речи, в том числе в составе дихотомии «часть речи – частица речи» (см. работы [Греч 1827], [Овсяннико-Куликовский 1907] и др.). Например, в работе А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» (первое издание – 1914 г.) языковые единицы, в современной лингвистике отнесенные к частицам, распределены по категориям (усилительные, отрицательные, вопросительные слова) и стоят в одном ряду с предлогами, союзами, глаголами-связками и вводными словами [Пешковский 2001: 41–42].

Исследователи XX века, обращая внимание на необходимость выделения частиц как части речи, но вместе с тем и на их разнородность, отделяли частицы не только от самостоятельных, но и от служебных частей речи. Так, В. Н. Сидоров отмечал: «В отличие от служебных слов, частицы выражают несинтаксические формальные значения, присоединяя к значению самостоятельных слов или их сочетаний добавочные смысловые оттенки» [Сидоров 1945: 87]. Это же определение функции частиц и до нынешнего времени является основным при описании данной части речи. В работе «Очерки грамматики русского литературного языка» он противопоставляет частицы другим служебным частям речи и определяет характерные черты этого класса: «Частицы – это несамостоятельные слова, выражающие обычно различные оттенки в отношении говорящего к высказываемому в предложении. <...> Грамматические разряды слов, объединяемые общим названием частей речи, заключают в себе слова, которые входят в состав предложения, выполняя в нем определенную

грамматическую роль. Одни из них (самостоятельные слова) выступают в предложении в качестве его членов, другие (служебные слова) выражают отношения между словами предложения или (частицы) присоединяют к их значению дополнительные значения» [Аванесов, Сидоров 1945: 231].

Однако несмотря на появляющиеся попытки обособить частицы как класс слов, в работах некоторых ученых XX века продолжается традиция к рассмотрению частиц как периферийного класса, находящегося между морфологией и морфемикой. Так, Г. О. Винокур соотносит частицы с окончаниями: «В сравнительно немногочисленных случаях русскому языку известна своеобразная разновидность окончаний, которую можно было бы называть частицами. К ним относится, например, морфема *-ся* в глаголах вроде *купаться, ругаться*; морфемы *-те, -ка* в формах повелительного наклонения, например *подите, подите-ка, пойдете, пойдете-ка*, частицы *бы* в формах условного наклонения, частицы *то, ли* и др. От окончаний эти морфемы отличаются своей способностью наслаиваться одна на другую» [Винокур 1959: 403].

Одна из первых попыток отграничения частиц и рассмотрения этих лексем как сформированной части речи была предпринята А. А. Шахматовым, который в работе «Синтаксис русского языка» (первое издание – 1925 г.) дал им следующее определение: «Это та часть речи, которая включает в себя слова, усиливающие или оттеняющие в том или ином отношении грамматические формы или предикат. Таким образом, они имеют формальное, служебное значение; такое значение имеет и союз *бы*, но он является самостоятельным выразителем наклонения, между тем как частицы только развивают значение формы» [Шахматов 2001: 506].

Таким образом, в первых научных описаниях частиц ощущалась необходимость обособления этого класса слов в морфологических классификациях, его особая роль в выражении оттенков значений, несопоставимая ни с морфемными категориями, ни с другими служебными частями речи, но не сформулированная еще в полной мере; примечательно, что

частицы, по всей видимости, возможно считать самой «молодой» частью речи, учитывая, что в первых грамматиках русского языка (например, в [Востоков 1874]) она не выделяется, в то время как союзы, предлоги и наречия исследователем определяются как отдельные части речи.

1.2. Лингвистическое описание термина *частица*

Классическое определение частицам как части речи дал В. В. Виноградов, отграничив при этом прежнее (широкое) понимание этого термина как общего обозначения для служебных слов от наименования отдельной части речи: «Частицы в широком смысле этого слова – то же, что “частицы речи”. <...> Это общее понятие “частиц” обнимает все классы так называемых “служебных”, “формальных” или “частичных” слов. Частицами называются классы таких слов, которые обычно не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических (а следовательно, и логических, и экспрессивных) отношений. Лексические значения этих слов совпадают с их грамматическими, логическими или экспрессивно-стилистическими функциями» [Виноградов 1947: 663]. В той же традиции определяются частицы в «Грамматике русского языка» 1960 года: «служебные слова, которые служат в речи для выражения различных смысловых оттенков отдельного слова или целого предложения» [Виноградов 1960: 637].

В более поздних работах акцентируется внимание на модальных свойствах частиц. Так, по мнению И. Г. Милославского (в издании «Современный русский язык» под редакцией В. А. Белошапковой), «частицы – это такие служебные слова, которые выражают смысловые и модально-экспрессивные оттенки предложений и слов и участвуют в образовании форм слова» [Белошапкина 1989: 528]. В «Русской грамматике» 1980 года к характеристикам частиц отнесены следующие свойства: «в классе частиц объединяются неизменяемые незначащие (служебные) слова, которые, во-первых, участвуют

в образовании морфологических форм слов и форм предложения с разными значениями ирреальности (побудительности, сослагательности, условности, желательности); во-вторых, выражают самые разнообразные субъективно-модальные характеристики и оценки сообщения или отдельных его частей; в-третьих, участвуют в выражении цели сообщения (вопросительность), а также в выражении утверждения или отрицания; в-четвертых, характеризуют действие или состояние по его протеканию во времени, по полноте или неполноте, результативности или нерезультативности его осуществления» [Русская грамматика 1980а: 723].

Отдельные определения термина *частица* учитывают также коммуникативный аспект. На этом акцентировала внимание Е. А. Стародумова: «Частицы – в отличие от предлогов и союзов – это незначащие слова, которые не могут быть охарактеризованы как грамматические средства, как форманты синтаксических конструкций. Они служат главным образом для выражения значений коммуникативного плана, а именно для обозначения различных отношений говорящего (субъекта оценки) к содержанию высказывания в целом или к какой-то его части, а также к другому субъекту – адресату, собеседнику» [Стародумова 1997: 3].

Актуальное толкование рассматриваемого термина, учитывающее предыдущий опыт изучения частиц и основные характеристики этой части речи, дано М. Г. Щур¹: «Частицы – одна из служебных частей речи, класс неизменяемых слов, выражающих многообразные отношения, реализующиеся в акте речи или тексте, а именно: отношение сообщаемого к участникам акта речи (к говорящему, слушающему), а также отношения между ними; отношение сообщаемого к действительности (в плане его реальности/ирреальности, достоверности/недостоверности); отношение между высказываниями и их компонентами» [Щур 2020: 838].

¹ В данной диссертационной работе и опубликованных по ее результатам статьях мы придерживаемся определения частиц как части речи, сформулированного М. Г. Щур, так как анализ исследованного материала позволяет говорить о соотносительной (релятивной) функции в самом широком смысле как об основной характеристике этой части речи.

В исследованиях частиц рассматриваются также следующие факторы:

1) синтаксический – «Частицы <...> обладают тем уникальным синтаксическим свойством, что способны зависеть от любой другой части речи» [Апресян 2001: 30].

Кроме того, особое значение роли частиц в синтаксисе придается в исследованиях древнерусского материала (см., например, работы [Борковский 1957], [Владимирова 1982], [Птенцова 2023]).

2) фонетический – «примыкающий» характер частицы в фонетическом аспекте описывается в понятиях просодии и интонации; отдельно рассматриваются клитики – безударные слова (в том числе и частицы), образующие одно фонетическое слово с другими словами, обычно самостоятельных частей речи. Фонетическим особенностям частиц посвящены работы [Кодзасов 1996], [Янко 2001] и др. Кроме того, особое внимание частицам уделяется в диалектологических исследованиях, посвященных описаниям речи отдельных говоров и характерных им интонационных контуров (см., например, [Князев 2024]).

Вопрос о классификации частиц до сих пор является дискуссионным: многообразие функций и значений частиц, неоднозначность определений этой части речи обуславливают и неоднозначность подходов к выделению критериев, по которым возможно определить разряды частиц.

В классификации В. В. Виноградова частицы делятся на восемь разрядов: усиительно-ограничительные, или выделительные (*уж, ведь, даже, же, лишь, только, хоть* и др.); присоединительные (*также, тоже* и др.); определительные (*именно, как раз, подлинно, точь-в-точь* и др.); указательные (*вон, вот, это* и др.); неопределенные (*кое-, -либо, -нибудь, -то* и др.); количественные (*почти, ровно, точно* и др.), отрицательные (*не, ни*); модальные, среди которых – модально-приглагольные (*бы, -ка, лишь бы, хоть бы, пускай, пусть* и др.); вопросительные (*ли, неужели, разве*); восклицательно-вопросительные (*что за*); выражающие отношение к чужой речи (*будто, де, мол, якобы*) [Виноградов 1947: 667–676].

В академической «Грамматике русского языка» 1960 г. (автор раздела о частицах – Е. М. Галкина-Федорук) выделены четыре разряда: частицы, выражающие различные смысловые оттенки значений слов в речи (*вон, всё, даже, именно, лишь, только* и др.); частицы, вносящие в речь модальные и модально-волевые оттенки (*бы, давай, дай, -ка, ну, пусть* и др.); частицы, вносящие в речь эмоциональные, экспрессивные оттенки (*ведь, ну и, просто, прямо* и др.); частицы, выполняющие словообразовательную и формообразующую функцию (*бы, да, пусть, то* и др.) [Виноградов 1960: 638–649].

В «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 г. в качестве основания классификации определены функции частиц; в соответствии с ним выделены три разряда: синтаксические (*бы, да, давай, пусть* и др.); субъективно-модальные (*ведь, даже, ли, неужели, разве* и др.); отрицательные частицы (*не, ни*). Среди субъективно-модальных различаются по значению усилительные (*ведь, вот, же, даже, -то*); выделительные (*только, лишь только*); вопросительные (*ли, неужели, разве*) и восклицательные (*как, что за*) [Шведова 1970: 313].

В «Русской грамматике» 1980 г. частицы классифицируются уже с опорой на три критерия: по происхождению выделяются два разряда – первообразные и непервообразные; по составу выделяются также два разряда – простые и составные; по функциям – шесть разрядов. К первообразным отнесены «простейшие, за несколькими исключениями односложные частицы, в современном языке не имеющие живых словообразовательных связей и формальных соотношений со словами других классов; это частицы *бишь* (прост.), *бы, вишь* (прост.), *да* (в составе формы повелит. накл.), *де* (разг.), *дескать* (разг.), *же, ин* (прост.), *ишь* (разг.), *-ка, мол* (разг.), *не, небось* (прост.), *нет, неужели, нехай* (прост.), *ни, ну, -с, сём* (прост.), *таки, те* (прост.), *-то, уж, чай* (прост.). Все остальные частицы являются непервообразными. <...> К простым частицам относятся все первообразные частицы, а также частицы, в разной степени обнаруживающие живые связи с союзами, местоименными словами, наречиями, глаголами или предлогами» [Русская грамматика 1980а: 722–

723]. Внутри составных различаются расчленяемые и нерасчленяемые частицы. По функциям выделяются формообразующие, отрицательные, вопросительные, характеризующие действие по протеканию во времени или по результативности, модальные, частицы – утверждающие или отрицающие реплики.

Исследователь С. И. Богданов выделяет три разряда частиц: формообразующие (*бы, давайте*); субъективно-модальные, среди которых отрицательные (*не, ни*), вопросительные (*а, ли (ль), не... ли, неужели, разве, что за, что, как*), характеризующие (*было, бывало, чуть (было) не, как только что не, нет-нет (да) и, так и*), собственно модальные (*а, ведь, вот, да, еще, же, и именно, как есть, ли, лишь, просто, только, те, уж, это*), реплики (*да, нет, точно, именно, вот именно, хорошо, ладно*); союзные частицы (*а, благо, будто, ведь, вот и, даже и* и др.) [Богданов 1997: 27–30].

В статье М. Г. Щур [Щур 2020: 839] представлена наиболее подробная классификация частиц, основанная на трех критериях: сематический признак, особенности функционирования, соотнесенность с типом речевого акта. По семантическому признаку определены 11 разрядов: модальные, выражающие разные виды субъективных отношений (*все же, и, именно, просто, глядь* и др.); эмоционально-экспрессивные, выражающие различные эмоциональные характеристики: угрозу, удивление, недовольство и т.д. (*вишь, ж, ишь, просто, прямо*); адресивные частицы, выражающие семантику, связанную с социальной сферой (*-ка, -с*); контекстные частицы, служащие для выявления авторского поведения, для привлечения внимания к тем или иным компонентам высказывания или текста (*вон, и, да, нет, уж*); количественные, выражающие количественную характеристику компонента пропозиционального содержания (*вот, лишь, так, только*); отрицательные (*не, нет*); фазисная частица *было*, модифицирующая пропозициональную семантику глагольного предиката, выражая то, что действие началось или было предположено, но не совершилось или было прервано; выделительные, выражающие значение несоответствия или соответствия предполагаемого, ожидаемого и действительного (*аж, даже, и, именно, лишь, только*); отождествительные, служащие для выражения

анафорических отношений в тексте (*же, и*); градационные, выражающие нарастание признака (*даже*); частицы-реплики, способные функционировать в диалоге в качестве реплицирующего компонента (*да, ладно, хорошо*). По соотнесенности с типом речевого акта выделяются частицы, соотносимые с вопросом, с побуждением, с утверждением и нейтральные слова [Щур 2020: 839]. Исходя из особенностей функционирования частиц, М. Г. Щур также отмечает, что «одни из них могут функционировать в относительно завершенном высказывании, другие – выводить высказывание в более широкий текст, являясь несоюзными показателями связи в тексте» [Щур 2020: 839].

Итак, в рамках современной науки о языке частицы определяются как часть речи, которая включает слова, выполняющие модальные и коммуникативные функции, а также имеющие собственное лексическое значение, которое, однако, проявляется только в высказывании – предпринимаются попытки учесть весь спектр оттенков значений и функций частиц в классификациях, однако до нынешнего времени критерии выделения разрядов частиц и степень их обобщенности отличаются в разных работах. Но вместе с тем классификации представляют важную основу в лексикографической практике (об этом отдельно сказано в параграфе 1.5) и для исследования частиц в синхронном аспекте, так как, хотя классификации не включают узконаправленные исследования конкретных частиц, на их основе возможно определить общий спектр функциональных возможностей частицы.

1.3 Лексическое, грамматическое и категориальное значение частиц

Замечание о том, что в современных лингвистических исследованиях (с середины XX века) большее, чем прежде, внимание уделяется лексическому значению частиц, обнаруживает в некотором роде инновационность данного подхода. В устоявшемся в XX в. представлении о частицах как части речи вопрос их лексического значения практически не затрагивается: исследователи этого периода считают служебные части речи неполнозначными, а следовательно и не

выражающими конкретного лексического значения. Так, Н. В. Шляков утверждает, что «частица не речь с отдельным смыслом, а звук или созвучие, придающее своеобразный оттенок тому предложению, в котором оно находится. Отдельно взятая частица уже не имеет смысла, а получает свой смысл в предложении, окрашивая его в известный оттенок» [Шляков 1900: 133].

Ту же мысль развивает Н. Ю. Шведова, настаивая на отсутствии не просто собственного лексического значения у частиц, но и вообще их способности влиять на семантическую структуру высказывания: «Частица сама по себе, как отдельно взятое слово, не имеет лексического значения; она не имеет и того общего значения “усиления”, “выделения” и т. п., которое обычно приписывается ей как слову, принадлежащему к тому или иному разряду внутри общей категории частиц. То, что называется значением частицы, обычно отвлекается от модального значения того построения, в составе которого эта частица функционирует. <...> Частица выполняет в нем роль синтаксического форманта, участвующего в образовании предложения или сказуемого с данным, конкретным модальным значением» [Шведова 1960: 18]. Современные лингвистические исследования показывают нецелесообразность столь решительного отрицания семантической самостоятельности частиц (см. исследования [Зализняк 2020], [Левонтина 2004], [Левонтина 2021], [Николаева 1985], [Плунгян 2021], [Стародумова 2002] и др.). Кроме того, хотя синтаксическая обусловленность является важной характеристикой этой части речи, то же справедливо и для других морфологических классов (например, предлогов, выбор которых определяется предложно-падежными отношениями). Значимым отличием частиц от полных слов будет являться отсутствие денотата, а от служебных – выражение модальных значений и значений соотносительности.

Отдельные исследователи заявляют о том, что некоторые группы частиц не только могут проявлять лексическое значение, но и вовсе не являются грамматическими показателями. Так, А. Мирович утверждает, что «они [конъюнктивные частицы. – А. Г.] выполняют ту же функцию, что и

номинативные лексемы. Следовательно, их функция – лексическая. Грамматическая значимость у них отсутствует» [Мирович 1962: 108].

Постулат о том, что частицы вносят дополнительные модальные оттенки в синтаксические конструкции, неизбежно ставит вопрос о конкретном значении, присущем конкретной частице, в особенности если она является производной, так как «получаемые в итоге развития частицы принадлежат к грамматической зоне, однако их лексическое значение не вполне стирается, и оказывается целесообразным подробный анализ значения лексемы-источника» [Лучина 2016: 575]. Таким образом, рассматриваемая в данном диссертационном исследовании проблема межчастеречной переходности, тесно связана с проблемой дифференциации лексического и грамматического значений, механизмы взаимодействия которых в современной лингвистике зачастую рассматриваются в рамках теории грамматикализации.

Грамматикализация, в классическом понимании термина, сформулированном Е. Куриловичем (первое употребление термина принадлежит А. Мейе), это «расширение диапазона морфемы в направлении от лексического к грамматическому или от менее грамматического к более грамматическому статусу»² [Kurilowicz 1965: 52]. Теория грамматикализации наиболее активно применяется в зарубежной лингвистике. Так, основной работой, положившей начало развитию этой теории, является статья Т. Гивона «Исторический синтаксис и синхронная морфология: археологическая командировка» [Givon 1971], в которой грамматикализация была рассмотрена в аспекте внимания к морфогенезу; в более поздней работе «О понимании грамматики» [Givon 1979] также включает в понятие грамматикализации развитие иерархических синтаксических структур и предлагает следующую схему развития

² Оригинальная цитата: «Grammaticalization consists in the increase of the range of a morpheme advancing from a lexical to a grammatical or from a less grammatical to a more grammatical status» [Kurilowicz 1965: 52].

грамматикализованных компонентов: «дискурсивная структура – синтаксическая структура – морфология – морфонология – ноль»³ [Givón 1979: 209].

В монографии К. Лемана «Размышления о грамматикализации» [Lehmann 2002] предложены три условия возникновения грамматикализации (автономность, когезия и изменчивость), определяющие параметры этого процесса:

- целостность знака, утрачивающаяся в процессе фонологической аттракции, десемантизации и демотивации (отсутствия семантической обусловленности, в том числе отражающейся в виде необходимости редупликации), и в итоге приводящая к морфологической деградации;

- парадигматизация – «формальная и семантическая интеграция как парадигмы в целом, так и отдельной подкатегории в парадигму ее общей категории»⁴ [Lehmann 2002: 118], подразумевающая соотнесенность между открытыми наборами лексических и закрытыми наборами грамматических единиц, то есть между полноточными и непотноточными словами, при чем эти единицы должны быть типотогически однородны. Факторами парадигматизации являются также «застывание» форм и морфотогическая нерегулярность;

- парадигматическая вариативность, выражающаяся в свободе выбора говорящим знака из двух противоположных альтернатив с учетом степени их облигаторности, так как «выбор противоположных членов парадигмы диктуется грамматикой в той мере, в какой грамматикализована вся парадигма»⁵ [Lehmann 2002: 123];

- структурный объем грамматического средства, определяемый уровнем грамматической структуры конструкции, и утрачивающий в процессе грамматикализации рематичность и четкость конструкции (при возникновении эллиптичности);

³ Оригинальная цитата: «Discourse → Syntax → Morphology → Morphophonemics → Zero» [Givón 1979: 209].

⁴ Оригинальная цитата: «What is meant here by paradigmatic cohesion or paradigmaticity is the formal and semantic integration both of a paradigm as a whole and of a single subcategory into the paradigm of its generic category» [Lehmann 2002: 118].

⁵ Оригинальная цитата: «The selection of opposite members of the paradigm, however, is dictated by the grammar to the degree that the whole paradigm is grammaticalized» [Lehmann 2002: 123].

- синтагматическая связность, или ограниченность знака, развивающаяся поэтапно: клитификация, агглютинация, утрата морфемной самостоятельности;

- синтагматическая изменчивость знака, в частности, позиционная изменчивость по отношению к другим компонентам конструкции [Lehmann 2002: 108–153].

В работах Э. Трауготт представлен семантический подход: «Если происходит сдвиг значения, который в процессе грамматикализации влечет за собой переход от одного функционально-семантического к другому компоненту, то такой сдвиг, скорее будет идти в направлении от пропозиционального компонента через текстуальный к экспрессивному, чем в обратном направлении»⁶ [Traugott 1982: 256].

Дж. Байби и У. Пальюка в статье «Межъязыковое сравнение и развитие грамматического значения» сформулировали характерные особенности грамматикализации – обобщение значения, частота употребления и метафорическое расширение [Bybee, Pagliuca 1985].

В монографии Б. Хайне «Грамматикализация: концептуальные основы» [Heine 1991] грамматикализация рассматривается как результат внеязыковых изменений, а когнитивные процессы признаются основным фактором утраты лексического значения: «Основное утверждение, сделанное здесь, заключается не только в том, что грамматикализация является важным параметром для понимания языкового поведения, но и в том, что сама грамматикализация мотивируется экстралингвистическими факторами, прежде всего когнитивными»⁷ [Heine 1991: 27], среди которых исследователем выделяются концептуализация, пропозиция (пространства, движения, действия, части целого, эквивалентности и комитативности). Метафорический перенос, как и в упомянутой выше работе, признается Б. Хайне одним из важнейших механизмов грамматикализации.

⁶ Оригинальная цитата: «If there occurs a meaning-shift which, in the process of grammaticalization, entails shifts from one functional-semantic component to another, then such a shift is more likely to be from propositional through textual to expressive than in reverse direction» [Traugott 1982: 256].

⁷ Оригинальная цитата: «The main claim made here is not only that grammaticalization offers an important parameter for understanding linguistic behavior but that grammaticalization itself is motivated by extralinguistic factors, above all by cognition» [Heine 1991: 27].

В отечественном языкознании одним из первых сформулировал проблематику грамматикализации (более употребительным был термин *грамматизация*) В. М. Жирмунский: «грамматизация представляет результат абстрагирования (иногда более, иногда менее полного) от конкретного лексического значения, которое первоначально имело служебное слово» [Жирмунский 1961: 15–16]. По ряду причин именно этот взгляд на процесс образования служебных слов (в особенности частиц) представляется нам наиболее удачным: во-первых, частиц, выполняющих исключительно грамматические функции, значительно меньше, чем семантически наполненных частиц, сформировавшихся с помощью абстрагирования семантики исходного слова, но не утраты лексического значения в пользу грамматического; во-вторых, именно абстрагирование семантики формирует возможность использования частицы в дискурсивной или прагматической функции (о различиях в терминологии в отношении дискурсивных частиц, дискурсивных и прагматических маркеров и др. см. параграф 1.4.1).

Как и В. М. Жирмунский, В. Н. Ярцева обращается к грамматикализации с позиции развития аналитических форм: «аналитические конструкции, развивающиеся в процессе грамматизации <...> из синтаксиса уходят в морфологию» [Ярцева 1960: 466].

В работе В. А. Плунгяна грамматикализация понимается как процесс постепенной утраты автономности лексической единицы [Плунгян 2000: 18] и как «непрерывный процесс усиления грамматичности языковой единицы, при котором неграмматическое превращается в грамматическое» [Плунгян 2009: 57]. В монографии Т. А. Майсак «Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции» указано, что основными механизмами грамматикализации признается метафора (принцип «использование старых средств для новой функции» [Майсак 2005: 42] – фиксацию этого принципа мы наблюдаем в лексикографических источниках) и логический вывод («если при использовании некоторой грамматической формы стандартно возникает определенная прагматическая импликация, со временем она может

утвердиться в качестве неотъемлемой части значения этой формы» [Майсак 2005: 42]).

Отдельные исследователи считают целесообразным в рамках теории грамматикализации рассматривать только формообразующие частицы. При этом грамматикализация подразумевает не просто возникающую у слова устойчивую контекстуальную зависимость, но и утрату им лексического значения, а взамен этого – приобретение нового, более грамматического. Эта тенденция может быть отнесена лишь к небольшой группе частиц, служащих грамматическими показателями (например, частица *было*, см. [Сичинава 20186]).

В рамках рассмотрения частиц в соответствии с их грамматической функцией можно говорить о том, что специфическим грамматическим значением этой части речи является собственно принадлежность к классу частиц, так как они не обладают словоизменительными и иными словоклассифицирующими категориями.

Наряду с грамматикализацией, в середине XX века в качестве способа описания причин и закономерностей перехода полнозначных слов в разряд служебных рассматривалась лексикализация. В упомянутой выше работе В. М. Жирмунского под лексикализацией понимается «превращение группы слов в более или менее прочное фразеологическое единство, представляющее в смысловом отношении фразеологический эквивалент слов» [Жирмунский 1961: 16]. Согласно определению Д. Н. Шмелева, лексикализация представляет собой процесс семантического обособления отдельных форм слов, в том числе, например, возможность использования глагольных форм в функции частиц: «Отдельные формы некоторых глаголов, утрачивая отчетливые очертания своего лексического и грамматического значения, могут в разных контекстах выступать в функции частиц и междометий <...> Лексическое и грамматическое значение формы сдвигается в различных направлениях, но оно продолжает оставаться тем внутренним стержнем, который ощущается при самом разнообразном употреблении этих форм и который не дает им рассыпаться на ряд самостоятельных омонимов <...> Представляется возможным считать, что

семантическое обособление какой-либо из грамматических форм слова не свидетельствует само по себе об образовании самостоятельной лексической единицы» [Шмелев 1961: 504].

В начале XXI века появляется термин «прагматикализация», встраивающийся в систему способов описания преобразований полнозначных слов. По замечанию А. Д. Шмелева, «в самом общем виде прагматикализацию можно описать как приобретение языковой единицей специфических прагматических функций» [Шмелев 2024: 375], сопровождающееся прагматической обязательностью (термин предложен А. Д. Шмелевым в работе [Шмелев 2001]) и семантическим выхолащиванием.

Соотношение механизмов грамматикализации и прагматикализации описано в нескольких работах, в частности [Günther, Mutz 2004], [Heine 2013], [Degand, Evers-Vermeul 2015], [Waltereit, Ulrich 2016], [Пекелис 2024]; интерес к этому вопросу вызван тем, что прагматикализация в отдельных исследованиях рассматривается как разновидность грамматикализации. Так, Г. Дивальд в работе «Прагматикализация как грамматикализация функций дискурса»⁸ говорит о том, что «грамматика и, следовательно, грамматикализация должны пониматься достаточно широко, чтобы охватывать развитие функциональных элементов – таких как определенные функции дискурса, – которые выходят за рамки традиционного понимания грамматики. Однако они настолько схожи с традиционными грамматическими категориями в их диахроническом развитии и синхронном функционировании, что нет веских оснований исключать их из грамматики и процессов грамматикализации»⁹ [Diewald 2011: 365]. Аргументы, приводимые в цитируемой статье (универсальность параметров грамматикализации, зависимость от длительности процесса грамматикализации,

⁸ Название в оригинале: «Pragmaticalization (defined) as grammaticalization of discourse functions» [Diewald 2015].

⁹ Оригинальная цитата: «Grammar and hence grammaticalization has to be conceived broadly enough in order to encompass the development of functional elements – like particular discourse functions – which transgress the traditional notion of grammar, but resemble traditional grammatical categories in their diachronic development and their synchronic behavior to such an extent that there is no positive argument to exclude them from grammar and grammaticalization» [Diewald 2011: 365].

дихотомия структурного и семантического объема слова), кажутся достаточно убедительными, а потому в данном диссертационном исследовании грамматические, семантические и прагматические трансформации полнозначных единиц рассматриваются как процессы грамматикализации в ее широком понимании.

Стоит отметить, что вопрос о статусе обособившихся языковых форм до сих пор является актуальным и в свете семантического словообразования (см. [Марков 1981], [Некипелова 2011], [Качурин 2013]), переходности частей речи (см. [Черкасова 1967], [Мигирин 1971], [Тихомирова 1973], [Лукин 1973]) и частеречных границ (см. [Смирницкий 1952], [Суник 1966], [Лукин 1982], [Сидоренко 2006]).

Определение того, стоит ли полноценно относить слово к частицам или к другим частям речи, может быть рассмотрено в рамках понятия семантического перехода, предложенного А. А. Зализняк, под которым понимается «факт совмещения, в пределах одного слова, двух разных значений – в форме либо синхронной полисемии, либо диахронической семантической эволюции. <...> Семантический переход обнаруживает себя в реализациях: 1) полисемия (А и В – значения одного слова одного языка в синхронии; 2) семантическая эволюция (А и В – значения одного слова одного языка в диахронии); 3) деривация (В – значение морфологического деривата слова, имеющего значение А); 4) когнаты (значения А и В принадлежат словам двух близкородственных языков); 5) заимствование (иностранное слово со значением А в языке-источнике в заимствующем языке приобретает значение В); 6) грамматикализация (значение В – грамматическое)» [Зализняк 2009: 107].

Часть исследователей рассматривает переход слов из одной части речи в другую в рамках словообразовательных отношений транспозиции: «Слова и группы слов в процессе коммуникации могут выполнять (в соответствии с потребностями говорящего) функции слов другой части речи, замещать их и при этом приобретать свойства (или часть их) замещаемой части речи» [Бабайцева

2000: 333]. В. В. Бабайцева предлагает оценивать переход слова к другой части речи по шкале соотнесенности в зависимости от доминирования свойств:

$A - AB - AB - aB - B$,

где A – начальная ступень перехода, B – завершающая, AB – гибридное промежуточное состояние.

Разновидностью транспозиции Е. С. Кубрякова считает конверсию, то есть «процесс морфологической транспозиции основы и, следовательно, <...> процесс полной смены парадигмы у исходной единицы или <...> результат полного изменения морфологического окружения у нее» [Кубрякова 1974: 75].

Е. П. Калечиц, опираясь на теорию В. В. Бабайцевой, рассматривает подобные явления «как результат морфолого-синтаксического способа словообразования и как явление грамматической омонимии. Переходные явления такого рода представляют собой процессы лексико-грамматического характера. <...> Показателем перехода слова в другую часть речи будет изменение категориального значения» [Калечиц 1977: 13].

Изложенные выше теории относятся к проблеме переходности полнозначных слов в частицы с точки зрения описания грамматических свойств, сопровождающих изменение отнесенности слова к определенной части речи. Однако исследование этого процесса неразрывно связано и с изучением семантических преобразований лексемы, происходящих (а в некоторых случаях и являющихся основой) при межчастеречном переходе.

Как следует из дефиниций термина *частица*, приведенных выше, не все исследователи считают возможным наличие у частиц собственного значения. Между тем отдельные словарные описания иллюстрируют возможность не только наличия у частиц собственного значения, но и внутреннего противопоставления значений – энантиосемии, под которой, согласно определению Д. Н. Шмелева, понимается «Появление у слова противоположного значения (иногда вытесняющего первоначальное, иногда сосуществующего с ним)» [Шмелев 1977: 208]. Этому явлению посвящено большое количество работ в области лексической семантики, однако внимание исследователей не было обращено в

этом аспекте к частицам; более того, при классификации типов энантиосемии частицы не рассматриваются в ряду частей речи, способных к ее формированию: например, Л. Р. Махмутова выделяет только субстантивную, адъективную, адverbиальную, глагольную и междометную энантиосемию [Махмутова 2009: 14]). С этой позицией возможно согласиться ввиду небольшого количества частиц, способных к выражению противоположных значений (по результатам анализа лексикографических источников к ним возможно отнести *конечно, уж, да, ну*); кроме того, в основном это обуславливается различием в интонационном оформлении высказывания.

Однако заметим, что, например, для составной частицы *ай да* в «Большом универсальном словаре русского языка» приводятся значения: «1. Употребляется для выражения восхищения, одобрения. <...> 1.1. *ирон.* Употребляется для выражения неодобрения» [БУС 2022а: 24], которые можно отнести к случаям функциональной энантиосемии.

Для целей настоящей работы является основополагающим обращение к историческим аспектам развития семантики и изменения грамматического статуса полнозначных языковых единиц, приведшим к их переходу в частицы. Поэтому отдельно необходимо уделить внимание и существующим в современном лингвистическом дискурсе методам исследования диахронической семантики.

Изменениям семантической структуры отдельных языковых единиц уделено внимание в значительном количестве работ ученых XX в. При этом во многих исследованиях признавалась необходимость сочетания диахронических и синхронических аспектов. Например, В. В. Виноградов отмечает: «В синхроническом тождестве слова есть отголосок его прежних изменений и намеки на будущее развитие. Следовательно, синхроническое и диахроническое – лишь разные стороны одного и того же исторического процесса. Динамика настоящего – порыв в будущее. Соотношение значений в современном употреблении слова, их иерархия, их фразеологические контексты и их экспрессивная оценка – всегда заключают в себе диахронические отложения

прошлых эпох» [Виноградов 1994: 7]. Важно, что в науке этого периода историческая лексикология не выделялась отдельно, а включалась в состав этимологии.

Внимание исследователей последних десятилетий в большей степени обращено к диахронии. В. А. Плунгян считает, что «оказался преодолен негласный запрет на использование данных истории языка при синхронном анализе: ведь, в конечном счете, постоянное изменение языка является одной из существенных особенностей его функционирования, поэтому полное описание языка должно учитывать и диахронические аспекты» [Плунгян 1998: 325].

Трансформация семантики в значительной степени обусловлена взаимосвязью слова с контекстуальным окружением, использованием его в разных стилях речи и регистрах языка, синтагматических и парадигматических отношений, а также историей формирования семантической структуры. Эти вопросы рассматриваются в рамках различных подходов к диахронической семантике.

В работе Анны А. Зализняк [Зализняк 2012] был предложен термин «ближняя семантическая эволюция», который толкуется как неверное понимание читателем определенного слова или конструкции в тексте XIX–XX вв. возникающее в результате незначительной трансформации семантики языковой единицы в предшествующие исторические периоды. Исследователь указывает на то, что «изменение значения обычно сопровождается изменением сочетаемости. <...> Различие здесь именно в эффекте: в одних случаях словосочетание понимается правильно, несмотря на то, что “сейчас так не говорят”, а в других – выражение понимается неправильно, потому что сейчас так тоже говорят, но имея в виду другой смысл» [Зализняк 2012: 3, 5]. Хотя этот подход к работе с историческим материалом применяется обычно по отношению к исследованию языка писателей, представляется, что отдельные его механизмы могут быть применены и при изучении служебной лексики (см., например, параграф 4.5 о единице *именно*, которая в текстах ранее XVIII в. функционировала как наречие

со значением ‘поименно, по списку’, а в современном языке является выделительной частицей).

Еще один способ исследования истории изменения значений – семантическая реконструкция, которая, в наиболее общем смысле, и является реализацией диахронного подхода к семантике: в широкой трактовке под ней подразумевается восстановление первичного значения слова, которое было актуальным еще в праязыке и на базе которого впоследствии развились иные значения; в узкой трактовке семантическая реконструкция – это восстановление семантической структуры слова, вне зависимости от праязыкового этапа, с целью воспроизведения последовательности семантических изменений и возникновения возможностей семантических связей с другими словами.

Необходимость учета диахронических данных семантики была отмечена и в специальном издании «Дискурсивные слова русского языка»: «Мы исходим из того, что правильную трактовку слова следует искать не только в интуиции других носителей и лингвистов, закреплённой в словарях, грамматиках и исследованиях, но и в “родственных связях” слова – как синхронических (собственно родственные слова), так и диахронических (этимологические корни слова)» [Дискурсивные слова русского языка 1998: 42]. Так, в описании значений лексемы *кстати* оказывается важным, что исторически она состоит из предлога *к* и существительного *стать* (в старом значении ‘причина, повод, способ’, ср. современные значения ‘осанка, фигура’).

Вопрос категориального значения частиц, ввиду их широкой семантической и синтаксической валентности, а также функциональных особенностей, до настоящего времени остается дискуссионным; имеются только отдельные мнения, например: «Общим для всех частиц является выражение отношения сообщения к описываемой действительности, т. е. соотнесение сообщаемого – определенной точки зрения – с действительностью» [Колесникова 2012: 65]. В наиболее общем виде, на наш взгляд, категориальное значение этой части речи можно сформулировать как «выражение отношения чего-, кого-либо к чему-, кому-либо», так как не все частицы определяют соотношение только

с окружающей действительностью (как следует из приведенных в параграфе 1.2 определений данной части речи).

1.4. Частицы в свете проблемы частей речи в русском языке

Проблема омонимии частиц другим частям речи тесно связана с вопросом критериев частеречности в целом (см., например, работы [Панов 1960], [Кубрякова 1978], [Сичинава 2018a]). В аспекте рассматриваемой темы важно отметить два вектора решения проблемы выделения частей речи в отечественном языкознании:

1) Языковые единицы распределяются по частям речи в соответствии с их категориальным значением, а также набором грамматических и семантических характеристик; при этом часть языковых единиц остается вне пределов этой системы. Л. В. Щерба в этой связи отмечал: «Самое различие “частей речи” едва ли можно считать результатом “научной” классификации слов <...> Однако в вопросе о “частях речи” исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо ученым и очень умным, по предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой, или точнее, – ибо дело вовсе не в “классификации”, – под какую общую категорию подводится то или иное лексическое значение в каждом отдельном случае <...> Поскольку опять-таки мы имеем дело не с классификацией, нечего опасаться, что некоторые слова никуда не подойдут, – значит, они действительно не подводятся нами ни под какую категорию. Таковы, например, так называемые вводные слова, которые едва ли составляют какую-либо ясную категорию, между прочим именно из-за отсутствия соотносительности» [Щерба 1928: 5]. При данном подходе многие “мелкие” слова (если это не формообразующие частицы) оказываются не соотнесенными ни с одной из частей речи; при этом часто они объединяются по одному из признаков (например, таково выделение вводных слов, признанных синтаксической категорией, сближающейся с частями речи; см. параграф 1.6.3).

2) Языковые единицы классифицируются в соответствии с семантическим, морфологическим, синтаксическим подходом или в соответствии с субъективным восприятием исследователя (см. об этом [Алпатов 1986]). В этом случае слова оказываются наиболее полным образом распределены, и к разряду частиц причисляют, например, обособившиеся формы глаголов и наречий, этикетные выражения, отдельные вводные слова.

Ввиду дискуссионности частеречного деления и определения состава частиц важной проблемой является также терминология, к ним применяемая. Так, лексемы, выполняющие функции, присущие частицам, в зависимости от направления работы исследователя получают различные именования – дискурсивные частицы, дискурсивные маркеры, прагматические маркеры.

Под дискурсивными частицами «имеются в виду единицы, которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему, как он оценивает их с точки зрения степени важности, правдоподобности, вероятности, и т.п. Именно эти единицы управляют процессом общения: они выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом и проч.» [ДСРЯ 1993: 7]

В словаре-монографии «Прагматические маркеры русской повседневной речи» представлен краткий обзор различий прагматических и дискурсивных маркеров: по мнению авторов, дискурсивные маркеры используются говорящим осознанно, структурируя текст и в полной мере обладают как лексическим, так и грамматическим значением; прагматические же маркеры имеют рефлексивный характер и «находятся фактически вне системы частей речи, включая и категорию частиц, у которых также нет даже обобщенного грамматического значения и единых критериев выделения в эту лексико-грамматическую категорию <...> ближе всего к частицам из класса прагматических маркеров стоят маркеры-ксенопоказатели, но и они отличаются от традиционных частиц <...> тем,

например, обстоятельством, что по преимуществу сохраняют “атавизмы” грамматического значения» [Богданова-Бегларян 2021: 14].

Исследовательский интерес к таким языковым единицам отмечался еще в середине XX в., но рассматривались они в ряду частиц. Так, Д. С. Светлышев отмечает что «эмоционально-экспрессивные частицы вносят в слово или предложение те дополнительные смысловые и эмоциональные оттенки, которыми восполняется эмоционально-смысловая нагрузка той или иной синтаксически организованной единицы речи, повышается степени ее выразительности» [Светлышев 1955: 7].

На наш взгляд, так как категориальное значение частиц остается дискуссионным и может быть определено предельно широко, целесообразно объединить в разряд частиц вышеназванные терминологические категории.

При рассмотрении перехода полнозначных слов в частицы особенно важным оказывается фактор различения многозначности и омонимии, так как перед исследователем возникает вопрос, что именно следует считать результатом перехода и на каком этапе возможно определить формирование частицы как отдельной языковой единицы, а не как проявление периферийного значения или функции полнозначного слова. Этот вопрос довольно подробно изучался с середины XX в. в отечественной и зарубежной лингвистике. Так, в работе Дж. Лайонса «Семантика» [Lyons 1977] приводятся некоторые критерии разграничения этих терминов, основанные на понятии связанности значений:

- этимологический: разные диахронные основы являются аргументом в пользу омонимии¹⁰;
- семантический: «Различие между омонимией и полисемией, <...> по-видимому, соотносится с ощущением носителя языка, что некоторые значения

¹⁰ Для исследования частиц, образованных от полнозначных слов, этот фактор применим только в качестве верификации данных о происхождении и значении частицы). Дифференцировать частицу и полнозначное слово как омонимы в данном случае невозможно ввиду наличия семантической деривации между ними.

связаны, а другие – нет»¹¹ [Lyons 1977: 551]. Об определяющей роли связанности в отношении явлений неоднозначности (ambiguity) и неопределенности (vagueness) в семантике и связанной с ними полисемии рассуждает также Д. Тагги: «Разница между неоднозначностью и неопределенностью заключается в том, связаны ли два или более значения, ассоциируемые с определённой фонологической формой, как отдельные (неоднозначность) или объединены как неразделённые частные случаи единого, более общего значения (неопределённость)»¹² [Tuggy 1993: 273].

В отношении частиц это действительно важный критерий, поскольку, как будет показано в Главе 2, по мере развития частицы ее внутренняя форма становится неочевидной для носителя языка, вследствие чего утрачивается соотнесение партикулярной единицы с диахронной основой (убедительной иллюстрацией этому тезису служит эволюция частицы *бишь*);

- компонентный анализ. Дж. Лайонс указывает на то, что значительный недостаток этого метода заключается в невозможности установить «сколько компонентов или какого рода компоненты должны быть общими для двух значений, чтобы они соответствовали друг другу»¹³ [Lyons 1977: 553]. Для исследования частиц этот метод тоже оказывается нерелевантным ввиду отсутствия четкой семантической структуры у служебных частей речи.

В монографии Г. И Кустовой рассматривается вопрос о неоднозначном отношении к полисемии: «В лингвистических теориях и даже в словарях полисемия нередко предстает как явление, имеющее сомнительные преимущества, но представляющее несомненные неудобства для лингвистического описания. <...> Полисемия же нередко представляется как преддверие омонимии» [Кустова 2004: 15].

¹¹ Оригинальная цитата: «The distinction between homonymy and polysemy <...> it would seem to correlate with the native speaker's feeling that certain meanings are connected and that others are not» [Lyons 1977: 551].

¹² Оригинальная цитата: «The difference between ambiguity and vagueness is a matter of whether two or more meanings associated with a given phonological form are distinct (ambiguous), or united as non-distinguished subcases of a single, more general meaning (vague)» [Tuggy 1993: 273].

¹³ Оригинальная цитата: «How many components, or alternatively what kind of components, two senses must share in order for them to meet the criterion of relatedness of meaning» [Lyons 1977: 553].

Ю. Д. Апресян сообщает, что «в некоторых словарях объективным критерием омонимии иногда считается различие в наборе грамматических категорий для двух лексических значений <...> или различие в способах выражения грамматических категорий при разных значениях» [Апресян 1995: 183]. Это положение значимо для исследования частиц, так как именно изменение грамматического статуса (следовательно, возникновение значимого различия в наборе грамматических категорий) свидетельствует о завершившемся переходе и формировании частицы. Однако при сравнении семантических дериваций между словами одной и той же части речи и между полными и служебными частями речи оказывается, что лексикографическая фиксация вторых заметно отличается от первых: к примеру, отношения омонимии между двумя существительными с одной диахронной основой, связь значений которых в современном языке утрачена, отражаются в словарях с помощью числовых индексов; при этом отдельные частицы, развившиеся из полных слов, могут быть включены в состав словарной статьи исходного слова с пометой «в значении частицы» или «в функции частицы».

1.5. Лексикографическое отображение частиц

Лексикографическая фиксация языковых единиц оказывается особенно важной при первичном отборе исследовательского материала. Вопрос словарного представления служебных слов, в том числе и частиц, рассматривался в различных статьях и диссертациях (см., например, [Жевако 1977], [Щур 1999], [Цой 2008], [Никитин 2025] и др.).

Обращает на себя внимание разное количество единиц, отнесенных в словарях к частицам. Так, по нашим подсчетам, в «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (далее – МАС) содержится 121 частица [МАС 1981, 1982, 1983, 1984], в [БТС 1998] – 97 частиц, в [Ожегов 1992] – 171 частица,

в [Ушаков 1935, 1938, 1939, 1940] – 78 частиц¹⁴; такое расхождение в количестве частиц (более 19 от словаря к словарю) обуславливается различными подходами к параметризации частиц и другими проблемами, затронутыми в данной главе. В указанное количество включены единицы, помещенные в лексикографические издания с пометой «в знач. частицы», которая оказывается довольно весомой при описании производных частиц, сформировавшихся в результате перехода из других частей речи. Отметим, что такие единицы мы относим к частицам, учитывая их высокий потенциал перехода и регулярность функционирования в качестве частицы.

Описание помет морфологического содержания и принципов работы лексикографа над описанием грамматического материала отражено в инструкциях к академическим словарям, а также в предисловиях, содержащих руководства к пользованию изданием. В «Большом академическом словаре» отмечено, что помета «в знач.» ставится при обозначении перехода лексемы в другие части речи; следовательно, она сопровождает единицы, находящиеся на этапе перехода или перешедшие в частицы на современном этапе развития языка и не закрепившиеся еще в грамматической системе как частица. Интересно при этом отметить, что, например, в этом же словаре содержится словарная статья *бывает* с пометами «частица, в знач. вводного слова», что, учитывая периферийный статус класса вводных слов (об этом см. параграф 1.6.3) и приведенное выше пояснение к использованию помет, свидетельствует о потенциале морфологического развития частиц.

Г. А. Жевако указывает на то, что «в особо сложном положении находится лексикографическая подача частиц позднейшего происхождения, т. е. производных частиц синхронного среза: в некоторых словарях они не описаны вовсе, хотя семантический сдвиг (без квалификации данного явления как переходного – “в значении частицы” или производного, собственно “частичного”) как-то зарегистрирован» [Жевако 1977: 67], что особенно актуально для

¹⁴ Указаны данные наиболее известных толковых словарей русского языка, издание которых на момент проведения исследования завершено.

современного языка, в частности в области неологии и сленговых единиц, которые, выполняя прагматико-коммуникативные функции, могут брать на себя и морфологические функции частиц (например, сленговое *ля*, описанное в параграфе 2.1.3).

Разъяснения об описании переходных единиц даны в «Инструкции для составления “Словаря современного русского литературного языка” (в пятнадцати томах)»: «Если какое-либо слово употребляется в значении другой части речи <...>, это должно быть указано в статье на данное слово, причем: а) если употребление в значении другой части речи связано с определенным значением слова, оно указывается в конце этого значения <...>; б) если употребляемое в значении другой части речи слово имеет особое лексическое значение, оно выделяется за арабской цифрой или знаком || и при нем дается определение <...>. Слова, перешедшие в разряд других частей речи (жаркое, мороженое, обвиняемый и т. п.), выделяются в особую словарную статью» [Инструкция 1958: 64]. Интересно, что примеры слов, подлежащих описанию в отдельной статье, иллюстрируют переходность только между прилагательными и существительными, но в общем правило сформулировано широко и не включает ограничение на подобные описания для других частей речи; при этом в лексикографической традиции академических толковых словарей производные частицы размещаются в составе статьи исходного слова, а не отдельно.

Толкование языковой единицы, по замечанию Ю. Д. Апресяна, «выполняет четыре функции: а) объясняет значение данной языковой единицы; б) служит основой для установления ее места в семантической системе языка; в) является семантическим правилом, применяемым при переходе от синтаксического представления высказывания к его (поверхностно-)семантическому представлению, и наоборот; г) служит основой для правил семантического взаимодействия данной языковой единицы с другими единицами в составе высказывания» [Апресян 1994: 29]. Для описания частиц эти функции также чрезвычайно важны, хотя ввиду их семантической диффузности формулирование конкретного значения не всегда целесообразно: так, в предисловии

к продолжающемуся изданию «Академического толкового словаря русского языка» (далее – АТоС) отмечено, что «Толкование союзов, предлогов, частиц, междометий дается в виде описания их семантических свойств и синтаксической роли в предложении. Например: <...> ВЕДЬ, частица и союз. 1. частица. Употребляется для усиления основного содержания высказывания (предположения, утверждения, вопроса и т. п.).» [АТоС 2016а: 22]. При этом отдельные частицы не получают подробного описания как в АТоСе, так и в других словарях (см., например, в [АТоС 2016а: 48] или [БТС 1998: 25] частицу *авось*, толкование к которой формируется преимущественно синонимическим рядом). Вместе с тем для частиц, ввиду многокомпонентности их значения, важно отмечать в толковании те семы, которые отличают частицу от других слов и фразовых сочетаний. Таким образом, частицы в словарях могут быть описаны тремя способами: 1) ряд синонимов; 2) указание на прагматическую функцию (обычно с использованием оборота «употребляется для...»); 3) указание на какое-либо отношение, определяемое контекстом («указывает на...», «выражает...»).

Еще один вопрос, релевантный для структуры лексикографического издания, связан с принципами фиксации составных частиц. Согласно «Русской грамматике», к ним относятся «...частицы, образовавшиеся из двух (реже – более) слов: двух частиц, частицы и союза, частицы и предлога, а также частицы и изолировавшейся от своего класса глагольной формы или наречия. Составные частицы могут быть нерасчленяемыми – их компоненты в предложении не могут быть разделены другими словами, или расчленяемыми: их компоненты в предложении могут быть разделены другими словами» [Русская грамматика 1980а: 722–723]. Большинство толковых словарей не включают такие единицы, либо отражают их в зоне устойчивых сочетаний (например, частица *как раз* в МАСе; указания на частеречную принадлежность в указанной словарной статье нет), либо с пометой *в сочетании с* (см. словарную статью *ведь* в [АТоС 2016а: 160]. При этом в «Большом универсальном словаре» составные частицы зафиксированы. Например: «А как же, *част. разг.* Употр. в качестве усиленного утвердительного ответа на вопрос» [БУС 2022а: 25]. По всей видимости, решение

о включении таких языковых единиц определяется объемом словника и форматом конкретного словаря.

Следует сказать и о последовательности присвоения морфологических помет: словарные статьи исторических лексикографических изданий включают пометы для двух частей речи при недифференцированном толковании, к примеру: «Вѣдь² (вѣдѣ), частица и союз. Ведь» [Сл. XI–XVII 1975б: 50], но: «Даже, частица и союз. I. частица (усилительная). 1. Соответствует: ведь, даже. <...> 2. Соответствует: как, когда. <...> II. Союз (присоединительный). 1. Соответствует: пока, до тех пор. пока. <...> 2. Соответствует: чтобы, для того чтобы» [Сл. XI–XVII 1977: 167]. Морфологическая система служебных слов в древне- и старорусский период еще не была устойчива, поэтому ее системное лексикографическое описание затруднительно, однако обоснование указания на частеречную принадлежность и более подробное описание функционирования конкретной единицы в текстах письменных памятников значительно бы дополнило подачу словарного материала.

Словарные статьи об отдельных частицах сопровождаются стилистическими пометами «разг.» или «прост.»¹⁵, свидетельствующими о сниженности этих элементов по отношению к нейтральной речи. Для разговорной, бытовой речи действительно характерно более активное использование частиц, чем для других речевых типов, о чем пишет и Е. А. Земская: «Наблюдения и подсчеты в записях живой речи также подтвердили самую большую насыщенность частицами текстов устной разговорной речи по сравнению с другими типами речи» [цит. по: Земская 1983: 157]. Однако, как отмечает А. Р. Пестова, «среди исследователей существует мнение, что у стилистически маркированных единиц всегда имеются нейтральные синонимы» [Пестова 2021: 39]. При этом такие частицы как *вишь*, *ишь*, *себе*,

¹⁵ Любопытно отметить, что в «Большом универсальном словаре», при описании частицы *лишь* присутствует помета «с легким оттенком книжности» [БУС 2022а: 500], при том, что в других словарях (МАС, БАС, Словарь Ушакова) в той же словарной статье стилистические пометы отсутствуют. Это еще раз подчеркивает неопределенность статуса частиц, в том числе в стилистическом аспекте, проявляющаяся в субъективизме исследователя при описании этой части речи.

просто и некоторые другие, включенные в словарные статьи (например, в составе МАСа) со стилистическими пометами, не имеют абсолютных соответствий среди нейтральных языковых средств. Впрочем, в «Инструкции для составления “Словаря современного русского литературного языка”» учтена такая возможность (хотя и по отношению к полнзначной лексике): «Не менее значительная часть разговорной лексики не имеет соответствующих синонимов в нейтральной или книжной лексике. Это слова, которые служат для обозначения бытовых, обиходных понятий, предметов, действий и т. д.» [цит. по: Пестова 2021: 39].

Классификация частиц, о дискуссионном статусе которой сказано в параграфе 1.1, составляет также важный для лексикографии вопрос. Обычно в словарных статьях приводится указание на разряд частицы, только в случае отсутствия в большинстве научных источников расхождений исследовательских мнений насчет конкретной единицы. В результате такого подхода набор классификационных характеристик, присутствующих в академических словарях, ограничен несколькими разрядами (указаны только те, которые отмечены в словарях: МАС, БАС, АТолС): вопросительные (например, *ась, ай, будто, неужели, ну* и др.); побудительная (*а*); утвердительные (*аминь, конечно, ладно, отлично* и др.); выделительно-ограничительные (*абы, лучше* и др.); отрицательные (*не, ни*). В МАСе выделяется также разряд противительных частиц (*наоборот, напротив*), который отсутствует в традиционных классификациях.

1.6. Отличия частиц от других частей речи¹⁶

Поиск четких критериев дифференциации частиц и других частей речи (как самостоятельных, так и служебных) является актуальной теоретической

¹⁶ В данном исследовании не ставится целью разработка конкретных механизмов дифференциации частиц и других частей речи, поэтому далее приводится лишь обзор имеющейся научной литературы по данному вопросу.

и прикладной проблемой, особенно значимой в свете лексикографии и корпусной лингвистики.

Частицы как служебная часть речи имеют очевидные отличительные черты: синтаксическая несамостоятельность, контекстуальная обусловленность, особые просодические характеристики. Однако многокомпонентность текста как явления дискурса способствует смешению функционирования слов других частей речи с частицами в определенных контекстах.

1.6.1. Частицы и союзы

Проблема разграничения частиц и союзов представляется особенно актуальной прежде всего по причине значительного смешения функций единиц обеих частей речи. Ввиду этого исследователями выделяется категория союзов-частиц (см., например, [Пичхадзе 2021], [Макаренко 2006], [Томилова 1984], [Богданов 1997]). С. И. Богданов характеризует их как гибридную часть речи, совмещающую «связующую союзную функцию с выражением модальных значений» [Богданов 1997: 30], относя к ним слова, значения которых различаются по морфологическому признаку (например, единицу *и*¹⁷, которая охарактеризована в словарях и как союз, и как частица).

Кроме того, отдельные исследователи включают частицы в широко определяемый класс союзных соединений: «Союзы и союзные соединения <...>. В их состав наряду с союзами могут входить также частицы и наречия (*как... так и...*, *не только... но и...*)» [Богуславский 2013: 118].

В. В. Бабайцева отмечает, что союзы отличаются двусторонней связью с компонентами и не входят в состав членов предложения, а частицы — односторонней связью с акцентируемым элементом, при этом они входят в состав

¹⁷ Анализ с точки зрения переходности от союза к частице *и* представлен у В. В. Бабайцевой: «В чистом виде частицы *и* нет, так как типичные частицы, относящиеся к какой-либо словоформе, входят в состав члена предложения <...>. *И* в этих случаях *и* выполняет (хотя и предельно ослабленную) соединительно-связочную функцию. Кроме того, немаловажное значение имеет и тот факт, что наши знания о союзе *и* мешают видеть в синкретичных звеньях *у и* свойства частиц» [Бабайцева 2000: 334–337].

члена предложения; кроме того, «для сочинительных союзов характерны <...>: 1) соединительно-связочная функция; 2) закреплённая позиция: союзы располагаются на границе между соединяемыми компонентами: однородными членами предложения, частями сложных предложений и текста <...>. Для модально-экспрессивных частиц характерны следующие признаки: 1) выражение различных оттенков значения слова, словосочетания, предложения, фрагмента текста; 2) незакреплённая позиция: они могут быть как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к выделяемому компоненту; частицы могут перемещаться в предложении» [Бабайцева 2000: 333–334]. Отметим, что не для всех частиц актуальна характеристика незакреплённой позиции: например, частица *ли* всегда постпозитивна.

По мнению И. П. Чиркиной, «для разграничения омонимичных случаев служебных слов единственно надёжным критерием следует признать синтаксический. <...> Различие между союзами и частицами <...> заключается не в том, что первые синтаксичны, а вторые не синтаксичны, а в том, что союзы выступают как внешний выразитель грамматических связей между словами, сравнительные же частицы, будучи элементом формы конструкции, односторонне соотнесены лишь с одним словом или словосочетанием» [Чиркина 1965: 44]. Следовательно, при различении этих частей речи является необходимым определение характера синтаксической связи – двусторонней или односторонней; при этом значение некоторых частиц (как было показано выше в цитате из труда В. В. Бабайцевой на примере союза / частицы *и*) диффузно, а их функционирование в контексте затрудняет определение частеречной принадлежности.

Указанные особенности определяют тип отношений между языковыми единицами в тексте: «Союз <...> является формализованным показателем синтагматических отношений в сложном и / или простом предложении. Частица <...> указывает в первую очередь на парадигматические отношения в тексте, хотя может выявлять и синтагматические связи» [Щур 1999: 130]

К. С. Акопян, рассматривая скалярное соотношение «частица–союз» для лексемы *только* говорит и о фонологических различиях: «Частица *только* отличается от частицы – союзного аналога *только* и с точки зрения их функционирования в разных интонационных конструкциях (ИК): частица *только* функционирует в ИК-2 с положением центра на гласной ядерного слова, в то время как союзный аналог *только* употребляется в ИК-1 обычно с положением центра на гласной предиката (при прямом порядке слов)» [Акопян 2018: 31].

Таким образом, в ряду признаков, отличающих частицы и союзы, отмечаются интонационные, позиционные и функциональные. При этом в каждом конкретном случае языковой материал требует отдельного анализа ввиду диффузности признаков этих частей речи.

1.6.2. Частицы и междометия

Различение частиц и междометий осложняется тем, что «эмоционально-экспрессивные частицы, выражающие различные эмоциональные характеристики: угрозу, удивление, недовольство, досаду, иронию, насмешку (*вишь, ж, ишь, просто, прямо*) некоторые исследователи относят к междометиям как слова, обслуживающие сферу эмоций» [Щур 2020: 839]. Однако важное отличие между этими частями речи заключается в том, что частицы интегрированы в синтаксическую структуру предложения и участвуют в выражении модальности и грамматических отношений. Междометия же, обладая автономным статусом, реализуют преимущественно экспрессивно-эмотивную функцию, оставаясь периферийными по отношению к организации предложения.

Вопрос отнесения к междометиям той или иной языковой единицы является дискуссионным, что в классификационном аспекте сближает их с частицами: «Междометия в грамматике – это часть речи, построенная по остаточному принципу, в ней собраны группы разных синтаксически изолированных слов, невзирая на их языковую и коммуникативную разнородность» [Шаронов 2009: 7].

Значимым отличием является также то, что «с точки зрения прагматической функции междометие является важным компонентом для появления эмоциональной окраски предложения, но неважным для реализации и понимания конечной интенции» [Холодионова 2016: 168], а частицы, как следует из определений, приведенных в параграфе 1.2, влияют на смысловую нагрузку предложений.

В аспекте дифференциации этих частей речи исследователи так же, как в случае в частицами / союзами, указывают на фонетические признаки: «Характер репрезентации (=протяженность репрезентируемого текста) может служить основанием для разграничения частиц и междометий, в том числе и омонимичных или квази-омонимичных, различающихся, например, суперсегментным оформлением, ср.: Да vs Да-а» [Клейнер 2007: 99]. Это наблюдение подтверждается и лексикографическими данными. Так, междометие *и* в «Малом академическом словаре» сопровождается уточнением: «Обычно произносится удлинненно (и-и, и-и-и)» [МАС 1981: 626].

М. Г. Щур в качестве основного дифференцирующего критерия приводит семантико-синтаксический критерий: «Частицы предполагают связь с определенным пропозитивным содержанием. Употребление междометий определяется прагматическими факторами, возникающими в условиях непосредственно воспринимаемой ситуации <...>. Междометия не предполагают отношения к определенному пропозитивному содержанию» [Щур 1999: 136]; вместе с тем исследователь отмечает способность частиц к образованию отдельных высказываний, рассматривая частицы-реплики вроде *неужели*, *именно*, которые формируют высказывания по типу эллипса, являясь реакцией на предыдущие реплики в диалоге. Однако обращает на себя внимание наличие термина «междометные реплики» и значимую роль междометий в коммуникации: «Междометные реплики выполняют в диалогической интеракции конкретные функции регулятивов, направленных на достижение результирующего эффекта и на успешную организацию диалогического взаимодействия» [Максимова 2000: 10]. Следовательно, при разграничении частиц и междометий в тексте

диалогического характера необходимо учитывать наличие или отсутствие эллиптического характера высказывания, нерелевантного для междометий.

1.6.3. Частицы и вводные слова

Особую проблему представляет различение частиц и вводных слов, потому что, в «Русской корпусной грамматике» вводные слова описываются как синтаксический класс, примыкающий к частям речи [Сичинава 2018а: 32], а в РГ-80 [Русская грамматика 1980б: 229–230] отмечено, что «вводные слова <...> объединяются специфической и единственной для них функцией, противопоставляющей их всем другим классам слов и сближающей их с модальными частицами: они всегда так или иначе характеризуют сообщаемое с позиций говорящего, выражают отношение говорящего к сообщаемому». Таким образом, семантический критерий при различении частиц и вводных слов менее показателен, чем при сравнении частиц и других частей речи.

С фонетической точки зрения «вводные слова <...> выделяются на основе <...> формального – просодического – критерия (они маркируются, как правило, более низким тоном и более быстрым темпом и отделяются в составе высказывания – реально или потенциально – паузами)» [Щур 1999: 124]. Частицы, напротив, чаще выступают в качестве клитик, следовательно, являются фонологически зависимыми от слова, к которому примыкают.

Это замечание, однако, не относится к словам вроде *безусловно*, которое в АТоСе зафиксировано в трех значениях, каждое из которых отличается грамматической пометой части речи: «1. *Нареч.* к безусловный (во 2 знач.) <...>; несомненно. <...> 2. *в знач. вводн. сл.* Несомненно, разумеется. <...> 3. *в знач. частицы.* Употребляется для выражения уверенного утверждения, подтверждения чего-л.» [АТоС 2016а: 246]. Интересно, что в МАСе третье, партикулярное значение отсутствует. Приведенные значения тесно между собой связаны и семантически трудно различаемы; с фонетической точки зрения эти употребления

могут отличаться другим интонационным контуром (снижением тона ввиду употребления в партикулярной функции реплики-согласия, в отличие от повышения тона у вводного слова, предполагающего продолжение высказывания).

Так как вводные слова не являются в полном смысле частью речи, а лишь группируются на основе общности модальных и дискурсивных функций, возможно говорить об употреблении некоторых частиц в функции вводного слова, но не о переходе одной части речи в другую.

1.6.4. Частицы и наречия

В словарях отмечено довольно большое количество лексем, которые, являясь наречиями, ввиду частотности контекстов и специфических семантических изменений вначале используются в значении частицы, а затем, утрачивая архисемы производящей основы в конкретном языковом употреблении, грамматикализуются, приобретая морфологический статус частицы.

В связи с этим интересно обратить внимание на производную природу самих наречий: «Наречия на протяжении истории языка развиваются из других частей речи, и поскольку это имеет место частью уже на протяжении эпох, <...> класс наречий в древнерусском языке эпохи древнейших памятников был более ограничен, чем в современном языке. Особенно ограниченным был круг т.н. первичных наречий, т.е. наречий, не происшедших от других частей речи. Впрочем, и такие наречия, по-видимому, некогда развились из других частей речи, хотя мы и не всегда можем восстановить их этимологию» [Кузнецов 1953: 285].

Д. В. Сичинава отмечает, что «разграничение наречий и производных служебных слов усложняется активной в этой зоне межчастеречной омонимией / полифункциональностью (ср. *прямо* – наречие и частица, *около* – наречие и предлог). <...> В ранней русской традиции до середины XIX века (например, у Ломоносова) частицы объединялись с наречиями» [Сичинава 2018а: 23–34].

В качестве способа дифференциации исследователи определяют влияние на структурные особенности высказывания: «...Наречия вносят вклад в образование семантической структуры предложения, частицы же выявляют актуальные характеристики компонентов высказывания или всего высказывания в целом. Используются также и некоторые синтаксические признаки (в частности, такой, как отношение к отрицанию)» [Шимчук, Щур 1999: 9–10]. Видимо, об этом же говорится в статье [Кузнецова, Почтарева 2022], где авторы представили описание не отмеченных в толковых словарях частиц *элементарно*, *банально* и *тупо*, образованных от отадъективных наречий, выделив в качестве одного из основных критериев дифференциации частиц и наречий тест на негацию: при добавлении отрицания *не* перед частицей смысл высказывания нивелируется. Авторы приводят такой пример: *Удивительно, что никто не удосужился связаться со мной, чтобы элементарно проверить факты* – подстановка частицы *не* превращает ее в полнознаменательное слово, требующее противопоставления: **связаться со мной, чтобы не элементарно, а сложно проверить факты* [Кузнецова, Почтарева 2022: 359]. Однако из-за семантического разнообразия наречий этот способ нельзя считать универсальным критерием, а потому в каждом конкретном случае требуется прицельное изучение функционирования лексемы в конкретном ее употреблении. Например, в [Ожегов 1992], зафиксировано 29 омонимичных наречиям частиц (или форм в значении частицы) с разной степенью переходности. Это частицы:

1) Образованные путем транспозиции наречий (преимущественно образа и степени действия), образованных от относительных прилагательных: *вероятно*, *возможно*, *действительно*, *достаточно*, *единственно*, *естественно*, *исключительно*, *несомненно*, *понятно*, *превосходно*, *решительно* и некоторые другие. Так как относительные прилагательные не вступают в отношения антонимии, отношение к отрицанию не будет показательным в этих случаях:

- (1) *Своим спасением обязаны единственно ему.*
- (2) *Своим спасением обязаны *не единственно, а (?) ему.*
- (3) *Занят исключительно собой.*

(4) *Занят *не исключительно, а (?) собой.*

Для таких контекстов возможна проверка синонимией: неуточненные лексемы возможно заменить частицами (*только, лишь*), но при этом сохраняется семантическая связь с производящей основой, что позволяет отнести такие случаи к этапу незавершенной грамматикализации.

2) Образованные путем транспозиции обстоятельственных немотивированных наречий: *еще, уже*.

Как отмечают исследователи, «переходят в частицы главным образом наречия качественные и местоименного происхождения» [Лукин 1973: 90]. Переход наречий в частицы обусловлен совокупностью семантических и грамматических процессов, а также изменением функционального статуса лексемы. Так как характеристики частиц как морфологического класса не вполне четко очерчены, описание процессов переходности полнозначных частей речи, в том числе и наречий, в частицы представляется актуальной задачей для современного лингвистического дискурса.

1.6.5. Частицы и другая полнозначная лексика

В отличие от омонимии частиц с другими служебными частями речи и наречиями, принципам дифференциации частиц и полнозначной лексики посвящено небольшое количество работ ввиду значительных различий между частицами и именной или глагольной лексикой.

В рамках рассмотрения этого вопроса полезно обратиться к общим критериям служебных слов. Наиболее общие признаки отличия служебных от самостоятельных частей речи представлены в работе К. Е. Майтинской: «В трудах разных ученых-русистов отмечались следующие отличительные признаки служебных слов: 1) неспособность к отдельному номинативному употреблению; 2) неспособность к самостоятельному распространению синтагмы и словосочетания; 3) невозможность паузы после этих слов в составе речи (без

специального экспрессивного оправдания); 4) морфологическая нерасчлененность или семантическая неразложимость большинства из них; 5) неспособность носить на себе фразовое ударение за исключением случаев противопоставления по контрасту; 6) отсутствие самостоятельного ударения на большей части первообразных слов этого типа; 7) своеобразие грамматических значений, которые растворяют в себе лексическое содержание служебных слов» [Майтинская 2010: 3]. Эти же признаки характерны и для частиц и отличают их от полноточной лексики.

Вопрос о разграничении частиц и полноточных слов рассматривался в работах исследователей преимущественно ввиду описания функционирования отдельных частиц или их грамматикализации (см., например, [Вязовик 2014], [Лучина, Наний 2016], [Турчаненко 2020], [Казкенова, Рахилина 2024] и др.). Поэтому при выявлении основных различий между частицами и полноточной лексикой следует обратиться к академическому описанию полноточных частей речи.

Прежде всего, знаменательные части речи обладают системой словоизменительных и несловоизменительных категорий. Это одно из ключевых отличий их от частиц, относящихся к неизменяемым частям речи.

В предыдущих параграфах шла речь о синтаксической несамостоятельности частиц – этот критерий применим и в данном случае. Более же значимым параметром является полнота лексического значения у имен и глаголов: «Их функция в высказывании – номинативная (содержательное именование ситуации, ее участников, признаков и т. д.)» [Сичинава 2018а: 15]; в параграфах Главы 2 будет показано, что для частиц характерно выражение субъективных реакций говорящего, а не описание экстралингвистической действительности.

При этом фонетические особенности, системно отличающие частицы от полноточных слов, выделить затруднительно. Изменения в произношении происходят преимущественно в процессе перехода. Н. В. Шляков указывал на то, что «чем меньше осознаются нами слова, тем быстрее они могут изменять свой звуковой состав и “терять” способность расширить свое значение, сохраняя

то, которое они имели в момент падения их сознательности» [Шляков 1900: 13]. Это замечание оказывается справедливым в частности для результатов перехода глагольной лексики в частицы, что связано с особенностями разговорной речи, в контексте которой происходит такой переход.

1.7. Отбор источников и методологическая структура исследования процесса перехода полнозначной лексики в частицы

1.7.1. Корпусный материал¹⁸

Особая роль частиц в текстах разных типов обуславливает необходимость выяснения особенностей функционирования частиц на материале заданного набора контекстов, составление которого упрощается благодаря инструментам, представленным в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ), являющегося универсальным инструментом исследования языковых единиц в разных аспектах, в том числе в синхронно-диахронном (подробно возможности НКРЯ в аспекте применения их для лингвистических, методических и других исследований описаны в статье [Савчук 2024]). Для этой цели наиболее релевантен Панхронический корпус, предоставляющий возможность одновременного поиска вхождений по трем историческим и Основному корпусу.

Среди основных средств НКРЯ следует отметить параметры лексико-грамматического поиска: для отображения современных контекстов возможно указать искомую форму в поле «Лемма»; для исследования частиц (производных) в диахронии целесообразно задать поиск по словоформе, в особенности при определении хронологических рамок перехода полнозначной леммы в частицу.

При совпадении полнозначной формы с частицей важную роль для их дифференциации выполняет морфологическая разметка корпуса и возможность

¹⁸ В данном параграфе использован материал, опубликованный в тезисах автора диссертации [Глаголева 2024д] и представленный автором в форме доклада на международной научной конференции, посвященной 20-летию Национального корпуса русского языка.

поиска по критерию «Часть речи». Особенно это актуально для подкорпусов со снятой омонимией. Например, для частицы *хорошо* (при заданном наборе вариантов: лемма – *хорошо*, часть речи – *part*), случайная выдача примеров в корпусе со снятой омонимией (Основном) показывает относительно достоверный результат – в 45 из 50 контекстов часть речи размечена правильно; в корпусе с неснятой омонимией (Мультимедийный) точность значительно ниже – при тех же параметрах поиска только 19 из 50 контекстов содержат частицу *хорошо*, а не омонимичную ей адverbиальную единицу. При этом даже при высоких показателях релевантности в подкорпусе каждый пример требует исследовательского «ручного» анализа.

Для диахронных исследований частиц в НКРЯ иллюстративной является статистическая информация о результатах поиска и построение графиков. Например, при определении сравнительной частотности употребления однокоренных частиц *ишь* и *вишь* график показывает, что пик употребления *вишь* приходится на середину XIX в., а затем частота снижается и более употребительной частицей становится *ишь*, что позволяет провести наблюдение над тенденциями развития обеих частиц. Хотя обращает на себя внимание сравнение этого запроса с графиком в Google Ngram, где *вишь* почти на протяжении всего периода фиксации оказывается популярнее, чем *ишь*.

Значимую роль при изучении стилистических особенностей частиц играют коллокации. Так, по НКРЯ коллокациями для *вишь* зачастую являются устаревшие или актуальные, но просторечные языковые единицы (*барин, худо, девка, боярин, помереть, купец*), а для *ишь* – актуальные разговорные или просторечные лексемы (*выискаться, вырядиться, приткий, шустрый, удумать, умник, хитрый*).

Исследование особенностей употребления и значения конкретной частицы в отдельных случаях требует сопоставления с данными других языков в параллельных подкорпусах (см. параграф 2.1.2 о частице *вишь*).

Таким образом, инструменты, доступные в НКРЯ, релевантны для включения в методологическую основу данного исследования благодаря

разнообразием подкорпусов, позволяющих проводить исследования разных периодов и разных стилистических срезов. Кроме того, имеющийся в НКРЯ функционал полезен для статистического представления материала, особенно в рамках диахронического описания.

1.7.2. Лексикографический материал

Как было показано в параграфе 1.5, словарная фиксация частиц зависит от лексикографической традиции, включающей рекомендации по описанию грамматической информации в пределах словарной статьи.

Так как данное исследование посвящено явлению межчастеречной переходности, которое не ограничено временными этапами развития языка, важно учесть и те частицы, которые актуальны в современном активном словарном запасе русского языка, – это входит в синхронную часть исследования. Учитывая ограничения словника, предпринимаемые в разных лексикографических изданиях¹⁹, при необходимости привлекаются данные словарей более узкой тематики – диалектных и тематически специализированных словарей служебной лексики. Диахронная часть исследования включает изучение имеющихся данных об этимологии и истории употребления исследуемых частиц. Среди словарей, материалы которых были использованы в ходе выборки материала и описания исследуемых частиц, следующие:

- толковые: «Словарь русского языка» (под ред. А. П. Евгеньевой), «Большой академический словарь русского языка» (далее – БАС), «Толковый словарь русского языка» (под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой), «Большой универсальный словарь русского языка» (под ред. В. В. Морковкина), «Большой толковый словарь русского языка» (под ред. С. И. Кузнецова), «Толковый словарь

¹⁹ Так, в «Инструкции для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в пятнадцати томах)» отмечено, что «Словарь <...> не включает в свой состав всю лексику русского языка. В Словаре не будут представлены богатая и разнообразная областная лексика <...>, узкоспециальные, бытующие только в профессиональной среде слова, большое количество устарелых слов, не употреблявшихся со времени Пушкина в литературном языке» [Инструкция 1958: 6].

русского языка» (под ред. Д. Н. Ушакова), «Академический толковый словарь русского языка», «Толковый словарь русской разговорной речи»;

- исторические: «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.», «Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Словарь русского языка XVIII в.»;

- этимологические: «Русский этимологический словарь» (А. Е. Аникин), «Этимологический словарь славянских языков» (О. Н. Трубачев), «Этимологический словарь русского языка» (М. Фасмер), «Этимологический словарь русского языка» (Г. П. Цыганенко), «Краткий этимологический словарь русского языка» (Н. М. Шанский), «Etymologický slovník slovanských jazyků» (Ф. Кореšný)²⁰;

- диалектный: «Словарь русских народных говоров»;

- специализированные словари: «Прагматические маркеры русской разговорной речи» (Н. В. Богданова-Бегларян), «Путеводитель по дискурсивным словам русского языка» (А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина), «Словарь служебных слов русского языка» (Е. А. Стародумова), «Словарь русских частиц» (Э. Шимчук, М. Щур), «Словарь наречий и служебных слов русского языка» (В. В. Бурцева)²¹.

Указанные толковые словари включают наиболее полный и разнообразный словник лексики современного литературного языка, но по объему словника относятся к разным типам. Так, например, «Большой академический словарь» является словарем большого объема²², а «Словарь русского языка» (под ред. А. П. Евгеньевой) и «Академический толковый словарь русского языка»

²⁰ Отметим, что словарь Ф. Копечного является одним из немногих трудов XX в., в который включены исторические (этимологические) описания некоторых частиц. Системное же описание истории служебных слов в этот период развития лингвистической науки, по большей части, было обращено к предлогам и союзам, а не к частицам (см., например, труды [Виноградов, Шведова 1964], [Черкасова 1967]).

²¹ Полный список используемых в данной работе словарей приведен в части использованных источников под заголовком «Словари».

²² Эта классификация была предложена С. И. Ожеговым, который сформулировал особенности трех типов словарей: «Большой, представляющий русский язык в широкой исторической перспективе; средний, с детальной разработкой исторически оправданного стилистического многообразия современного русского языка, и, наконец, краткий, популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи» [Ожегов 1952: 91–92].

относятся к словарям среднего объема. Привлечение сведений из толковых словарей при исследовании частиц необходимо для этапа первичного отбора и описания материала.

Так как исследуемая тема основывается на диахронных связях форм слова и их толкований, основным инструментом для выявления изменений в семантических и грамматических характеристиках полных слов, обусловивших переход их в частицы, являются исторические словари, охватывающие наиболее широкий период от XI до XVIII века, и этимологические словари. Отдельно стоит сказать и о картотеках этих словарей, содержащих большое количество контекстов употребления конкретной формы слова и использованных в данном диссертационном исследовании с целью анализа переходных, гибридных этапов на практическом материале. Так, в картотеке «Словаря русского языка XVIII в.» содержится более 2000 записей для языковых единиц, являющихся частицами уже в пределах периода, который описывает словарь, или являющихся диахронной основой для образования частиц на более поздних временных отрезках (указанное количество относится к карточкам, фиксирующим употребление 35 единиц, относящихся к частицам в современном языке).

Данные диалектного «Словаря русских народных говоров» используются для определения произносительных и орфографических вариантов частиц, определяемых как просторечные в толковых словарях.

Наибольшую релевантность для получения полной информации об отдельных частицах представляют специализированные словари, посвященные описанию служебных слов и дискурсивных маркеров (основную часть которых составляют единицы, обычно охарактеризованные морфологически как частицы), ввиду модифицированной, по сравнению с толковыми словарями, организацией словарной статьи.

Так, в «Путеводителе по дискурсивным словам» (1993) статья состоит из следующих компонентов: заглавное слово; источники (семантическая основа внутренней формы слова – «в этой зоне выделяются те компоненты <...>

которые оказали воздействие на формирование актуального значения» [ДСРЯ 1993: 12]); операция (общие компоненты смысла для всех вариантов употребления слова); общие семантические эффекты (указание на типы возможных контекстов); модификация (значения в конкретном типе употреблений); корпус примеров.

«Словарь служебных слов» под авторством Э. Шимчук и М. Щур (1999) включает составляющие: «1) заглавное слово; 2) транскрипцию и просодические сведения; 3) стилистическую помету; 4) указание на семантический разряд; 5) информацию о синтактике; 6) информацию о жесте; 7) информацию об актуально-информативном статусе частицы; 8) толкование; 9) иллюстрации; 10) информацию о синонимах и антонимах; 11) информацию о регулярных и устойчивых сочетаниях с частицей» [Шимчук, Щур 1999: 12].

Словарные статьи в «Словаре служебных слов русского языка» под редакцией Е. А. Стародумовой также охватывают широкий спектр возможных характеристик слова: «1. Вокабула, произношение, акцентные характеристики. 2. Типы употреблений. 3. Омонимы. 4. Значение. 5. Правила употребления: сочетаемость, позиция, характерные контексты. 6. Стилистические возможности. 7. Синонимы. 8. Фразеологизмы. 9. Иллюстрации» [Стародумова 2001: 8].

С точки зрения словника интересен «Словарь наречий и служебных слов русского языка», так как в него включены и наречия – это важно ввиду высокого потенциала перехода наречий в частицы и существующей проблемы межчастеречной омонимии (см. об этом параграфы 1.6.5 и 2.3). При этом структура словарной статьи близка к формату, принятому в академической лексикографии: заголовочное слово; управление в виде вопросительных слов (если есть); помета, относящая слово к определенному грамматическому разряду; стилистическая помета; значение и примеры [СлНиСС: 5–6].

В статьях словаря-монографии «Прагматические маркеры русской повседневной речи» приводятся: семантическая зона и семантико-грамматический фон; функциональная зона; иллюстративный материал;

количественные соотношения выделенных функций; «корреляции с типом речи (монолог – диалог) и характеристиками говорящего (гендер, возраст, уровень речевой компетенции и некоторые другие)» [Богданова-Бегларян 2021: 34].

Указанные лексикографические источники ставят своей целью описать наибольшее количество функциональных и семантических особенностей служебных единиц, что невозможно в рамках «академической» словарной статьи; в то же время такие описания в некотором роде представляют собой самостоятельные исследования малого формата.

Отметим, что в рамках проведения данного исследования набор словарных данных, отраженных в описании анализа отдельных частиц, различается в зависимости от специфики истории и функционирования частицы, а также от цели конкретного этапа анализа. Например, для частицы *бишь* приведены данные о вариативности формы в диалектах, в то время как для частицы *именно* эти данные нерелевантны ввиду устойчивости ее фонетического оформления в разных слоях языка.

1.7.3. Методологическая структура исследования

Структура работы над анализом перехода полнозначных слов в частицы, применяемая в данном диссертационном исследовании, является многокомпонентной и состоит из нескольких этапов.

1. Выборка частиц.

Этот этап предполагает изучение тех языковых единиц, которые в словарях современного русского языка и академических грамматиках отнесены к разряду частиц (180 единиц).

Описание результатов грамматикализации полнозначной лексики предполагает обращение к производным частицам, поэтому следующим шагом в выборке единиц для анализа стало сокращение списка частиц с учетом их происхождения и времени возникновения. Для этих целей необходимо

сопоставить полученные данные с описаниями частиц в исторических и этимологических словарях с целью определения ориентировочного времени возникновения частицы, фиксируемого лексикографическими изданиями.

2. Анализ иллюстративного материала.

Для выявления характеристик процесса перехода полнозначной лексики в частицы целесообразно рассматривать те частицы, которые находятся на последних этапах грамматикализации и претерпевают изменения не только в грамматическом плане (изменение частеречной характеристики и сопутствующие возможности контекстуальной сочетаемости, синтаксической валентности и др.), но и в семантической структуре.

Выделение таких единиц осуществляется посредством анализа истории их развития с момента предполагаемого периода начала грамматикализации и определения особенностей контекста (отличающих прежнее функционирование рассматриваемой формы от нового).

3. Описание материала.

По результатам предшествующих двух этапов был сформирован список частиц, удовлетворяющий критерию комплексности условий перехода. Для более структурированного описания необходимо было сгруппировать эти частицы – в соответствии с задачами данного исследования для классификации был выбран параметр частеречной принадлежности диахронной основы, наиболее полно иллюстрирующий потенциал самостоятельных частей речи к переходу в частицы. Таким образом, выделено три группы: развитие частиц от единиц именной, глагольной и адвербиальной лексики. Внутри этих групп частицы размещены либо изолированно (как, например, *бишь* и др.), либо объединены на основании принадлежности к одному словообразовательному гнезду (что обуславливает и единство семантической группы). Некоторые частицы близки в аспекте семантической соотнесенности (например, *добро*, *ладно* и *хорошо*), однако имеют разные диахронные основы. Описания таких частиц расположены последовательно, но не объединены в один параграф.

Ввиду функционального и диахронного разнообразия частиц структура анализа процесса их развития отличается. Однако отдельные компоненты анализа соблюдены во всех параграфах Главы 2:

- 1) значение и функционирование в современном русском языке (данные из толковых словарей);
- 2) история слова (данные из исторических словарей);
- 3) анализ употреблений рассматриваемой формы в современном языке и в исторической перспективе, определение семантической структуры и контекстуальных особенностей (данные из Национального корпуса русского языка и словарных картотек);
- 4) описание развития исследуемой языковой единицы и условий грамматикализации;
- 5) другие релевантные для данной языковой единицы сведения.

Отметим также, что ввиду широкого временного охвата материала исследования заявленная в заглавии данной работы формулировка «в истории русского языка» понимается широко – в каждой выделенной группе рассмотрены частицы: 1) на дальней исторической дистанции, развитие которых прослеживается, начиная с древне- или старорусского периода; 2) на средней исторической дистанции, развитие которых прослеживается с новорусского периода; 3) на короткой исторической дистанции, развитие которых прослеживается с новейшего времени (XX–XXI вв.).

Выводы по Главе 1

Изучение неполнозначных слов, и в особенности частиц, – нетривиальная задача, связанная с рядом дискуссионных вопросов. Прежде всего, это вопрос состава этого класса языковых единиц и признаков, на основании которых этот класс формируется.

Отдельную проблему составляет категориальное значение частиц, трудность формулирования которого обусловлена диффузностью функций и значений слов, относящихся к этой части речи. Исследователи разных периодов искали решение этой задачи, во-первых, путем противопоставления частиц другим частям речи, прежде всего самостоятельным, при этом отграничение частиц от других служебных частей речи также предпринималось по-разному – от широкого понимания термина *частица* как обозначения служебной лексики в целом до понимания частиц как ограниченного набора исключительно грамматических показателей. Во-вторых, возможность упорядочивания класса частиц наблюдается в попытках выделить функционально-семантические разряды, однако широкая синтаксическая и семантическая валентность этих языковых единиц и способность конкретных частиц использоваться в различных (иногда – противоположных) функциях и значениях обуславливает невозможность четкого разграничения разрядов.

Так как частицы могут быть омонимичны другим частям речи, переход языковой единицы из одного морфологического класса в другой не обуславливает исчезновение исходного употребления. В связи с этим разграничение частиц и других частей речи составляет отдельный вопрос в лингвистическом дискурсе: в качестве критерия дифференциации частиц и самостоятельных частей речи исследователи выделяют наличие словоизменятельных и словоклассификационных категорий, синтаксическую самостоятельность; дифференциация частиц и союзов основывается на интонационном различии и характере синтаксической взаимосвязи с другими компонентами предложения, частиц и междометий – на влиянии на смысловую нагрузку высказывания и фонетическом оформлении фразы, частиц и вводных слов – на основании типологических различий этих классов слов.

Нечеткость описания частиц как части речи отражается и в лексикографической работе – в разных подходах к толкованию частиц, описании их стилистической принадлежности и указании грамматических помет.

Все эти вопросы являются необходимыми для проведения исследования развития частиц из полноточной лексики и составляют теоретическую основу данной диссертационной работы.

Глава 2. Развитие частиц из единиц глагольной лексики

2.1. Бишь²³

Частица *бишь*, согласно данным Национального корпуса русского языка, была широко употребима с середины XIX в. (а первая фиксация современного написания *бишь* среди текстов, содержащихся в корпусе на момент написания диссертации, датируется 1770 г. – в тексте А. П. Сумарокова). Далее частота ее использования снижается; в настоящее время она употребляется значительно реже и в современных толковых словарях часто сопровождается пометой *устаревшее*.

Словари современного русского языка определяют *бишь* как частицу, употребляющуюся ‘при усилии вспомнить что-либо забытое’ [Ожегов, Шведова 2006: 49], [БАС 2004: 660].

Значимых изменений в семантике рассматриваемой частицы на протяжении разных периодов развития языка не происходило, однако менялось ее орфографическое оформление, что отмечено в «Словаре русского языка XI–XVII веков» и в «Словаре русского языка XVIII века»: в текстах XVII–XVIII вв. встречаются формы *бешь*, *бѣшь*, *биш*.

Вопрос о происхождении рассматриваемой частицы остается дискуссионным. С точки зрения «Русской грамматики» 1980 г. частица *бишь* является первообразной, так как не имеет живых словообразовательных связей со словами других классов [Русская грамматика 1980а: 722]. В «Грамматике русского языка» 1960 г. отмечено глагольное происхождение *бишь* [Виноградов 1960: 637].

Большинство исследователей-этимологов разделяют мнение о том, что *бишь* является аллегривой формой 2 л. ед. ч. презенса *баять* (например, [Аникин 2009: 220], [Фасмер 1986а: 170], [Кореѣнѹ 1980: 91], [Шанский 1971: 47]).

²³ В данном параграфе использован материал, опубликованный в статье автора диссертации [Глаголева 2024а].

А. Е. Аникин приводит следующую цепочку преобразований: *ба́ять* – *ба́ешь* – *ба́ишь* – *бишь*. Исследователь отмечает эквивалентность форм *бишь* и *бешь* (также в составе частиц *бешти* и *бешто*), аргументируя различия в орфографическом и фонетическом оформлении частиц возобладанием в *бешь* гласного *е* [Аникин 2009: 220].

С фонетической точки зрения эта теория не вполне убедительна: как известно, процесс образования аллегроформ возможен при различных условиях в разговорной речи (открытые и закрытые слоги, стечение гласных и согласных и др.), но в неударных слогах [Земская 1973: 177–179]. Условия предполагаемого процесса фонетического оформления частицы *бишь* (редукция ударного слога) в данном случае противоречат общим правилам образования аллегроформ.

Этимологические словари Н. М. Шанского и А. Е. Аникина указывают на аналогию процесса образования этой частицы с другими частицами, также обладающими семантикой говорения: «Возникло в разговорной речи из глагола *баеешь* – “говоришь”, так же как обл. *грит* из *говорит, дескать*» [Шанский 1971: 47]; «указывают аналогии в част. *де, мол*» [Аникин 2009: 200]. Однако в приведенных исследователями примерах ударные слоги производящей основы сохранены; а в случае формирования *бишь* из *баишь* (с акцентированием первого слога) корректной была бы аллегроформа *баишь*, а не *бишь* (*бешь*).

Важно отметить, что форма *баишь* также фиксируется этимологическими и диалектными словарями со значением и с синонимичными лексемами, аналогичными частице *бишь* – «употребляется при усилии вспомнить что-л. забытое <...> Синонимичная част. *баи́тэ, ба́и́те*» [Аникин 2008: 315–316; СРНГ 1966: 166]. Единственный контекст ее употребления, приведенный в [СРНГ 1966: 166] (*Как, баишь, тебя зовут?*), аналогичен контекстам употребления частицы *бишь* (ср.: *Ведь мы не куда-нибудь в дурное место поедем, а именно в пустынь эту... как бишь ее зовут?* [НКРЯ: А. В. Амфитеатров. Княжна. 1889–1895]²⁴).

²⁴ Здесь и далее, если не оговорено иное, приводятся примеры из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) в неизменном виде, с сохранением орфографии оригинальной цитаты.

В «Словаре русских народных говоров» находим также формы *бишь*, *быша* ‘бишь’ [СРНГ 1968: 358], фонетическое оформление которых близко к временным формам древнерусского глагола *быти* (и его форм *быша* и *быше*, о которых будет сказано далее).

В лингвистике представлено несколько версий происхождения рассматриваемой частицы от *быти*. Согласно одной из них, сформулированной А. А. Потебней и переданной М. Фасмером в его «Этимологическом словаре», *бишь* – результат преобразования 3 л. мн. ч. аориста *быша*. М. Фасмер также указывает на сопоставление *бишь* со старославянскими *бѣшиѣ*, *бѣшиѣхъ* А. И. Соболевского [Фасмер 1986а: 170]. Е. А. Галинская в статье «Об одном реликте древнеславянского имперфекта» [Галинская 2006] высказывает предположение о том, что *бишь* является результатом развития имперфектной формы 3 л. ед. ч. *баше*.

Отметим, что в случае образования частицы *бишь* от глагольных форм имперфекта или аориста фонетические закономерности не нарушаются: Е. А. Земская указывает на то, что глагол-связка *быть* почти обязательно безударна или слабоударна, а «в словах с ослабленным ударением слабоударный гласный способен несколько изменяться. <...> Слабоударные слова примыкают к рядом стоящим ударным словам, входя с ними в один такт» [Земская 1973: 42, 45–46], что характерно и для частиц.

Имперфект «передает длительные процессы и состояния, а также многократные и регулярно повторяющиеся действия, события» [Молдован 2020: 573]. При этом контекстная реализация частицы *бишь* сопоставима не только со значением длительности:

- (1) *Кто, де беш<ь> у меня языку птичьёу горазд* [Бархударов 1975: 190].
- (2) *А девушку-то изжени и с тем... как бишь его зовут?* [НКРЯ: А. П. Сумароков. Вздорщица. 1770].
- (3) *Да о чем бишь я тебѣ хотель сказывать?* [Фонвизин 1829: 100].
- (4) – *Из какой бишь Аристотелевой книги читаете вы проповедь? – спросил он с насмешкою у Каллисфена* [НКРЯ: Д. В. Фонвизин. Каллисфен. 1788].

(5) *“Такъ стало онъ можетъ перелгать или разлагать – какъ **бишь** вы изволили сказать? – и рѣшеніе уголовныхъ напимѣрь бы...”* – *“Какъ же!”* *отвѣчалъ нашъ повѣствователь* [НКРЯ: Ф. Н. Глинка. Новая пробирная палатка. 1827].

(6) *Да! какова **бишь** невеста собою, я и позабыл спросить* [НКРЯ: М. П. Погодин. Черная немочь. 1829].

(7) *В песне-то не то сказано, как **бишь** я ее наладил: Жизнь наша сон! всё песнь одна! Или ко сну, или со сна!* [НКРЯ: А. С. Грибоедов, П. А. Вяземский. Кто брат, кто сестра, или обман за обманом. 1823].

Как видно из приведенных примеров, *бишь* употребляется в контекстах, называющих длительное действие или состояние (см. примеры (1), (2), (6): *горазд, зовут, какова собою*), повторяющееся действие (пример (3): *хотел сказывать*), непродолжительное действие в прошлом или настоящем (примеры (4), (5), (7): *читаете проповедь, изволили сказать, наладил*).

Е. А. Галинская в качестве одного из аргументов в пользу *бишь* от формы имперфекта указывает на «вхождение *бишь* в состав союза *то бишь*, синонимичного с точностью до стилистической окрашенности союзу *то есть*, по поводу которого не возникает сомнений в том, что его вторая часть является формой 3 л. ед. ч. глагола *быть*» [Галинская 2006: 51]. Однако частица *бишь* не ограничена употреблением исключительно в контекстах с формой единственного числа и имперфектным значением:

(8) *Поскольку, **бишь**, вы за всякий праздник своих долгов уплачиваете?* [НКРЯ: Н. А. Львов. Письмо Г. Р. Державину. 1786–1799].

(9) *Нет-с; еще что **бишь** они велели вам сказать?* [НКРЯ: А. С. Грибоедов. Студент. 1817].

(10) – *У вас, Анна Федоровна, нервы расстроены, я вам пропишу немножко лавровишневой воды, на свет не ставьте – она портится, так принимайте... сколько, **бишь**, вам лет? – капель по двадцать* [НКРЯ: А. И. Герцен. Доктор Крупов. 1846].

Аорист употреблялся для обозначения ограниченного во времени действия, «для изложения хронологически последовательных событий, имевших место в прошлом, и тем самым был основным временем нарратива. <...> Аористные формы от глаголов несовершенного вида обычно использовались в контексте с обстоятельствами времени, указывающими на продолжительность некоторого процесса или состояния» [Петрухин 2020: 572].

Кроме того, аорист использовался также в модальной функции в составе сослагательного наклонения (применительно к рассматриваемым формам – с утратой конечной гласной в *быша*; см. [Жолобов 2017: 41]). Так, уже в XII в. усеченная форма *быше* встречается в берестяной грамоте № 809: *пъвели нѣкъмоу, ѿ оуцинять ... жеменьюженъ окънъ быше стрѣлькы*. По замечанию А. А. Зализняка и В. Л. Янина, «словоформа <бышь> должна интерпретироваться здесь как *быша* (3 мн.), которое уже утратило конечную гласную, – подобно *истердаешь* из *истердаеши* в этой же грамоте. Ср. *бышь* из *быша* (2 раза) в грамоте рижан ок. 1300 г. (Напьерский, № 49), также в Ипат. (*а бышь*, л. 172)» [Янин, 2004: 35–36].

Частица *бишь* (ввиду своей частеречной принадлежности и особенностей семантики) не сочетается с обстоятельствами времени; однако в остальном характер употребления данной частицы созвучен аористу. Согласно предположению А. А. Потебни, аорист, послуживший основой для формирования частицы *бишь*, находился в форме 3 л. мн. ч. Но, как следует из примеров, утверждать исключительно плюральную грамматическую функцию в контекстах с *бишь*-аористом невозможно, так же, как и сингулярную в контекстах с *бишь*-имперфектом.

Такая несогласованность числовых форм может быть обусловлена процессом разрушения системы простых прошедших времен, начавшемся в XII в. и вошедшего в активную фазу в XIV в. А. А. Зализняк отмечает широкое распространение смешения в письменном языке «имперфекта и аориста (в частности, смешение окончания 3 лица единственного числа имперфекта *-ше* и окончания 3 лица множественного числа аориста *-ша*). <...> Например,

в Строевском списке Псковской 3-й летописи (XVI в.) словоформа *поехаше* может означать как ‘они поехали’ (т. е. выступать как вариант к аористу *поехаша*), так и ‘он поехал’ (и тогда это вариант к аористу *поеха*); между тем в древнем языке *поѣхаше* могло быть только имперфектом совершенного вида (со значением ‘он всякий раз ехал’))» [Зализняк 2008а: 101].

Таким образом, поливалентность частицы *бишь* в плане временного и числового соотнесения позволяет предположить ее образование либо от имперфектной формы (*баше*), либо от такой смешанной аористо-имперфектной формы (которой могла быть *быше* или *быша* – после утраты конечного гласного из *быша* – или *баше*, что менее вероятно в плане временных рамок) – А. А. Зализняк отмечал, что показатели сослагательного наклонения имеют тенденцию превращения в энклитики ([Зализняк 2008б: 34]; см. также работу [Пожарицкая 2010]) – и в общем смысле частица *бишь* имеет характер энклитики, так как в просодическом отношении обычно примыкает к предшествующему слову фразы; но в любом случае несомненно, что диахронной основой для *бишь* является именно глагол *быти* в одной из его форм.

Наиболее ранние контексты употребления *бишь*, содержащиеся в исторических словарях русского языка, относятся к XVII в., см. например:

(11) *Вѣдаю вѣтъ я и твоѣ высокое житѣе, какъ у нея живучи, кутиль ты! Горе бишь те мнѣ с вами стало.* (Пам. старообр., 45. XVII в.) [Сл. XI–XVII 1975а: 192].

Аргументом в пользу того, что переход глагольной формы в частицу произошел в этот период, являются сведения о завершении процесса утраты глагольных претеритов после утраты сверхсложного прошедшего в XVII–XVIII вв., в результате чего универсальной формой прошедшего времени стал бывший перфект.

Семантическое наполнение частицы *бишь* только в редких случаях может быть соотнесено с общим значением говорения глагола *баять*; большинство контекстов употребления этой частицы могут быть проинтерпретированы в значении, близком к глаголам осуществления события (к которым, согласно

[Бабенко 1999: 466], относится *быть*): ‘некоторое осуществленное событие или имеющееся знание требует актуализации в данный момент речи’.

Наличие в лексиконе современного русского языка вариантных форм данной частицы также подтверждает ее развитие от глагола *быти*. Гласные, следовавшие за начальным согласным в разных временных формах *быти* – [ы], [’а], [’э], учитывая энклитический характер рассматриваемых языковых единиц и их слабую фразовую позицию, могли совпасть в одном звуке. Для парадигмы спряжения древнерусского глагола *быти* характерно также чередование согласных в начальном звуке основы [б] // [б’]. В результате контаминации форм аориста и имперфекта, вероятно, фонетические чередования в гласных и согласных звуках основы эксплицировались в вариантах орфографического оформления частицы *бишь* – *бешь* / *бышь* / *башь*, которые и отражены в этимологических и диалектологических словарях современного русского языка. Широкая валентность глагола *быти* и его производных, вероятно, обусловила снижение восприятия семантических компонентов бытийности в составе разнообразных реплик и, соответственно, перехода глагольной формы в частицу.

Дальнейшее развитие частица *бишь* получила в союзном сочетании *то бишь* – первые фиксации в НКРЯ относятся к середине XIX века:

(12) – *Ишь, ловкие какие, – произнес один из рыженьких, – чего захотели, «атусбеишь», то бишь... тридцать пять рублей за лошадь дают... да за эвдаку животину и семьдесят мало...* [НКРЯ: Д. В. Григорович. Антон-горемыка (1847)].

(13) – *А то барин ассигнацию обронил на панели в Гороховой, то бишь в Садовой.* [НКРЯ: Ф. М. Достоевский. Честный вор (1860)].

При этом наибольшее количество контекстов (причем разной стилистической нагрузки) содержатся в произведениях середины XX века:

(14) *И посла этого треклятого, то бишь тридевятого, царства пригласите с переводчиком.* [НКРЯ: Самуил Маршак. Умные вещи (1945–1964)].

(15) *Глядели в поле, глядели, жрать охота – и закимарили, заснули то бишь.* [НКРЯ: Владимир Личутин. Любостай (1987)].

(16) *Но поскольку Земля все-таки кругла, а жизнь и все живое, повторяя ее круглоту, Землю облегают, то жизнь и уходит по кривой от человеческого разума, **то бишь** от его высшего проявления – идеи.* [НКРЯ: Асар Эппель. Разрушить пирамиду (1994)].

Приведенные контексты иллюстрируют развитие значения: от уточнения, вызванного сомнением говорящего, в частице (обычно в сочетании с вопросительными словами *как, какой, куда* и др.) к пояснению (в конструкции ‘А, то бишь В’) в союзном сочетании.

Таким образом, формирование частицы *бишь* сопровождалось широким спектром фонетических и грамматических преобразований глагольной формы в сочетании с десемантизацией бытийности и развитием значений уточнения и пояснения.

2.2. Вишь, ишь²⁵

Глагол *видеть* описывается в лексикографических источниках набором значений: 1. ‘иметь зрение’; 2. ‘воспринимать зрением’; 3. ‘сознавать, понимать, чувствовать’; 4. ‘принимать за кого-л.’ [МАС 1981: 173], [БАС 2005:]. Разнообразие сем, соотносящихся с восприятием окружающего пространства, способствует развитию метафорического потенциала во вторичных значениях и их оттенках, выделяемых в словарном описании глагола: ‘мысленно представлять; испытывать, переживать’, ‘находить, обнаруживать’. Кроме того, широки его словообразовательные возможности: по данным словаря А. Н. Тихонова [Тихонов 1996: 92] от глагола *видеть* образуются 42 деривата; их список, по-видимому, не ограничивается приведенными в словаре единицами.

В историческом «Словаре русского языка XI–XVII вв.» [Сл. XI–XVII 1975б: 174] зафиксировано также значение расширенного восприятия ‘наблюдать что-л., воспринимая зрительно и на слух’, а также употребление в качестве вводного

²⁵ В данном параграфе использован материал, опубликованный в статье автора диссертации [Глаголева 2024б].

слова ‘видно, как видно’. В более позднем «Словаре русского языка XVIII в.» [Сл. XVIII 1987: 156], а также в большинстве словарей современного русского языка (см. МАС, БАС, а также «Большой универсальный словарь» под редакцией В. В. Морковкина (далее – БУС), «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова (далее – БТС)) указанные значения уже не выделяются. На периферии глагольной семантики в «Большом универсальном словаре русского языка» [БУС 2022а: 104–105] фиксируется ряд употреблений *видеть* в качестве компонента вводного словосочетания *видит Бог, видите ли*. В «Академическом толковом словаре русского языка» [АТoS 2016а: 658–659] вводное слово *видите ли* дается в терминологии, близкой к описанию частиц, и приводится со значением ‘употребляется при желании обратить внимание на что-л., подчеркнуть что-л.’, которое в значительной мере соотносится со значениями частицы *вишь* в том же словаре: ‘употребляется для привлечения внимания к чему-л., указания на что-л.’, ‘употребляется для выражения удивления, недовольствия и т. п. (в сочетании со словами: «как», «какой», «сколько»)» [АТoS 2016б: 30].

Этимологические словари также возводят *вишь* к *видеть*. М. Фасмер отмечает, что, согласно мнению А. И. Соболевского и Н. Н. Дурново, *вишь* является старой формой 2 лица единственного числа повелительного наклонения *вижь* (старославянский аналог – *виждь*). По мнению самого М. Фасмера, *вишь* – фонетическое сокращение от *видишь* [Фасмер 1986а: 325]. Аналогичная позиция отображена в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова : «Вишь, частица (сокращение слова *видишь*, происшедшее в устной речи) (простореч., обл.)» [Ушаков 1935: 301], а также в «Русском этимологическом словаре» А. Е. Аникина [Аникин 2013: 287]: «аллегроформа из *видишь* 2 ед. през. к *видеть*. <...> Менее вероятно, что речь идет об отражении формы типа др.-рус. *вижь* 2 ед. импер. того же *видеть*».

В ряде случаев глагольное значение презенса *видишь* проявляется в *вишь*, в особенности при употреблении глагольной формы и частицы в пределах одного дискурсивного высказывания:

(1) *«Время ненадежно: ветер слегка подымается; – Вишь, как он сметает порошу». – Что ж за беда! «А видишь там что?» (Ямщик указал кнутом на восток.) – Я ничего не вижу, кроме белой стети да ясного неба [НКРЯ: А. С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)].*

(2) *– Одна, вишь, четверть лошади приходится, изволите видеть, на каждую какую-то там квадратную, что ли, душу [НКРЯ: Г. И. Успенский. Живые цифры (1888)].*

(3) *– Не лаяй, говорят, – проговорил Ергушов, подсыпая порох на полку ружья. – Вишь, не шелохнется, уж я вижу. До утра недалеко, дай с кордона прибегут [НКРЯ: Л. Н. Толстой. Казаки (1863)].*

(4) *– Какой Норич! Болван!.. Любопытно, вишь, мне знать, видел ли ты Норича! Что я его не видал, что ли, никогда! [НКРЯ: Е. А. Салиас. Кудесник (1885)]²⁶.*

(5) *– По лохмотьям вижу, что никакого праздника нет, – сказал столяр, – вишь – облачились. [НКРЯ: Пантелеймон Романов. Кулаки (1924)].*

Пример (1) иллюстрирует взаимозаменяемость *вишь* и *видишь* в вопросительных конструкциях: фразы *вишь (= видишь)*, *как он сметает порошу* и *видишь (= вишь)* *там что* одинаково естественны в обоих вариантах. В этом контексте функционирование и значение *вишь* практически совпадает с глагольным употреблением в значении зрительного восприятия и может являться отражением фонетической синкопы, характерной для разговорной речи и использующейся в художественном тексте для стилизации речи ямщика.

Пример (2) демонстрирует бóльшую свободу от глагольного значения, которая выражается в формировании вводного словосочетания из глагольной формы *видеть* с модальным императивным *изволите*, и выполнение частицей *вишь*, соответственно, функции акцентирования внимания адресата речи на расчетах, важных для говорящего.

²⁶ Наиболее активно частица *вишь* употреблялась с 30-х гг. XIX в. по 40-е гг. XX в. (представленные примеры иллюстрируют этот период), а затем частота постепенно снижалась; в современных текстах *вишь* используется преимущественно как средство стилизации народной речи.

В примере (5), хотя и содержится прямое указание на зрительное восприятие в первой части предложения, частица вносит дополнительный иронический смысл, связанный с негативной оценкой говорящим объекта речи.

В примерах (3) и (4) параллелизм частицы и глагола нивелирован именно прямым значением глагола: *я вижу* – подтверждение достоверности высказанного ранее через восприятие зрением, *видел ли ты* – косвенный вопрос, целью которого также является верификация, а *не видал что ли никогда* – языковая игра, основанная на уточнении временных рамок действия по глаголу *видеть*. Частица же в этих контекстах выполняет именно дискурсивную функцию установления доверительности в примере (3) и причинности в примере (4), хотя и допускает замену на глагольные формы *видишь* и *видишь ли*.

При этом во всех контекстах, кроме (4), также стабильно проявляется семантика императивности. Повелительное наклонение «одновременно выражает желание говорящего, чтобы некоторое действие было совершено (не совершено) и является попыткой заставить адресата реализовать это желание» [Добрушина 2020: 498]; кроме того, в исследовании В. С. Храковского [Храковский 2001: 21–22] выделяется группа парадигм императива, словоформы которой «выражают прямое побуждение, которое адресуется одновременно слушающему / слушающим и самому говорящему. <...> Тенденция к грамматикализации наиболее отчетлива у конъюнкций группы <...>, в которых исполнителем совокупно выступают оба участника речевого акта». Это напрямую согласуется с функцией *вишь* – говорящий выражает свое желание обратить внимание собеседника на субъективно важную для него информацию, и это иногда подкрепляется повторением императива в другой форме, как в примере (2). Перечисленное позволяет предположить, что производящей основой для *вишь* в таком употреблении является именно древнерусская императивная форма *вижь*. То же мнение выражено в работе В. Б. Крысько: «Основные изменения в парадигме и функционировании повелительного наклонения: <...> 8) Отмирание особых форм V класса, иногда заменяемых регулярными формами однокоренных глаголов <...> ... форма *вижь* превратилась в частицу *вишь* букв.

‘смотри’» [Крысько 2020б: 297–298]. Эта точка зрения подтверждается также соответствиями в других славянских языках (по данным Параллельного корпуса НКРЯ):

(6) белорусский:

а. – **Бач**, асмялелі без нас... Кружаць вакол плыта.

б. – **Вишь**, осмелели без нас. Кружат возле плота.

[НКРЯ: Павел Місько. Грот афаліны (1980-1982) | Павел Мисько. Грот афалины (А. Чеснокова, 1988)]

(7) болгарский:

а. Ребята говорят, так и катился – со спины на брюхо, с брюха на спину: ползти-то ему по снегу, **вишь**, не под силу было, – вот он какой!

б. Децата казват, така се търкалял – от гръб на корем, от корем на гръб, не е имал сила да пълзи по снега човека, **виж** го какъв е!

[НКРЯ: Борис Полевой. Повесть о настоящем человеке (1946) | Борис Полевой. Повест за истинския човек (Кирила Георгиева, 1980)]

(8) болгарский:

а. Федя отвел глаза. – **Вишь** как... Не расспрашивает, понимает, о каком медведе идет речь.

б. Федя извърна очи. – **Глей** ти... Не разпитва, разбра за каква мечка става дума.

[НКРЯ: Анатолий Рыбаков. Дети Арбата (1966-1983) | Анатолий Рыбаков. Децата на Арбат (Здравка Петрова, 1988)]

В белорусском языке форма *бач*, как и в русском, грамматикализована, и определяется как производная от *бачыць* ‘видеть’ [Белорусско-русский словарь 1988: 176], совпадая при этом с формой повелительного наклонения; в болгарском языке обнаружены два соответствия: *виж* и синонимичное *глей* (‘гляди’), также являющиеся императивными формами.

Таким образом, для контекстов функционирования частицы *вишь* как акцентного маркера возможно предположить, что диахронным источником является императивная форма глагола *видеть*, а возможность контекстуальной

замены на презенс 2 л. ед. ч. *видишь* обусловлена сближением формы *вишь* с естественными для разговорной речи фонетически измененными формами (это явление описано в [Земская 1983: 45]), что ставит вопрос о двойной мотивации в отношении использования этой частицы на разных исторических этапах.

В ряде случаев (в сочетании с вопросительными словами *куда, каков, как, сколько*) *вишь* выполняет роль главной клаузы в предложениях, а следовательно, функционирует одновременно как глагол (управляя придаточной частью) и как частица (выступая как триггер презумпции предложения):

(9) – *Вишь, вишь, куда метит, вишь, каков? у! у! а!* [НКРЯ: И. С. Тургенев. Контора (1847)].

(10) – *А ты почаще приходи сюда. Бабушка-то Паруша, вишь, как тебя привечает* [НКРЯ: Ф. В. Гладков. Повесть о детстве (1948)].

(11) *Вот я тебе, вишь, сколько хлеба-то оставлю; вишь, не жалею! – присовокупил он, высыпая из мешка почти все свои корки* [НКРЯ: Д. В. Григорович. Переселенцы (1855–1856)].

Контексты, в которых *вишь* равняется по значению вводному сочетанию *видите ли* (как в примере (4)), в значительно меньшей степени проявляют императивное глагольное значение:

(12) *Царю не зазорно, а тебе, вишь, зазорно!* [НКРЯ: Михаил Успенский. Там, где нас нет (1995)].

(13) *А меня, вишь, давным-давно в покойники записали они: где, дескать, жить ему, давно убит, чай, где-нибудь, – за помин души отслужили, да и дело в шапке* [НКРЯ: В. И. Даль. Бедовик (1839)].

(14) – *«Да, голубушка, я лакей.» – Какой-то, вишь, ендараль приѣхалъ къ нашему барину, и весь въ звѣздахъ; посмотрѣла-бы я на него, что это за ендаралы такіе* [НКРЯ: Д. Н. Бегичев. Семейство Холмских. Части 5 и 6 (1832–1841)].

Вишь здесь используется как маркер негативной или иронической оценки при противопоставлении (см. пример (12)) и упоминании третьих лиц (см. примеры (13), (14)). *Вишь* функционирует как частица ввиду десемантизации

глагольности и сохранения модальности и интерактивности восприятия важных для говорящего ситуаций, однако сохраняет первичное императивное значение производящей основы.

В электронной пополняемой версии словаря «Прагматические маркеры русской повседневной речи» по отношению к синонимичному *видите ли* функции сформулированы похожим образом: «Отдельного внимания заслуживают также формы *видишь/те ли* <...>: говорящий считает то, что он говорит, важным и таким образом обращает на это внимание собеседника. Интересно, что в таких употреблениях *видишь/те ли* является довольно нейтральным, а в функции маркера-ксенопоказателя, которую также можно усмотреть в подобных контекстах, эта форма приобретает экспрессивно-оценочную коннотацию» [Прагматические маркеры].

Итак, в структуре современной частицы *вишь* проявляются семантические компоненты диахронной основы ‘видеть’, ‘просить увидеть’. Возможно предположить, что процесс перехода глагольной формы в частицу *вишь* протекал в двух вариантах – с утратой глагольного значения (которое проявляется в контекстах описания, прежде всего негативного, признака ситуации или объекта речи) и с его сохранением (при явном желании говорящего обратить внимание собеседника на что-либо, а также при усилении интенсивности последующей информации в препозиции перед вопросительными словами). При этом семантическое развитие, сопровождающее формирование частицы, происходило в направлении от императивности к оценочности.

Частица *ишь*, как производная от *вишь*, заимствует значения диахронной основы, но не является ее абсолютным синонимом: в отдельных словарных источниках *ишь* истолковывается через отсылку к *вишь* (см., например, [МАС 1981: 400]). «Этому способствует фонетическое сближение рассматриваемых лексем в разговорной речи. Стилистическая сфера этих двух частиц определяется в диапазоне от просторечной до разговорной, о чем свидетельствуют пометы в словарных статьях; но для языка современности просторечная маркированность *ишь* и *вишь* представляется утрачивающей актуальность» [Глаголева 2024e: 580];

при этом *ишь* может употребляться в тех же синтаксических структурах, что и *вишь*:

(15) **Ишь** куда ползет!» Здесь он опять хлыснул его кнутом, примолвив; «У, варвар! [НКРЯ: Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)].

(16) **Ишь**, какие резвые молодцы! **Ишь**, как приловчились! Да как они смели, молокососы! [НКРЯ: А. И. Красницкий. Трон и любовь (1910)].

(17) – Позвольте узнать, что это за потемкинские деревни? – Его не Потемкин фамилия, а Тимохин, – хмуро ответил немолодой рабочий. – А что? Ему тоже приказали. Он себе не хозяин. **Ишь** чудят. По всей Москве нынче такую карусель строят. [НКРЯ: И. Грекова. Первый налет (1960)].

Согласно данным НКРЯ, *ишь* чаще, чем *вишь*, употребляется в современных текстах, что иллюстрируется сравнительным графиком частотности употреблений этих двух частиц (по Панхроническому корпусу):

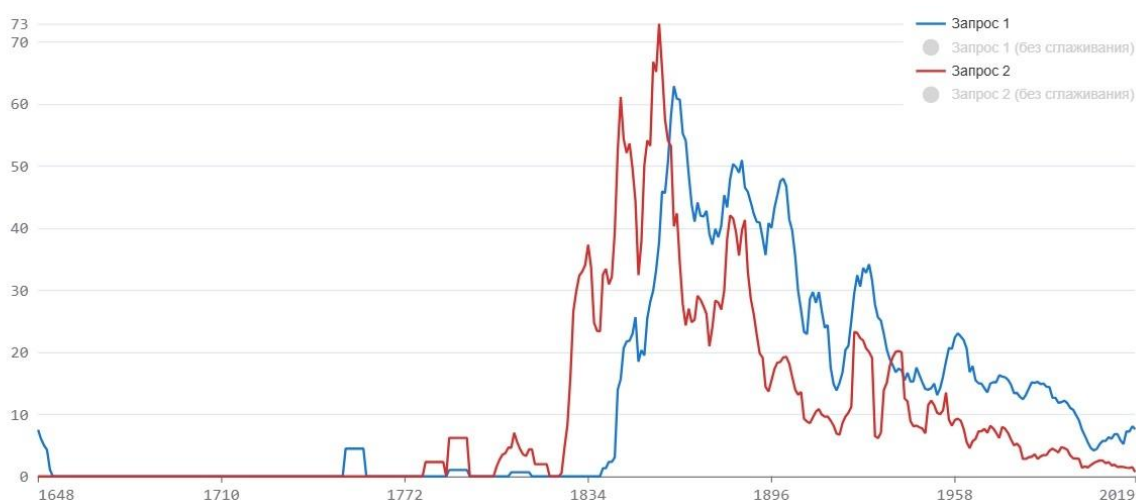

рис. 1. График частоты употребления *ишь* (запрос 1) и *вишь* (запрос 2) по НКРЯ

Интересно при этом отметить, что в Google Ngram такое же сравнение дает другие результаты, согласно которым, например, в XXI веке *ишь* лидирует только на небольшом отрезке с 1990 по 2010 гг.:

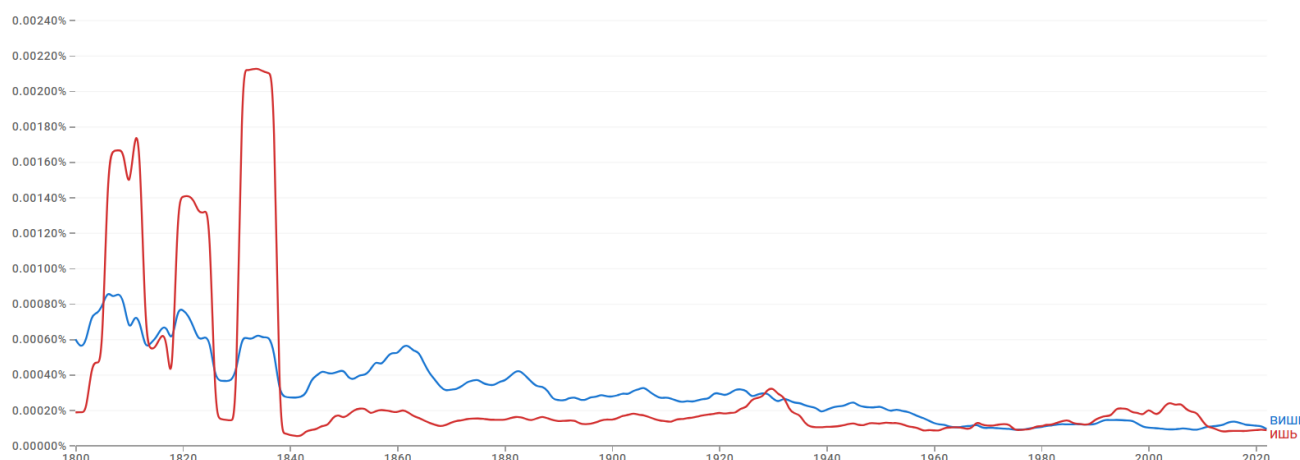

рис. 2. График частоты употребления *ишь* и *вишь* по Google Ngram

Такое расхождение может быть связано с характером текстов, содержащихся в обоих корпусах: как известно, Google Ngram включает преимущественно тексты художественной литературы, которая в обозначенный период имела особый характер и отличалась большим количеством разговорной и просторечной лексики; НКРЯ же включает более разнообразный пласт текстов, что, предположительно, могло повлиять на количественные результаты отображения стилистически маркированных частиц.

В работе И. Б. Левонтиной для частицы *ишь* выделяются значения: ‘о людях, их деятельности и результатах’, ‘избыток чего-л.’, ‘немедленная реакция на что-л. неожиданное’ [Левонтина 2004: 310–312] (см. также [Левонтина 2022: 180–194]). Как показывают примеры, *ишь* в ряде контекстов не демонстрирует взаимозаменяемость с *вишь* и имеет несколько иное семантическое наполнение:

(18) – Дядя он мне. – Дядя? – человек с усами удивленно скосил глаза. – Ну, ну... **Ишь** какой у тебя дядя-то. – А что? – Шибко монету гонит. Коммерсант с рынка [НКРЯ: С. С. Заяицкий. Шестьдесят братьев (1927)].

(19) *Матвей услышал, как она ласково говорила Маришке: – Вишь, какой у тебя тятяшка хороший. Пошел вот в лес и птиц набил* [НКРЯ: Г. М. Марков. Строговы. Кн. 2 (1936-1948)].

Конструкции примеров (18) и (19) при детальном рассмотрении обнаруживают значительные отличия: у этих высказываний разный просодический контур – в случае с *вишь* естественна нисходящая интонация, а для *ишь* – восходящая; кроме того, *ишь* используется для описания человека, причем описания неоднозначного, с оттенком неодобрения, в то время как *вишь* является именно индикатором акцентирования внимания. Характерная для *вишь* нисходящая интонация сближает эту языковую единицу с вводными словами, при этом функционально она остается частицей, хотя и устаревающей. Подтверждением этому может служить и тот факт, что по НКРЯ коллокациями для *вишь* являются устаревшие или просторечные существительные и прилагательные (*барин, худо, девка, боярин, помереть, купец*), а для *ишь* – разговорные или просторечные прилагательные и глаголы (*выискаться, вырядиться, прыткий, шустрый, удумать, умник, хитрый*). Учитывая данные приведенного выше графика из НКРЯ, возможно предположить, что до середины XX века *ишь* и *вишь* используются как синонимы (хотя *вишь* и является менее употребляемой частицей); на следующих временных отрезках *ишь* становится более универсальной, развивая новые значения.

2.3. Глядь, глянь, гля, ля²⁷

Глядеть в современных толковых словарях определяется набором следующих значений: ‘направлять взор на кого-л.’, ‘иметь какую-л. точку зрения на что-л.’, ‘наблюдать, заботясь о ком-, чем-л.’, ‘внимательно смотреть на кого-, что-л.’, ‘быть направленным в какую-л. сторону’, ‘виднеться’, ‘напоминать кого’ [АТoS 20166: 528].

²⁷ В данном параграфе использован материал, опубликованный в статье автора диссертации [Глаголева 20246].

Словообразовательный словарь Тихонова [Тихонов 1996] дает 49 производных от этого глагола слов без учета частиц. Между тем, на современном этапе развития языка именно этот глагол является одной из наиболее продуктивных для партикуляции основ – от него образуются частицы *глянь*, *гля* (и амплификат *гля-гля*), *ля* и *глядь*.

Глянь в современном русском языке занимает промежуточное положение между глаголом и собственно частицей. Этому способствует сохранение в глагольной парадигме современного русского языка омонимичной формы повелительного наклонения (в отличие от *вижь*, послужившей основой для *вишь* и являющейся древнерусской формой, не употребляющейся на современном этапе в первичном глагольном значении):

(1) – *Глянь*, – говорит, – на это дерево! Я поглядел, – дерево как дерево, – ничего особенного нет. Говорю ему: – Я ничего не вижу [НКРЯ: Н. С. Лесков. Темняк (1880–1890)].

При этом в части контекстов трудно однозначно дифференцировать глагольное императивное и партикулярное употребление:

(2) *На забор прыгала, здоровущая, а забор-то у нас большой-большаинский... Глянь какой!* [НКРЯ: С. Н. Сергеев-Ценский. Бабаев (1906–1907)].

В примере (2) указание на невербальный жест подчеркивает прямое значение зрительного восприятия, а следовательно и глагольную семантику лексемы *глянь*, однако эмоциональность контекста, выраженная повторяющейся описательной конструкцией и усилительным словом *какой*, сближает рассматриваемую лексему с частицами – говорящий обращает внимание собеседника на что-либо, желая разделить с ним положительную оценку.

То же справедливо и для контекстов с повтором формы в сочетании с частицей *-ко* (встречаются также формы с *-ка*, *-кось*, *-кась*):

(3) *Худошавая лошадь директора гимназии, скромно питаемая пансионским овсом, вдруг почему-то вздумала молодецкато порывать землю ногою и тем ужасно рассмешила длинновязого дуралея, ассессорского кучера. – Глянь-ко,*

глянь, как лапы выкидывает!.. Штукарка же она, паря, у тебя! – сказал он директорскому кучеру [НКРЯ: А. Ф. Писемский. Тысяча душ (1858)].

(4) – *Глянь-ка, малый, да ты левое ухо отморозил* [НКРЯ: Вл. А. Гиляровский. Мои скитания (1927)].

Для рассматриваемой единицы сочетание с *-ко* и другими вариантами этой частицы является характерным: из 1236 вхождений в Панхроническом корпусе НКРЯ 295 – составные, причем количество употреблений снижается с середины XX в. (периоды обозначены в соответствии с 50 текстами выдачи поискового запроса):

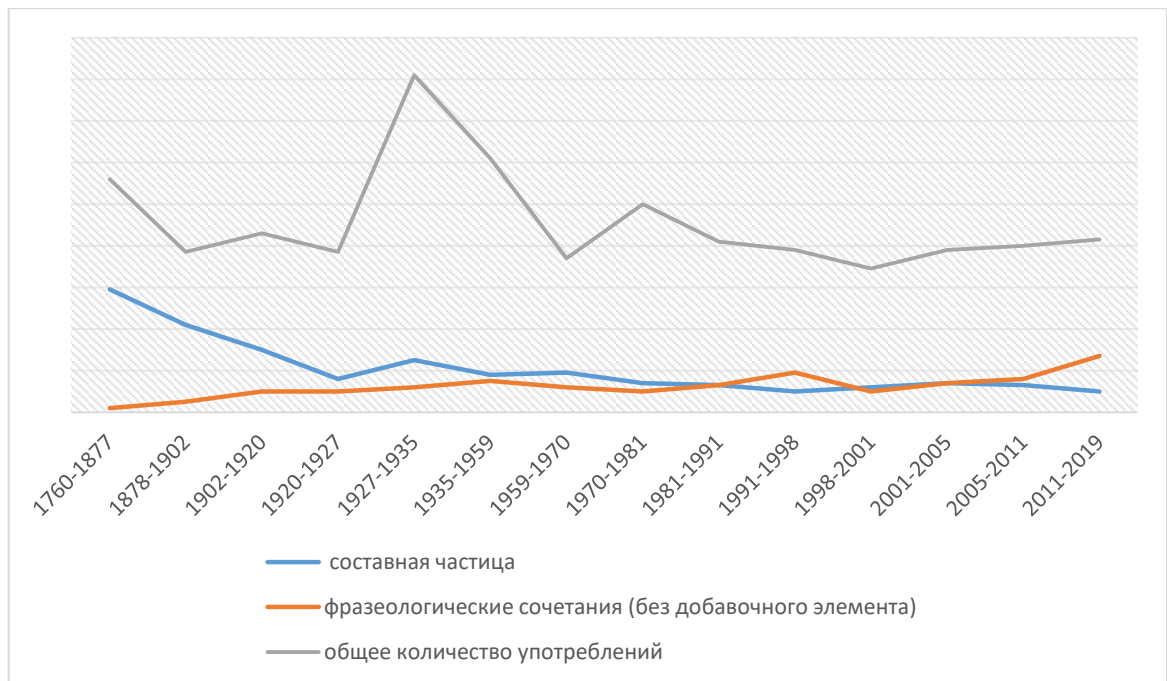

рис. 3. График частоты употребления формы *глянь* в сочетании с *-ко* (*-ка*, *-кось*, *-кась*) в сравнении с общим количеством употреблений

График показывает, что количество употреблений с *-ко* (*-ка*, *-кось*, *-кась*) постепенно снижается, что может быть связано с семантической нагрузкой добавочного компонента. И. Б. Левонтина отмечает, что «если высказывание само по себе является побудительным, то введение *-ка*, за счет элемента смысла ‘говорящий хочет...’, усиливает побудительный смысл [Левонтина 1991: 136]. В противоположность этому процессу увеличивается количество фразеологизированных употреблений *наречие + ни глянь* (*куда ни глянь, как ни глянь*), в которых нивелируется побудительность. Кроме того, *глянь* в этих

сочетаниях является полностью грамматикализованной, неизменяемой формой (контексты вроде **куда ни глянь-ка* вряд ли возможны).

Интересно, что в оценочных описательных контекстах *глянь* употребляется в тех же конструкциях, что и *вишь* (в препозиции перед существительным с определением или без него), но, в отличие от *вишь*, маркирует позитивную оценку высказываний:

(5) *Откуда берется у нее все это? И светскость, и остроумие, и кокетство! Вот оно, что значит кровь! Думаешь, нигилистка, нигилистка, а тут, глянь, – светская барышня!* [НКРЯ: С. В. Ковалевская. Нигилистка (1884)].

(6) – *Вася!* – сказала Акулина. – *Глянь-ка, красота какая...* [НКРЯ: Юрий Казаков. В город (1960)].

Встречаются также контексты с обеими лексемами:

(7) *А он-то кормилец наш... Глянь на него: вишь тихий какой? Нешто кулаки такие?* [НКРЯ: Булат Окуджава. Упраздненный театр (1989-1993)].

(8) – *Что ты на нас, касатик? разве мы? – бойко возразили две бабы, торопливо сбрасывая платки, – вишь вон энта-то... глянь-кась, вишь что навертела!* [НКРЯ: Д. В. Григорович. Переселенцы (1855-1856)].

Пример (5) отличается от ранее представленных наличием дополнения *на него*, что может указывать на функционирование формы *глянь* в этом контексте в качестве глагола; однако как было описано выше по отношению к *вишь*, дискурсивно продуктивные формы, находящиеся на промежуточном этапе партикуляции, могут брать на себя роль управления; особенностью формы *глянь* является возможность управления предложно-падежными формами. Если в примере (7) нельзя отрицать явную глагольность *глянь*, то в следующих примерах она значительно десемантизирована:

(9) *Да ничего. Надо поосторожнее теперь. Ты иди глянь на этого бухгалтера! Глянь! Нож воткнёт и не задумается! Бухгалтер!* [НКРЯ: Василий Шукшин. Калина красная, к/ф (1973)].

(10) – *Тож не подходить, – не сдержался Векшин, – камердинер тот же лакей, ему ливрея положена, а ты глянь на себя, ровно пугало в баретках на босу ногу* [НКРЯ: Л. М. Леонов. Вор. Части 1-2 (1927, 1959)].

(11) – *Нет, ты только глянь на эту неряху* [НКРЯ: Владимир Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени (1996-1997)].

(12) *Гляньте на него – историю изучал! – дразнил и неистовствовал Нестор* [НКРЯ: Юрий Казаков. Нестор и Кир (1961)].

Иллюстративный материал показывает, что *глянь* может употребляться с обозначением собеседника (10), третьего лица, в том числе и в пренебрежительной речи (11), с усилителем побудительности в виде глагола движения *иди* (9) и в форме множественного числа для обозначения некоторого множества лиц, чье внимание привлекается к какому-либо объекту (12), причем подобная ограниченная изменяемость свидетельствует о незавершившейся партикуляции лексемы *глянь*. В примерах (9)–(12) конструкция с *глянь(-те)* функционирует как обозначение резко негативной оценки ‘обрати(-те) внимание на то, какими очевидно отрицательными качествами обладает объект речи’.

Переводные эквиваленты *глянь* в белорусском и болгарском языках передаются формами повелительного наклонения и будущего времени:

(13) *белорусский*:

а. – *Глядзі, каго мы прывезлі, – прагучала над самым вухам, і Якаў з вялікай напругаю адкрыў вочы.*

б. – *Глянь, кого мы привезли, – прозвучало над самым ухом, и Яков с огромным усилием открыл глаза.*

[НКРЯ: Леанід Дайнека. Меч князя Вячкі (1987) | Леонид Дайнеко. Меч князя Вячки (Г. Шарангович, Г. Попов, 1990)]

(14) *болгарский*:

а. *Днес си стъпил тук на твърдо, а като идеш утре и погледнеш – на същото място гьол!*

б. *Сегодня ты здесь посуху ступал, а наутро глянь – трясина!*

[НКРЯ: Андрей Гуляшки. История с кучета (1984) | Андрей Гуляшки. История с собаками (С. Драгомирецкий, 1984)]

(15) *болгарский*:

а. А ето го и дядо с Федка, гледай!

б. А вон и дедя с Федькой, глянй!

[НКРЯ: Борис Полевой. Повесть о настоящем человеке (1946) | Борис Полевой. Повест за истинския човек (Кирила Георгиева, 1980)]

Таким образом, лексема *глянь* в современном русском языке находится в промежуточном положении между глаголом и частицей (с точки зрения степени переходности ее можно считать гибридной, а в некоторых контекстах – почти полностью перешедшей в разряд частиц), в дискурсивном употреблении функционирует для привлечения внимания лица или группы лиц, к которым обращена речь, с целью побуждения к той же оценке объекта или ситуации, которую предлагает говорящий.

Другое образование от глагольной основы *глядеть* – лексема *глядь*, зафиксированная в [МАС 198: 319], [БТС 2004: 23] и [Ушаков 1935: 576] как междометие, а в [Ожегов 1960: 130] – как частица.

В словаре-справочнике «Трудные случаи русской пунктуации» содержится словарная статья о составной частице *ан глядь* со значением «служит для выражения резкого, иногда неожиданного противопоставления содержания одной части высказывания содержанию другой» [Пахомов 2012: 18]. Сформулированное значение позволяет рассматривать эту единицу (как представляется, и в простой форме *глядь*) в рамках категории миративности. В работе В. С. Храковского [Храковский 2007] приводится определение миративности (или адмиративности) как категории, которая «характеризует информацию, получаемую говорящим (из какого-либо источника или с помощью анализа некоторых наблюдаемых фактов, или с помощью собственного умозаключения, или путем непосредственного наблюдения), как соответствующую его картине мира или как несоответствующую» [Храковский 2007: 619]; в работе В. А. Плунгяна содержится указание на то, что миративное значение является модальным, так как связано

с особым видом суждения: суждением, касающимся ожиданий говорящего [Плунгян 2009: 374–375].

Именно модальная составляющая рассматриваемой единицы, на наш взгляд, является главным аргументом для отнесения ее к частицам, так как прагматическая эпистемическая надстройка в значении лексемы *глядь* в большей степени указывает на состояние говорящего и его восприятие некой ситуации, чем на выражение эмоции удивления в чистом виде.

Наиболее типичными являются контексты употребления *глядь* в структуре «ситуация 1, *глядь* – неожиданная ситуация 2»:

(16) *Я собирался уж выбить окно... глядь! слава богу, проснулись.* [НКРЯ: М. Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году (1830)].

(17) *Как заглянул он в одну комнату – нет; в другую – нет; в третью – еще нет; в четвертой даже нет; да в пятой уже, глядь – сидит сама, в золотой короне, в серой новехонькой свитке, в красных сапогах и золотые галушки ест.* [НКРЯ: Н. В. Гоголь. Пропавшая грамота (1831–1832)].

Встречаются контексты (преимущественно диалектные), в которых форма *глядь* употреблена в значении рассмотренных ранее *глянь* и *вишь*:

(18) *Глядь-ка сюда, боярин, видишь – чернеется вдали?* [НКРЯ: М. Н. Загоскин. Юрий Милославский, или русские в 1612 году (1829)].

(19) *Прожила во восемьдесят лет пролепотала глядь сколько.* [НКРЯ: Рассказ Родиной о потере слуха (Калужская область, 1988)].

(20) *Медведя и то/ говорю/ выламывают/ я в Москве видела/ глядь/ как выламывают!* [НКРЯ: О жизни (Деулино, Рязанский район, Рязанская область, 1961)].

Так как лексема *глядь* имеет значение неожиданности, она может сочетаться с «блуждающей» частицей *-то*, привносящей в контекст значение невыгодной для объекта речи ситуации, которую, ввиду определенных факторов, возможно было бы предусмотреть, но которая стала очевидной в неудобный момент:

(21) *Начисто штаб перебили! Я отстрелялся, в окно и огородами в поселок, к учителю Барабанчикову, давай, говорю, документы! А он, в панике, взял да не*

те документы мне и сунул! Приползаю сюда, в монастырь, глядь, документы-то бабьи, женины, – мадам Барабанчикова, и удостоверение – беременная! [НКРЯ: М. А. Булгаков. Бег (1937)].

(22) *Эта весть о взыскании подушных сильно озаботила его. Первому указу он не придал значения. Ан глядь, срок-то и подошел. Еще бы!* [НКРЯ: Ф. Е. Зарин-Несвицкий. Тайна поповского сына (1913)].

Показателем большей грамматикализованности, по сравнению с *глянь*, является также неизменяемость формы числа при согласовании с актантом во множественном числе, а потому в ряде случаев затруднительно отнесение рассматриваемой формы к глаголу или частице:

(23) *Мы глядь туда, сюда! где Федька Хомяк?* [НКРЯ: М. Н. Загоскин. Юрий Милославский, или русские в 1612 году (1829)].

(24) *А на следующий день ведьма вышла из своей избы, мы глядь – а у нее рука замотана тряпкой.* [НКРЯ: Владимир Дудинцев. Белые одежды / Первая часть (1987)].

В других славянских языках *глядь*, в отличие от рассмотренных ранее лексем, передается широким арсеналом синонимичных разнокоренных форм глаголов зрительного восприятия:

(25) белорусский:

а. *А ты і праўда з баярскага роду. Бач, якая апратка багатая на табе.*

б. *А ты и правда боярского рода. Глядь, какая богатая одежда на тебе.*

[НКРЯ: Леанід Дайнека. След ваўкалака (1988) | Леонид Дайнеко. Тропой чародея (Г. Шарангович, Г. Попов, 1990)]

(26) белорусский:

а. *Тады я зірк – божа мой, трэба было і мне з мамай ісці!*

б. *Тогда я глядь – боже мой, надо было и мне с мамой идти!*

[НКРЯ: Алесь Адамовіч, Янка Брыль, Уладзімір Калеснік. Я з вогненнай вёскі... (1975) | Алесь Адамович, Янка Брыль, Владимир Колесник. Я из огненной деревни... (Д. Ковалев, 1977)]

(27) болгарский:

а. Малко да се разсееш и току **виж** – столът го няма.

б. Чуть отвлечешься, **глядь** – стула нет.

[НКРЯ: А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Парень из преисподней (1974) | Аркадий Стругацки, Борис Стругацки. Човекът от преизподнята (Маргарита Златарова, 1997)]

(28) болгарский:

а. А днес, като седнах да проверя касата, **гледам** – вместо пари нарязани хартийки.

б. А сегодня стал проверять кассу, **глядь**, а вместо денег – резаная бумага.

[НКРЯ: Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (1929-1940) | Михаил Булгаков. Майстора и Маргарита (Лиляна Минкова, 1989)]

Перечисленные иноязычные примеры являются иллюстрацией универсальности семантики глаголов зрительного восприятия и их взаимозаменяемости в контекстах, интенционально обусловленных привлечением чьего-либо внимания.

В русском языке производные от таких глаголов формы объединены общим акцентным значением, но выбор конкретной языковой единицы обусловлен методами, которыми это внимание будет достигнуто: усиление через дополнительную информацию (для *вишь*), общность эмоциональной сферы (для *глянь*), неожиданное противопоставление (для *глядь*).

Частица *гляди*, помимо характерного и для *глядь* значения неожиданного эффекта, употребляется в значениях ‘весьма вероятно’, ‘как оказывается’, а междометие – как возглас для выражения предостережения [Ефремова 2006]. Примечательно, что для *гляди* наиболее характерно именно значение предугадывания, обращения к предполагаемому будущему – то есть, в отличие от

других частиц этой группы, акцентирование внимания второго участника коммуникации не на окружающем мире, а на абстрактной временной шкале. Эта лексема используется в контекстах ожидаемого ненаступившего результата, в противоположность значению внезапности, неожиданности в *глядь*:

(29) *Вот я посмотрю недельку время, да к штурвалу его поставлю... А там, гляди, лоцманом будет...* [НКРЯ: Максим Горький. Фома Гордеев (1899)].

(30) *Отчетливее стали видны льдины на море, между ними сновали, гоняясь за моржами, вельботы. – Пошли, ребята, – поднимаясь, сказал Рычип. – А то, гляди, и поесть нам ничего не оставят.* [НКРЯ: Юрий Рытхэу. Время таяния снегов (1967)].

(31) *Гляди, дадут вам конец. Расшеперились, а сами на смерть лезете.* [НКРЯ: Л. Н. Сейфуллина. Виринея (1924)].

Результат транспозиции императивной формы в данном случае отличается от других рассматриваемых в этой статье частиц, так как в ряде контекстов (как в (29)–(31)) практически утрачивается значение побудительности.

Частицы, образованные от глаголов зрительного восприятия, получают дальнейшее развитие в фонетическом упрощении. Так, для частицы *глянь* характерно также употребление в редуцированной форме *гля*:

(32) *Солнце, гля-кось, куда влезло, почти в обеды.* [НКРЯ: М. А. Шолохов. Путь-дороженька (1925)].

(33) *До собрания всегда за час околачиваются рязанские писатели, дома-то делать нечего, – а тут, гля, пустая комната.* [НКРЯ: А. И. Солженицын. Бодался теленок с дубом (1967-1974)].

Характерная для разговорной устной речи краткость обусловила развитие амплифицированной формы:

(34) – *Гля, гля, пошел!.. Серый, как выточенный из самородного камня, стоял зверь, палкой вытянув хвост.* [НКРЯ: М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая (1928-1940)].

В НКРЯ содержится только один пример (34) на подобное употребление, но в современной художественной прозе, заметках в средствах массовой информации и социальных сетях эта частица активно используется:

(35) *Она услышала за спиной: «Гля-гля, за углом - с пустой головой идет!»* [Марийская правда, 24.07.2012].

(36) *Но вот начинал светиться экран, и все замирали, словно впервые увидев чудо. Лишь изредка пронесется шепот: «Гля, гля, Москва!.. Надо ж – тысяча верст и как будто вот она...»* [Можаев: 196].

(37) *Это невероятное чувство, когда ты видишь хорошо. Я ещё месяц всех донимал фразами - гля, гля вон номер на машине вижу* [Pikabu.ru].

Во всех приведенных примерах форма с повтором усиливает намерение говорящего привлечь внимание собеседника в сопровождении с эмоциональной оценкой, следовательно, повторяет значение частицы *глянь*, и в примерах (34) и (36) может быть заменена амплификатом ее полной формы (например, *глянь, глянь, Москва!* или *глянь-ка, глянь, Москва!*). При этом в других примерах такая замена не представляется возможной без искажения смысла: в (35) основной функцией частицы является не акцентирование чьего-либо внимания, а передача пренебрежительной оценки самим говорящим; факт зрительного восприятия здесь находится на периферии, так как устанавливается через сравнение внешнего вида объекта речи (отсутствие головного убора) с общепринятыми, по мнению говорящего, нормами. В контексте (37) частица по значению сближается с *глядь*, так как передает усиленное удивление, но без называния ситуации, предшествующей неожиданному результату.

В социальных сетях и сленговой речи в последние 3–4 года возникла вторично редуцированная частица *ля*, являющаяся сокращением от *глянь* (через *гля*) и ставшая широко употребительной в составе интернет-мема «Ля ты крыса», который обозначает хитрого человека, ищущего личную выгоду путем обмана. Специфика интернет-коммуникации и функционирования «новой фразеологии» обуславливает минимальное контекстуальное окружение: общедоступные тексты, как правило, состоят из комментариев, которые являются реакцией на исходный

текст, а потому зачастую ограничиваются устойчивой конструкцией, которая, как предполагается, является известной для всего круга адресатов:

(38) *ля ты крыса* [НКРЯ: Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (11.01.2021)].

Скорость трансформации фразеологизмов в интернет-коммуникации обусловила следующие ветви преобразования первичной конструкции (далее в виде цитаты приводятся примеры из подкорпуса «Социальные сети» НКРЯ, орфография сохранена; остальные речения существуют как текстовая составляющая графического материала):

- *ля* + местоимение-существительное + зооним (*ля ты кот, ля ты лиса*);
- *ля* + местоимение-существительное + существительное с семантикой оценки:

(39) *ля ты молодец* [НКРЯ: Чат для художников. telegram Чат для художников (15.07.2021)].

(40) *Ля вы интелктуалы* [НКРЯ: Чат для художников. telegram Чат для художников (30.07.2021)].

- *ля* + местоимение-прилагательное + существительное:

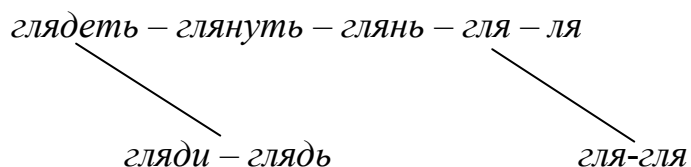
(41) *ля какое ретро* [НКРЯ: Чат для художников. telegram Чат для художников (29.05.2021)].

(42) *Ля какой молодец! Постарался, поскринил мне картинки экрана.* [Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (24.01.2022)].

- *ля* + местоимение-прилагательное + прилагательное (*ля какой красивый*)

На данном этапе сформулировать функциональные особенности частицы *ля* возможно следующим образом: употребляется при сравнительном оценивании (в сочетании с зоонимом); при усилении коннотативного содержания высказывания с оттенком удивления; при выражении говорящим собственных ассоциаций по отношению к чему-либо.

Семантика глаголов зрительного восприятия обуславливает высокую продуктивность формирования слов с дискурсивной нагрузкой – частиц. Так, производными от глагола *глядеть* в современном русском языке являются частицы:

Такие образования в современном языке находятся преимущественно на периферии частеречной системы, так как в большинстве употреблений сохраняют признаки глагольности, выполняя при этом модальные, прагматические и дискурсивные функции, характерные для частиц. Использование императивных форм для передачи указанного смысла характерно и для других славянских языков (белорусского и болгарского).

Корпусный материал показывает общую тенденцию к образованию частиц со значением ‘употребляется для обращения внимания на что-л.’ от форм повелительного наклонения глаголов зрительного восприятия с дальнейшей фонетической редукцией этих форм, причем этот процесс актуален как в диахронном, так и в синхронном срезе.

Примечательно, что такие частицы, помимо основного значения привлечения внимания, маркируют общность восприятия между говорящим и слушающим конкретного объекта или ситуации, причем эта интенция исходит от говорящего, в результате чего и возникает потребность в привлечении внимания. Следовательно, детерминантой семантического сдвига, служащего основой для перехода глагольной формы в частицу, является не собственно перцептивное значение, а потребность говорящего в интерактивности коммуникации.

2.4. Пожалуй, пожалуйста²⁸

Определение частеречной принадлежности слов, функционирующих как этикетная формула, также нередко оказывается затруднительной. Различные интенсификаторы вежливости, в том числе *пожалуйста*, некоторые исследователи относят к междометиям (см., например, работы [Богданова-Бегларян 2017б: 135], [Шкапенко 2016: 221]), другие – к сфере модальности вне частеречного деления ([Гатинская 2014: 126]) но более популярным является отнесение этих слов к разряду частиц.

Ввиду того, что в современном русском языке эти частицы довольно отличаются в семантическом и дискурсивном плане, целесообразно рассмотреть грамматикализацию каждой из них в отдельности.

Частице *пожалуй* уделено небольшое количество работ (например, [Гатинская 2014], [Леонова 2013], [Скоринкин 2016]), причем история ее возникновения детально рассмотрена лишь с XVIII в., в то время как в языке предшествующего периода, и особенно в XVII в., она использовалась довольно активно, а потому этому периоду стоит уделить особое внимание.

XVII век – время активного преобразования языковой системы, которое ознаменовалось, прежде всего, увеличением роли разговорного и обиходно-бытового языка. Е. В. Генералова отмечает, что «устная разновидность, складывающаяся в это время как единая система, обозначается исследователями как московское просторечие, собственно разговорный язык и разговорная речь, народно-разговорный язык, обиходный язык» [Генералова 2015: 85]. Разговорный язык, ввиду эмоциональности и интенциональности, в значительно большей степени, чем литературный, отражает использование слов с модальным значением, которые имеют потенциал перехода от знаменательных к служебным частям речи.

²⁸ В данном параграфе использован материал, опубликованный в статье автора диссертации [Глаголева 2024г].

Переходя к рассмотрению функционирования *пожалуй* в языке XVII в., необходимо уделить внимание лексикографическому отображению данного слова. Так, в «Словаре русского языка XI–XVII веков» у глагола *пожаловати* выделены значения:

«1. Пожалеть о ком-чем-либо. <...> 2. Выразить сожаление. <...> 3. Оказать какую-либо милость, благодеяние, пожаловать || Назначить на какое-л. место, должность (в качестве милости, награды). || Наградить за службу. || Объявить о пожаловании через какое-л. лицо. || Помиловать. <...> 4. Соизволить, пожелать сделать что-л. <...> 5. Прийти к кому-л., явиться куда-л. <...> 6. Высказать жалобу, пожаловаться» [Сл. XI–XVII вв. 1990: 93–94].

Формы повелительного наклонения *пожалуй* и *пожалуйте* обозначены в словарной статье отдельно: «повел. в знач. частицы. *Пожалуйста* (для выражения вежливого обращения при просьбе, приказании)» [Словарь XI–XVII вв. 1990: 94]. Императивы имеют потенциал перехода в частицу ввиду прагматикализации значения побуждения; именно поэтому на диахронном срезе зачастую трудно определенно отнести транспонированную форму к глаголу или к частице.

Дальнейшая семантическая история указанных форм и их отображения в словарях подробно рассмотрена Н. В. Гатинской [Гатинская 2014]. Она предположила, что форма *пожалуй* стала частицей еще в XVII в.: «В лексикографических источниках XVIII в. слово *пожалуй* дано в словниках отдельно или представлено отдельной словарной статьей, следовательно, эта формы была лексикализована раньше – в XVII в. <...> В САР [Словаре Академии Российской. – А. Г.] слово *пожалуй* квалифицировалось как *речение* <...> Обычно в Словарях Академии служебные слова с модальным значением квалифицировались как наречия (*авось, очевидно, конечно*) или, реже, – как союзы (*будто*)» [Гатинская 2014: 128, 134].

Рассмотрение истории частицы *пожалуй* именно в XVII в. интересно еще и потому, что этот период развития языковой системы характеризуется увеличением количества письменной фиксации разговорного языка. Как отмечает

С. С. Волков, «именно в эту пору интенсивно развивается живая стихия общенародной речи, которая сыграла определяющую роль в становлении русского национального литературного языка» [Волков 1974: 4]. Фиксация общенародной речи отразилась, прежде всего, в грамотках и частных письмах, которые целесообразно сравнить с документами, имеющими формульный характер, – челобитными.

Материалом для анализа частных писем послужили «Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия», «Грамотки XVII – начала XVIII века», «Московская деловая и бытовая письменность XVII века», в которых представлены документы, создававшиеся в рамках коммуникации внутри ограниченного круга лиц, и представляющие, следовательно, особую форму письменной речи, насыщенную модальными значениями.

В этих текстах *пожалуй* в значительной степени сохраняет глагольность, независимо от выражаемой семантики. Прежде всего это отражается в частотности сопровождения указанной формы словоизменительными коррелятами в просительных текстах в тех же структурах, в которых употребление рассматриваемой единицы встречается и изолированно (как в примере (1)):

(1) да **пожалѣи** гсдрь батюшка не держи меня без вести о своем *многолѣтном* здорве (А. В. Голицын В. В. Голицыну) [Московская письменность 1968: 27].

(2) **пожалѣи** гсдрь Овонасю Тихоновичю меня млстию своею заступи чтоб он **пожаловал** меня заступил а будет гсдрь Овонасю Тихоновичю заступит меня невѣмочь и он бы **пожаловал** отписал чтоб в Чебоѣарех не задержали или куды в посылку не послали (Ф. Бородин дяде Василию Владимировичу) [Грамотки 1969: 12].

(3) и **пожалуи** вели впред писати ко мнѣ о своем здорве как тебя млсрдѣи влдо хранит а **пожалуеи** похощи вѣдат о мнѣ (В. Брехов Ф. В. Бородину) [Грамотки 1969: 16].

(4) *а про меня гсдрь **пожал** **Ѹеи** изволишь спросит и я на Москвѣ в дом **Ѹ** вашем* (С. Безобразов А. И. Безобразову) [Памятники народно-разговорного языка 1965: 39].

Кроме того, вербализация просьбы реализуется формами несовершенного вида, в том числе в этикетных формулах (как в примере 12; ср. с 10):

(5) *да **жал** **Ѹи** гсдрь пиши ко мнѣ да и к сродцам своим* (П. Палицын Ф. В. Бородину), [Грамотки 1969: 26].

(6) *да **жаловал** гсдрь **Федор Тихоновичь** ко мнѣ **Ѹбогому** о своем **многолѣтном** здорове* (Ф. Бородин Афанасию Тихоновичу), [Грамотки 1969: 13].

В работе [Сайфеева 2015: 75] предлагается двухэтапная схема десемантизации этикетных формул в русском языке: «1) приобретение свободными словами и сочетаниями, имевшими прямое значение, статуса ритуальных формул социально-прагматического назначения вследствие частотности и одинаковых ситуативных и интонационных условий употребления <...>; 2) дальнейшее опустошение семантического ядра слов и сочетаний, превращение последних в пустые знаки-символы». Однако, несмотря на клишированность формул вежливости, в материалах частной переписки XVII века сохраняется модальное глагольное значение.

В отличие от документов частной корреспонденции, функционирование формы *пожалуй* в челобитных XVII в. было в значительно большей степени подвержено десемантизации, так как традиционная структура крестьянских челобитных включала лексему *пожалуй* в конечном протоколе документа (обычно – в сочетании с формой *смилуйся* и подобными, хотя встречается и изолированное употребление *пожалуй*):

(7) *Вели, государь, малчишку заработать за оброк. Государь, смилуйся и **пожалуй*** [Крестьянские челобитные 1994: 28];

(8) *млсрдьи гсдрь црь и великий княз Михаила Федорович всеа Руси **пожалуй** меня халопя своего вели гсдрь дати мне по ним свою црскою грамоту что стати им на Москве в моих исках* (Челобитная курченина сынчишки

боярского Савки Иванова сына Еськова на Ефима Локтионова сына Себилева в бое и бесчестье) [Памятники южновеликорусского наречия 1990: 138],

в том числе в форме множественного числа:

(9) *Смилутесь, государи, пощадите, не дайте разорить до конца. Государи, смилутися, **пожалуте*** [Крестьянские челобитные 1994: 127].

Однако тексты с пропуском исследуемой лексики в тех же структурах оказываются даже более частотны, чем традиционная формула *смилуйся, пожалуй* – в издании «Крестьянские челобитные XVII в.» содержится 141 текст с пропуском при 126 без пропуска:

(10) *Умилостивитесь, государи, надо мною сиротою, укажите, государи, для моеи скудости тое четверушку мне здать того ж села, потому что, государи, мне тою своею десятиною владеть мочи нет. **Государи, смилуитесь*** [Крестьянские челобитные 1994: 81].

Как указано в упомянутом издании, в оригинале «Челобитной крестьян патриаршего череповецкого Воскресенского монастыря архимандриту Александру», к которой сохранился черновик, не использовано слово *пожалуй* в фразе «государь архимандрит Александр, смилуйся», при этом в черновике оно присутствует, на что указывает сноска к изданию: «черновик заканчивается словами: Государь, смилуися, пожалуй» [Крестьянские челобитные 1994: 46].

Процесс перехода знаменательной формы в служебную в челобитных, как показывают данные НКРЯ (для такого же анализа данных по отношению к грамоткам в НКРЯ для рассматриваемого периода содержится недостаточная выборка), активизируется в 30-е гг. XVII в.

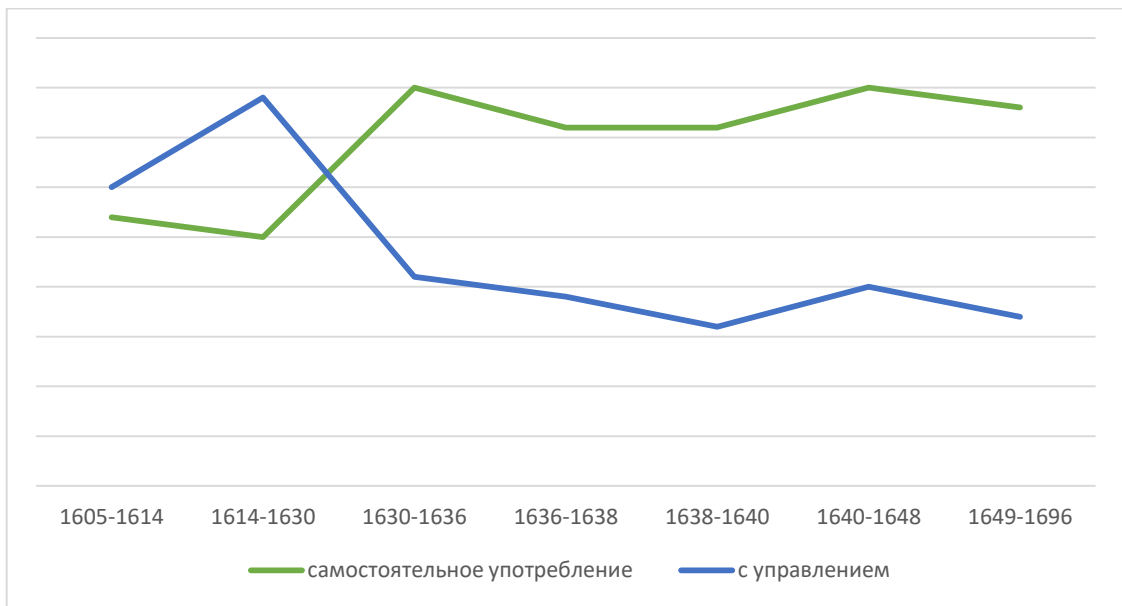

рис. 4. Сравнительный график употребления формы *пожелуй* самостоятельно и с управлением (*пожелуй меня, нас*)

Увеличение частоты самостоятельного употребления рассматриваемой формы свидетельствует об утрате необходимости уточнения объектов действия, а следовательно, и об усилении десемантизации и партикуляции.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в XVII в. слово *пожелуй* функционирует еще как глагольная императивная форма, хотя и несколько десемантизированная и выполняющая прагматическую функцию, а утрата глагольного значения происходит прежде всего в челобитных за счет формуляра и частотности употребления *пожелуй* в этих текстах.

Функционирование лексемы *пожелуй* в текстах XVII в. является иллюстративным материалом для обозначения социальных взаимоотношений. Так, если в деловой письменности употребление слова *пожелуй* регламентировано и традиционно, то в грамотках эта глагольная форма оказывается обязательной только в переписке между людьми разного социального положения (например, в письмах от крестьян к старосте; в этом плане такие письма сходны с челобитными), и близкого социального положения (но не состоящими в родственных связях):

(11) да **пожелуйте** млстивые наши Иванъ Корниловичъ да Тимоѳеи Ѳедоровичъ і всѣ мирские люди подумайте промеж собою і не покиньте домишекъ

наших (Грамотка Бурмистру Ивану Корниловичу и земскому старосте Тимофею Федоровичу от кузнецов г. Шуи) [Грамотки 1969: 46].

(12) *пожалуи* гсдрь Гаврило Онтипьевичъ прикажи ко мнѣ писат о своем многолѣтном здорове какъ тебя гсдря моего милосердыи Хрстсъ сохраняет а *пожалѣи* гсдрь похои въдат про меня... (Г. Родионов Г. А. Воронину) [Грамотки 1969: 67].

(13) Доброприятел мои Федор Василевич <...> i *пожалуи* пиши ко мнѣ впред о своем здорове (В. Брехов Ф. В. Бородину) [Грамотки 1969: 16].

При этом в переписке между членами одной семьи довольно часто эта форма в тех же позициях пропущена: это наблюдается в письмах, адресат которых находится выше в семейной социальной иерархии:

(14) *детем моим Петровым Якову и Ѳедору Петровичам ѿ меня вам мир ... пишите ко мне в своих здоровях и что у вас дееца* (П. Непейцын детям Якову и Ивану) [Грамотки 1969: 47].

(15) ѿ Михаила Панѳилевича жене моеи Авдоте от меня тебѣ з детми поклон я на Москвѣ за две недели до месленицы до воли бжиин жив а впред Христос волен а ты свет моя Игнатъевна пиши ко мнѣ о своем здорове и о дѣтѣшках (М. П. Салтыков жене Авдотье) [Грамотки 1969: 60].

(16) пиши Домна к нам смиренным о своем и дѣтеи своих здравіи а мы слышати желаемъ...да скажи от нас благословение Тимоѳею Савиновичю (Д. И. Неелов жене Домне Григорьевне) [Грамотки 1969: 119].

Хотя есть и исключения:

(17) *Василѣи Иваови сѣоу моему Ѳедору Василвичу ... и т* *пожалѣ* не *плоишь* (Василий Иванович сыну Федору Васильевичу) [Грамотки 1969: 107].

При этом если адресатом грамотки является тот, кто стоит в семейной иерархии выше, то вежливое *пожалуй* (в разных формах) обычно употребляется:

(18) а *пожалуи* гсдрь дѣдушко Тихан Андрѣвичъ побей челом не *замѣшкав* (Тихону Андреевичу от внука) [Грамотки 1969: 83].

(19) *да жалуй гсдрь Михаило Панѳилевичь прикажи к нам писат про свое здоровъ как тебя гсдря нашево московские чудотворцы хранят* (М. П. Салтыкову от тещи, жены и сына) [Грамотки 1969: 55].

(20) *да пожаи гсдрь Вавила Тихановичь к Ѹпи мнѣ крашенину на телогрею* (Фрагмент письма В. Т. Вындомскому от жены и сына) [Грамотки 1969: 84].

Социальную маркированность форм глагола *пожаловати* отмечает А. Л. Юрганов, говоря о том, что слово *жаловать* в текстах XVI в. семантически связано со словом *служить*: «жалуют тех, кто служит» [Юрганов 1998: 123].

Исследованный материал позволяет говорить о начавшемся, но не завершившемся в XVII веке переходе глагольной формы *пожалуй* в частицу по ряду причин: прежде всего, это стабильная система словоизменения в случае соотнесения просьбы с несколькими объектами речи, а также сохраняющаяся система видо-временных форм, используемая для номинации результата прошения.

При этом несомненно приобретение исследуемой формой дискурсивной функции побудительности и ее использование в этикетных устойчивых выражениях, склонных к десемантизации ввиду их частотности и формализованности. В текстах грамоток и челобитных XVII века проявляется устойчивая тенденция к маркированию взаимоотношений между социальными группами, в том числе между участниками коммуникации, связанными родственными отношениями: как правило, *пожалуй* употребляется при обращении к тому, кто расположен выше в социальной иерархии; исключения встречаются в текстах с проявлением особого уважения между членами одной семьи.

В период с XVII до XIX вв. *пожалуй*, по замечаниям исследователей, приобретает также значения ‘ладно, согласен’, ‘возможно’, ‘склоняюсь к тому, что’ [Скоринкин 2016: 211] и употребляется как просительная частица, как слово-согласие, как текстовый коннектор и как вводно-модальное слово [Гатинская 2014: 135].

Контексты из НКРЯ показывают, что к XVIII в. просительность *пожалуй* оказывается уже несколько десемантизированной и в отдельных контекстах требует при себе дополнительного указания просьбы:

(21) *Сверх сего покорно **прошу, пожалуй**, доложи е. в., чтоб повелела мне жалованье перевести.* [НКРЯ: В. Н. Татищев. Письмо И. А. Черкасову (1725)].

(22) ***Прошу, пожалуй**, меня уведоми, как скоро все куперитыхи поспеют.* [В. Н. Татищев. Письмо И. Д. Шумахеру (1731)].

При этом расширяется контекстуальная валентность слова *пожалуй* в направлении от формульности, характерной для XVII в. к выражению просьб в различных сферах коммуникации, например, в отношении эмоциональности:

(23) *Не прогневайся ж, **пожалуй**, что и во всей науке, когда наизусть ни псалтыри, ни часослова прочесть не умеет, – поэтому он церковного устава не знает.* [НКРЯ: Д. И. Фонвизин. Недоросль (так называемый ранний «Недоросль») (1764)].

(24) – ***Пожалуй**, не беспокойся, отряси всю печаль свою и ведай, что ты видишь теперь пред собою наилучших твоих приятельниц* [НКРЯ: Н. И. Новиков. Живописец. Третье издание 1775 г. Часть II (1775)].

Следует отметить, что к началу XVIII в. «будучи унаследованной из приказного делопроизводства и послужив базой для таких просительных жанров XVIII в., как доношение, объявление и прошение, челобитная сама трансформируется, встраиваясь в новую жанровую парадигму канцелярского делопроизводства» [Русанова 2016: 706], и именно с этим обстоятельством следует связывать снижение количества употреблений *пожалуй* в канцелярском языке, а не с особенностями развития этой лексемы; однако возрастание ее активного употребления в языке частной корреспонденции и в художественных произведениях свидетельствует о ее универсальности. Дискурсивность, трансформировавшаяся от семантики прошения к широкому маркеру вежливости, свидетельствует о том, что именно в XVIII в. *пожалуй* становится частицей.

С конца XVIII в. появляется частица *пожалуйста*, являющаяся основным маркером вежливой просьбы и по сегодняшний день:

(25) *Пожалуйста, Фалалеюшка, не погуби себя, не заводи с ними знакомства: провались они проклятые!* [НКРЯ: Н. И. Новиков. Живописец. Третье издание 1775 г. Часть I (1775)].

(26) *Да скажите ж мне, пожалуйста, виноваты ли они?* [НКРЯ: Д. И. Фонвизин. Недоросль (1782)].

(27) *Анюта. Матвеюшка! воротись пожалуйста. Он ушел; видно, на меня очень рассердился.* [НКРЯ: П. А. Плавильщиков. Бобыль (1790)].

Ее развитие обусловлено слиянием уже ставшей частицей лексемы *пожалуй* и морфемной единицы *-ста*, в к. XVIII – н. XIX в. свободно употреблявшейся также с другими (в том числе этикетными) единицами:

(28) *Да полно, что об этом и говорить, на такие глупые рассуждения нечего смотреть: которая десятина земля принесет мне столько прибыли, как мое бесчестье; нет-ста, кто что ни говори, а я таки свое утверждаю, что бесчестьем скорее всего разбогатеть можно.* [НКРЯ: Н. И. Новиков. Живописец. Третье издание 1775 г. Часть I (1775)].

(29) – *Добро-ста, князь, слушаю, – отвечал Пальчиков, – сам ведаю, батюшка, князь, што дети за родителей не ответчики...* [НКРЯ: Д. Л. Мордовцев. Москва слезам не верит (1885)].

(30) *Ива Олелькович, не обращая внимания на Яснелду, без обычного: «Спасибо-ста, Боярыня, Княгиня!» – берет и кушает.* [НКРЯ: А. Ф. Вельтман. Кощей бессмертный. Былина старого времени (1833)].

В классических трудах отечественного языкознания представлено несколько точек зрения на происхождение *-ста*: «Толкуют ее, например, как сокращенное “староста” (Шахматов), другие – из *государь* (*ста* – из *зда*) – Соболевский; третьи видят в ней остаток повелительной формы “*стани, стань*” (Халанский и др.); возможно также, что она результат перерождения “*стало быть*”» [Булаховский 1958: 413]. Еще несколько точек зрения приводит А. Г. Преображенский в своем «Этимологическом словаре русского языка»: «Потебня выводит *-ста* из 2-го или 3-го лица двойств. ч. *юста*; отношение к двойств. числу, по-видимому, еще сохраняется в загадке: “*дваста бодаста,*

четыре-ста ходаста, один хлебестун” и теряет его в “здорово-ста”, “спасибо-ста”, “пожалуй-ста”, где оно сообщает оттенок вежливости <...> Во всяком случае следует иметь в виду, что частицы эти довольно позднего происхождения; еще в XVIII в. употреблялось *пожалуй* в значении нашего *пожалуйста*» [Преображенский 1915: 370].

График сравнения частотности употребления *пожалуй* (выделено синим) и *пожалуйста* (выделено красным) в НКРЯ показывает, что *пожалуйста* со времени возникновения не было более употребительно, чем исходное слово:

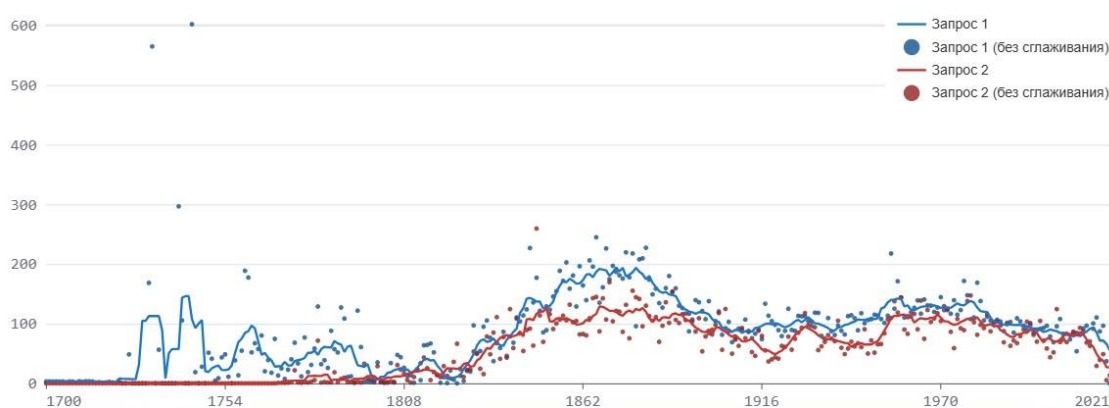

рис. 5. График частоты употребления *пожалуй* (запрос 1) и *пожалуйста* (запрос 2) по НКРЯ

Это связано, вероятно, с перераспределением функции выражения вежливости, которую до начала XX в. параллельно выполняли обе лексемы, а с начала XX в. — только *пожалуйста*; а также с активным семантическим развитием *пожалуй*: «Это слово в современных текстах частотно в роли частицы, акцентирующей один из компонентов высказывания, и в качестве реплики некатегоричного согласия в диалоге» [Гатинская 2014: 144].

В Google Ngram представлены сопоставимые с НКРЯ результаты, за исключением всплеска частотности *пожалуйста* в 2010-е гг.:

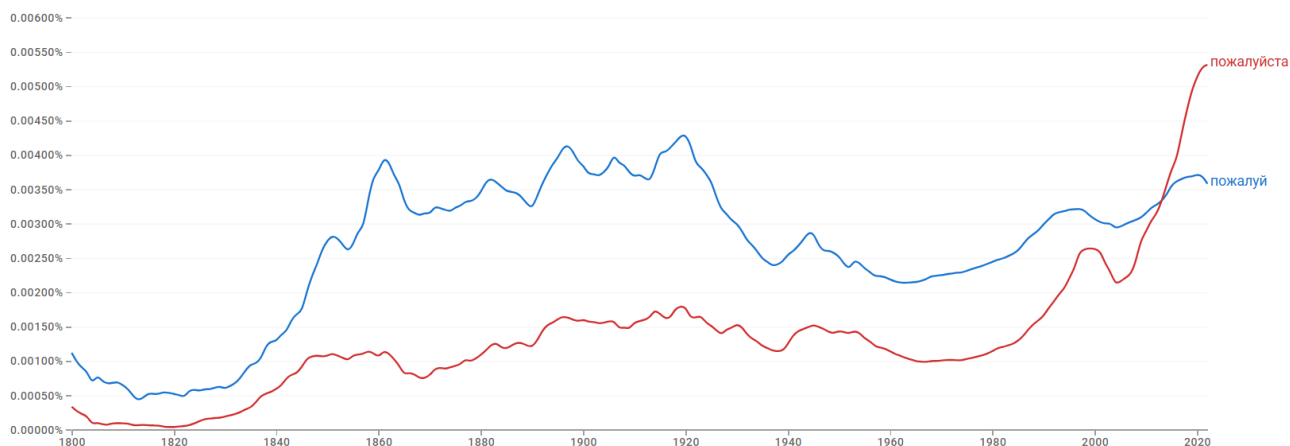

рис. 6. График частоты употребления *пожалуй* (запрос 1) и *пожалуйста* (запрос 2) по Google Ngram

При этом частица *пожалуй* в современном русском языке используется только для выражения неуверенного согласия, размышлений и т.п.:

(31) *Много думаю о вчерашнем вечере, даже, **пожалуй**, слишком много.* [НКРЯ: А. А. Аллендорф. Дневник (1908)].

(32) ***Пожалуй**, вы правы, — сказал он, словно она никуда не уходила, — **пожалуй**, вы правы...* [НКРЯ: В. Г. Лидин. Прилет птиц (1962)].

(33) *На юбилеях, **пожалуй**, полагается несколько по-другому, не знаю.* [НКРЯ: М. А. Небогатов. Дневниковые записи (1971)].

(34) *Развить в себе умение сомневаться в привычном и общепризнанном — вот, **пожалуй**, главное, чему меня научила моя научная жизнь, мой главный Учитель.* [НКРЯ: vk (25.05.2012)].

Обязательным компонентом подобных контекстов является наличие обстоятельства, на которое реагирует говорящий. В этом аспекте рассматриваемая частица сближается с вводными словами. В словарях при этом (см., например, [БАС 2012: 279]) значения частицы и вводного слова разграничиваются: частица определяется, как единица, выражающая нерешительное согласие, а вводное слово — допущение, возможность чего-либо.

Таким образом, образование частиц *пожалуй* и *пожалуйста* происходило в несколько этапов:

- 1) вхождение глагола со значением просьбы (обычно материальной) в формуляр деловых документов;
- 2) десемантизация глагола и переход к функционированию формы *пожалуй* в качестве маркера вежливости;
- 3) переход к частице и расширение референтных связей *пожалуй* на сферу эмоций;
- 4) формирование новых значений у *пожалуй*, выражающих сомнение говорящего при согласии;
- 5) возникновение конкурентной языковой единицы *пожалуйста*, образованной от основы *пожалуй* с присоединением частицы *-ста*, также относящейся к сфере выражения вежливости;
- 6) перераспределение функций: *пожалуйста* как вежливое выражение просьбы, *пожалуй* как неуверенное согласие.

Выводы по Главе 2

Итак, переход глагольных форм в частицы реализуется на протяжении нескольких веков и является продуктивным и на современном этапе развития языка, о чем свидетельствует появление новых и развитие (семантическое и словообразовательное) имеющихся частиц.

Все рассмотренные переходы глагольных форм в частицы сопровождаются десемантизацией, что характерно для грамматикализации и формирования новой служебной единицы; в ряде случаев к десемантизации приводит семантический переход между смежными компонентами значения (например, 'восприятие' и 'акцентирование внимания') в структуре слова. При этом значение диахронной основы в остаточном виде сохраняется в частице и проявляется в потенциале ее дальнейших преобразований. Наибольшее количество рассмотренных глагольных форм с высоким потенциалом переходности – формы императива, что обусловлено их семантической нагрузкой, включающей воздействие на адресата речи. Ввиду того, что повелительные формы часто сочетаются с экспрессивно

окрашенным контекстом, значение воздействия сближается со значением выражения отношения к объекту речи, которое говорящий стремится разделить с адресатом.

Переход глагольной лексики в частицы обычно сопровождается фонетическими изменениями, в том числе обусловленными процессами истории языка. Для современной разговорной речи, в особенности реализующейся в интернет-коммуникации, характерна также редукция форм. Значительную роль при формировании отглагольных частиц занимают словообразовательные процессы – усечение основы и суффиксация.

Основными грамматическими изменениями при переходе этого типа является утрата словоизменительной парадигмы и синтаксической самостоятельности, и, как следствие, изменение морфологического статуса лексемы.

Глава 3. Развитие частиц из единиц именной лексики

3.1. Лишь²⁹

Этимологические данные свидетельствуют о том, что русская частица *лишь* является результатом развития адъектива *лихьи* в его застывшей краткой форме *лихъ*. Г. П. Цыганенко указывает на то, что «современная форма отмечается с 1-й половины XVIII в. Она возникла на базе др.-рус. *лише* после отпадения безударного *-е*. Древнерусское *лише* было формой сравнительной степени среднего рода прилагательного *лихъ* и выражало значение ‘больше, излишне’, а также ‘кроме, только’» [Цыганенко 1989: 215–216]. Те же сведения приведены в [Фасмер 1986б: 507]; [Шанский 1971: 243]; [Кореšný 1980: 414–415].

В «Этимологическом словаре славянских языков» отмечены соответствия в сербохорватском (предлог *liše* со значением ‘кроме; вне, снаружи’ и наречие ‘очень много’) и украинском (наречие *лише́* ‘только, лишь, но’) языках [Трубачев 1988: 155]. В диалектной системе русского языка представлены формы *лиша*, *лишо*, *лише* с разноместным ударением, употребляющиеся как наречие ‘только что’, ‘вдобавок’. частица ‘неужели’, ‘даже’, ‘лишь’, союз ‘как только’, ‘тоже’, а также форма *лиш* со значением ‘нечетное число’, ‘избыток’ [СРНГ 1981: 90]. М. А. Бобрик указывает на контаминацию противоположных значений в прилагательном *лихьи* / *лихой*, которая отражается также и в диалектных названиях существ: «Семантика <...> объединяет в себе, по сути, два ряда значений: один строится на идее недостатка (лишения), а другой – на идее избытка (излишка)» [Бобрик 2014: 268]. Перечисленные функции и значения отражают исторические этапы семантического развития лексемы *лишь*, о которых пойдет речь далее.

Согласно лексикографическим источникам, обособление краткой формы прилагательного отмечается уже в древнерусском языке: *лише* фиксируется

²⁹ В данном параграфе использован материал, опубликованный в статье автора диссертации [Глаголева 2024в].

в [Сл. XI–XIV 1991: 415–416] со значениями 1. ‘сверх, выше, более чего-л.’; 2. ‘в большей степени, сильнее, более того’; 3. ‘кроме, помимо’; 4. ‘хуже, злее’, при том, что семантическая структура производящей основы *лихыи* выстраивается в противоположном направлении (от пейоративно маркированного значения к обозначению чрезмерности): 1. ‘дурной, злой’; 2. ‘плохой, испорченный, с изъяном’; 3. ‘излишний, чрезмерный’, 4. ‘лишенный чего-л.’ [Сл. XI–XIV 1991: 409–410].

Данные в [Сл. XI–XVII 1981: 259] сообщают о частеречной принадлежности заголовочного слова в условиях разных контекстов и значений: «I. Нареч. Больше, сверх нормы. <...> II. Предлог с родительным падежом. 1. Сверх, выше чего-л. <...> 2. Кроме. <...> III. Частица и союз. 1. Выделительно-ограничительная частица. Только, лишь. <...> || В значении союза. Употребляется при соединении предложений, из которых одно противопоставляется другому по линии ограничения какого-л. утверждения, частичного его отрицания. <...> || В значении союза. Употребляется для присоединения предложения, выражающего пожелание. <...> 2. Условный союз. Употребляется в начале условного придаточного предложения в знач. ‘если’. <...> 3. Временной союз. Употребляется для присоединения придаточных временных предложений и обозначает, что действие, о котором говорится в главном предложении, наступает сразу после действия, о котором говорится в придаточном предложении, в знач. ‘едва, только, как только’» [Сл. XI–XVII 1981: 259].

В дальнейшей исторической перспективе набор значений и функций рассматриваемого слова сохраняется в рамках служебных частей речи – частицы и союза:

«ЛИШЬ (-ше, обл. -шо), частица и союз. I. частица. 1. выделит.-ограничит. Только, единственно, исключительно. <...> || Лишь бы. Употр. в предложениях, выражающих пожелание. <...> II. союз. 2. Употр. для присоединения предложений, ограничивающих или выделяющих сказанное, в знач.: только. <...> 3. временной. Как только, едва. <...> 4. цели. Только для того, чтобы. <...> 5. условный. Если бы только» [Сл. XVIII 2000: 209].

Следовательно, начальной точкой семантической эволюции *лише* стало адъективное значение, развившееся в современную семантику ограничительности. Корпусные данные подтверждают порядок развития значений, соотносимый с тем, что представлен в «Словаре русского языка XI–XVII вв».

На начальном этапе (XI–XV вв.) форма *лише* имеет выраженное определительное значение:

(1) *Аще бо любите любящая вы, кую мзду имаате, не и мытарие ли такожде творять и аще цѣлуете другы вашия тѣкъмо, чѣто **лише** творите, не и мытарие ли такожде творять* (1057) [Сл. XI–XVII 1981: 259].

(2) *Не буди праведенъ велми, ни мудръ **лише**, да не како изумѣещися* (1499) [Сл. XI–XVII 1981: 259].

В приведенных примерах *лише* иллюстрирует типичную для формы сравнительной степени семантику интенсификации признака и действия, и, так как образование такой формы характерно и для прилагательного, и для наречия, в отношении этого этапа развития рассматриваемой лексемы возможно предположить функциональную контаминацию наречия и прилагательного, реализовавшуюся в лексеме *лише*. Н. В. Чурмаева утверждает, что «наречия с суффиксами сравнительной степени употребляются в древнерусских памятниках при сопоставлении одного и того же признака по силе его проявления. Эта функциональная особенность наречий на *-е* / *-ѣе* в ранний период является, по-видимому, основной, но не единственной и не изначальной. Более общее и более древнее значение формантов – усиление признака, выражаемого общеименной или адвербиальной основой. <...> Исторические более стабильными были отношения наречных пар с качественным значением, т. е. таких, как <...> *лихо* – *лише*, поддерживаемые такими же отношениями сравнительности у соотносительных прилагательных» [Чурмаева 1989: 127, 129]. Эти наблюдения над семантикой интенсивности и условия соотносимости находят отражение и в представленных выше примерах.

В XII–XV вв. фиксируется *лише* как предлог со значением ‘кроме’. Этот предлог выделяет один объект из множества при перечислении или сопоставлении:

(3) *п нѣосимѣ покланѧ(ннѣ)л[ъ] века ж в[а]сѣ а нѣна не [н](м)[амь вѣ]лости лише вѣсѣ а ѿ за вѣ бѣа молю сѣдила и гравриѧ и марнѧ и олисѧва и домьниѧ мѣнога же в[ѣ] лѣта* [НКРЯ: Берестяная грамота 503 (1140-1160)].

(4) *И еще за все имѣніе имѣю книги сія, ими же утѣшаетъ ми ся душа и сердце веселитъ; лише же сихъ трехъ хлѣбовъ не имамъ ничѣто же, но токмо Тебѣ помощника и заступника и кормителя* [НКРЯ: Степенная книга («Книга Степенная царского родословия»). 5-я степень (Юрий Владимирович Долгорукий) (1560–1563)].

(5) *Тѣмъже и тако сего ради многашѣды хожашѣ по келіямъ оученикъ своихъ. и аще чѣто обращаашѣ оу кого. ли брѣшью сѣнѣдно. ли одежею лише оуставьныѧ одежа. или ѿ имѣниѧ чѣто. сѧа вѣзъмъ вѣ печь вѣмѣташѣ* [НКРЯ: Нестор Печерский. Житие Феодосия (1080-е)].

Идея обособленности проявляется также в семе ‘сверх’ (чаще в сочетании *лише мѣры*):

(6) *аще и корабль лише мѣры вложиши. то погразнеть и имѣнье погуби(т)* [НКРЯ: Поучения св. Евсевия (до середины XII в.)].

(7) *важъ разбѣи вѣмѣнить гѣ. Клеветници же не исправляѣми. истиньни являютъсѧ: тако ꙗгда сѣрачешѧ ближняѧго своѧго. почѣсти и лише мѣры. шѣбниѧ и и цѣлоуи сѣ многож чѣстью. и похвали и ꙗгоже не имать. и ꙗгда разидешѧ отъ него. рыци о немъ вѣсѧ добраѧ.* [НКРЯ: Изборник 1076 г. (перевод X в. [Болгария])].

Е. Т. Черкасова отмечает, что «в этот период (XII–XIV вв. – А. Г.) краткие формы прилагательных еще не были закреплены в предикативной функции;

естественно поэтому, что и те краткие прилагательные, к которым восходят предлоги, сложившиеся в XII–XIV вв., были известны и в непредикативном употреблении – в качестве субстантивированного слова и реже – в качестве согласованного определяющего слова или наречия» [Черкасова 1967: 190].

Отметим, что в контекстах XIII–XIV вв. в Древнерусском подкорпусе содержатся единичные примеры из разных списков «Договора Смоленска с Ригой и Готландом» употребления *лише*, размеченные в НКРЯ как частицы:

8) *Роусиноу · не звати · латинского · на йного князѧ соудъ ∴ лише предъ смоленского князѧ <...> Тако латинескому · не звати · роусина · на йнѧи соудъ · лише оу ригоу ѿ на гочкѧи берего* [Договор Смоленска с Ригой и Готландом (готландская редакция, список А) (1229, 1284)].

9) *Русину не звати латинского на иного князѧ судъ · лише предъ смоленского князѧ <...> тако латинскому не звати · русина на инѧи судъ · (ли)ше оу ригу и на гочкѧи(и) берегѧ* [Договор Смоленска с Ригой и Готландом (готландская редакция, список С) (1229, 1284, 1333–1341)].

Однако в первом случае (*лише предъ смоленского князѧ*) в обоих примерах, очевидно, *лише* функционирует как предлог ('не звать на иного князя суд, кроме суда смоленского князя'); во втором вхождении (*лише оу ригоу*) представляется возможным такое же (предложное) функционирование *лише* ('на иной суд, кроме как в Ригу').

Одновременно с этим, в XIII–XV вв., происходит преобразование семантики сравнительной степени прилагательного *лише* 'больше' в 'излишек', реализующееся в существительных:

(10) (...) ... (п)[оло цѣт][ве]ре[т]и гривни тме ти есем- ----- ѿ смена
ѿ масника за цето еси · в · гривни ѿзале мое **лише** возми захарне ѿ попа · се
[ли не] ѿдасте да со изростѧи водасте [НКРЯ: Берестяная грамота 483 (1260–1280)].

(11) [а] *ли[ш](ѣ бы отда)ли зати а мѣк штъцъ бы по(слоу)хъ* [НКРЯ: Берестяная грамота 339/341 (1380–1400)].

Из примеров (10) и (11) следует, что референтивная функция *лише* начинает трансформироваться от функции обозначения объекта из однородного ряда к обозначению этого объекта как самостоятельного – нивелируется значимость противопоставления и сопоставления, актуальная для *лише*-предлога; при этом соотнесение с «общей массой», к которой относится ‘нечто лишнее’, еще сохраняется (так, в примере (10) речь идет о деньгах, но их упоминание в фразе необязательно для понимания). Примечательно, что такое словоупотребление встречается только в берестяных грамотах.

Интересно отметить, что субстантивная семантика в контекстах после XV века соотносится с существительным *лишек*, а с XVIII в. чаще употребляется его дериват *излишек*:

(12) *Да в котором будет поле пашни лишек, и ты б тот лишек прикладывал к меньшему полю, и наверстал гораздо, чтоб тебе однолично во всех трех полях пашня в книги ровно написать* [НКРЯ: Грамота Ивана IV Белозерскому губному старосте Я. М. Гневашеву о разделе Белозерской вотчины И. П. Федорова (1568.11.20)].

(13) *И тот лишок у Данилка не отписан потому, что велено ему кормити мать свою да брата своего* [НКРЯ: Докладная разъезжая, с доклада ц. Ивану Васильевичу, кн. Ивана Васильева сына Мещерского земле Чудова монастыря с. Липятино с поместной землей Данилы Истомина сына Толстого с. Семеновское в Каневской вол. Коломенского у (1556.05.15)].

(14) *Да послал, з(о)с(у)д(а)рь, из Чубароваи с Михаилом Антиповым 13 рун шерсти, а вѣсу у них 19 гривенок, да 15 поярков, вѣсу в них 4 гривенки с лишкам* [НКРЯ: Грамотка приказчика И. Никитина и старосты И. Павлова из с. Чубарово (1673.11.23)].

Начиная с XVI в., меняется интегральная сема — от ‘одно из перечисленного’ к ‘одно вообще, вне перечисления’; такое значение

сохраняется и в современном языке. Указанную семантику частицы *лишь* описал С. Л. Сахно: «доминирует идея сведения данного класса или множества Y к когнитивно и коммуникативно “маргинальному” элементу или подмножеству X. При этом не исключаются другие элементы или другие подмножества (‘X и не больше’, ‘X, но можно было бы предполагать и нечто иное или предполагать нечто более значительное’)» [Сахно 2019: 49].

Ввиду актуализации дискурсивного значения, выражающего особое ограничительно-выделительное отношение говорящего к некоторому предмету, действию или состоянию, этот этап можно считать началом формирования частицы *лише*:

(14) *Подоба же скратити слово и не **лише** умудряти, не умѣа, или ухищряти к суцим любомудрием исполнь, к суцим разума и паче нас умома вышшиимъ и вящшим* [НКРЯ: Из Великих Миней Четъих митрополита Макария. 26 апреля. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием (1530–1554)].

(15) *А какъ осолятъ негнетуть, **лишо** одно верхнее дно накинеть на верхъ* [НКРЯ: Торговые книги начала XVII века (1600–1610)].

(16) *И Федот говарил: «Милостию божію, государьским жалованьям и великого государя царя и великаго князя Михаила Федоровича, всеа Руси самодержца, и Левонтья, царя дидьянскаго, не кручинна; одна **леша** на нас забота, что не дал долго царь Левонтей очей своих видеть* [НКРЯ: Статейный список Федота Елчина (Грузия) (1639–1640)].

Примеры (15) и (16) иллюстрируют вариативность орфографического оформления частицы в текстах XVI–XVII веков: встречаются также варианты *лишише*, *лишишу*, *лишь*, *лиша*. Устойчивая тенденция к употреблению формы *лишь* в литературном языке наблюдается с XVIII века (при этом в диалектах, как было отмечено выше, вариативность сохраняется и до настоящего времени).

На завершение процесса формирования частицы *лишь* указывают контексты XVII и последующих веков, содержащие контактно расположенные частицы *бы, же, только*:

(17) *Лише же* молю, да сие творите, да вскоре миръ дастъ нам от злобы их кровию завѣта вѣчнаго Господа нашего Иисуса Христа! [НКРЯ: Хворостинин Иван Андреевич. «Словеса дней, и царей, и святителей московских» (первая четверть XVII в.)].

(18) *А за сто стерледеи рубль, а за судоки и за леци за десяток по десяти алт(ын), – или де как он изволит, мы де ради, чем ни пожалу[ет], лиша б де изволил приказат(ь) к нам заранея, и мы де приготовим, а ныне де рыба дешева* [НКРЯ: Грамотка приказчика А. Никитина в с. Спасское (1682.10.25)].

(19) *Теперь лишь только* вступил онъ на сороковой годъ: а роскошное его житіе тѣло его привело въ дряхлость [НКРЯ: О неудовольствіи (перевод с нем.) // Праздное время въ пользу употребленное. 1759 Годъ съ Іюля мѣсяца, 1759].

Дополнительные выделительные маркеры подчеркивают начавшуюся десемантизацию частицы. Этот фактор способствовал возможности употребления *лишь* в функции союза с семантикой ограничения, присоединения или времени:

(20) *Пускай его пишетъ что хочетъ, лишь бы* намъ возвратиться домой. [НКРЯ: А. С. Шишков. Письма жене (1813-1814)].

(21) *И как есаул шел наперед, а сестра Ивана-богатыря шла позади, и лишь только* вступил он в ту комнату, как названная сестра Ивана-богатыря ударила есаула саблею из всех сил и отрубила ему голову. [НКРЯ: Сказка восьмая о Иване-богатыре, мужицком сыне (1787)].

Таким образом, развитие семантики *лишь* шло в направлении от частного ('то, что больше чего-либо однородного') к общему ('нечто отдельное вне сравнения с чем-то другим') и сопровождалось переходом лексемы между классами самостоятельных и служебных частей речи.

3.2. Себе

Среди отыменных образований отдельную группу составляют частицы местоименного происхождения. Одной из таких частиц является частица *себе*. Лексикографическое отображение частицы *себе* содержится в толковых словарях современного языка ([БАС 2019: 222–223], [МАС 1984: 67], [ТСРР 2021: 73]) со значением ‘употребляется для подчеркивания свободы протекания действия’; указывается также на постпозитивный и безударный характер употребления частицы *себе*. Исторические и этимологические словари рассматривают эту форму только как местоимение, не фиксируя партикульного значения.

В современном русском языке наиболее продуктивный тип функционирования *себе*-частицы – в ее сочетании с глаголом. Представляется, что обязательным в таком употреблении является глагол, который не имеет валентности с дательным падежом – преимущественно это глаголы движения (ср. наиболее частотные коллокации из НКРЯ: *сидеть, ступать, гулять, спать, лежать, жить, летать, идти, плыть, ехать*), хотя встречаются и глаголы речевой деятельности (*болтать, молчать, помалкивать*).

(1) *Столько я недоспал уже на этой работе, что спокойно сижу себе и без нервов использую время хоть с каким-то толком.* [НКРЯ: В. В. Ершов. Дневник (1985) // Летные дневники. 1984-2002 годы / Проза.ru].

(2) – *Лежишь на верхней полке, не думаешь ни о чем, не грустишь – едешь себе...* [НКРЯ: Григорий Сабуров. Пешком по волнам // «Звезда», 2002].

(3) *Вот уж не признал! Едем, болтаем себе. Ну и встреча!* [НКРЯ: А. И. Мусатов. Зелёный шум (1963)].

Основой для формирования таких конструкций стал, по-видимому, *dativus ethicus*³⁰, являющийся, по замечанию В. Б. Крысько, «практически десемантизированным рефлексом целевого значения <...> Первоначальная

³⁰ В другой терминологии эту разновидность дательного падежа называют также дательным заинтересованного лица [Шахматов 2001: 339], дательным экспрессивным [Кустова 2012], дательным риторическим [Богуславский, Вилинбахова 2022: 5], дательным этическим [Гатинская 2014], [Малышева 2019], дательным нравственного участия [Жугра 2021].

семантика <...> датива, реконструируемая для праиндоевропейского <...> реализовалась прежде всего в употреблении дательного как падежа направления, цели» [Крысько 2020а: 69].

В отдельных исследованиях дательный беспредложный падеж местоимений в подобных приведенным выше высказываниям квалифицируется как имеющий отношение к модусу (*Я тебе покурю!*) [Машовец 2000: 10].

Г. И. Кустова описывает функцию дательного экспрессивного следующим образом: «... состоит в том, чтобы включить в предложение, описывающее некоторую ситуацию (ср. *Будет он на «Жигулях» ездить, как же*), некое лицо – обычно участника речевого акта, т.е. коммуникативной ситуации (*Будет он тебе...*), и тем самым сделать это лицо причастным к описываемой ситуации, к которой оно в действительности не имеет отношения в том смысле, что не является ее участником» [Кустова 2012] и относит к этому употреблению также конструкции вроде «– *Да, Вова, это тебе не Бухара, – сказал Зуев.* [НКРЯ: В. Арро. Дом прибежища]», «*Поговори мне еще.*». Действительно, для разговорной речи продуктивно употребление местоимений в *dativus ethicus* (*тебе, мне, им* и др.) в экспрессивных целях, однако в рамках настоящего исследования кажется целесообразным рассмотреть изолированно форму *себе*, так как именно эта форма, на наш взгляд, уже завершила процесс семантического и грамматического обособления и перешла в разряд частиц, что подтверждается активным развитием типов контекстуального функционирования, как будет показано далее.

В Панхроническом корпусе НКРЯ форма *себе* в составе контекстов древнерусского и старорусского периодов выступает в семантической роли бенефактива:

(4) *а купиль събѣ вдерень и своимъ дѣтемъ* [НКРЯ: Купчая Чухченемского монастыря у Михея Фаустова сына на землю на Малом острове (1450-е – начало 1460-х)].

При этом сочетаемость *себе* в роли бенефактива была довольно широкой (*внимаите, учините, събирают, возми* и др.). Первые употребления конструкции

«глагол + частица *себе*», по данным НКРЯ, прослеживаются с конца XVI в., причем с эксплицитно выраженной идеей обособленности и независимости действия:

(5) *Видив же его старец Данил во всемъ живуца по заповедех Господних и по обещанию иноческому, дать ему кѣлию особную и повелѣ в ней жити. И егда начат **жити себе** в кѣлии, начат труды к трудом прилагати и подвиги к подвигом, в посте и в молитве безпрестани день и ночь бес сна пребываше.* [НКРЯ: Житие Герасима Болдинского (1585–1590)].

(6) *Жилъ себе царь Василей в своем градѣ Костентине; со женою своею живяше, а дѣтей у них не было.* [НКРЯ: Сказание о царе Василии Константиновиче (конец XVII – начало XVIII в.)].

(7) *А Петрушка Щокин(а) ис тюр(ь)мы выноли, посадили на чеп(ь), и он Петрушка с чепи **ушел себе** в Белев, у старасты и у сторожа замок розломил.* [НКРЯ: Грамотка приказчика М. Дмитриева (Воронцова) из д. Тельчья (1686.04.30)].

А с XIX в. подобные конструкции употребляются более часто:

(8) *Да, признаться, и часто гуляли хватко, а скоромное [ели] во весь пост; например, в трактире где-нибудь в бильярд выиграем один у другого ужин, и **едим себе**.* [НКРЯ: И. И. Лапин. Дневник (1820)].

(9) – *Поезжайте себе в лагерь, а я теперь сам буду командовать.* [НКРЯ: С. А. Тучков. Записки (1824) // «Русский вестник», 1906].

(10) *Заведи себе сам, да и **гуляй себе** с ней, и никому до тебя дела нет.* [НКРЯ: А. Н. Островский. Гроза (1860)].

(11) *Вот кругом него собрался народ из крепости – он никого не замечал; постояли, потолковали и пошли назад; я велел возле его положить деньги за баранов – он их не тронул, **лежал себе** ничком, как мертвый.* [НКРЯ: М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)].

Пример (10) иллюстрирует однозначное и неоднозначное употребление единицы *себе*: местоимение выступает в роли дополнения в сочетании с валентной императивной формой *заведи*, а частица, выступая в схожей

конструкции, но с непереходным глаголом, подчеркивает значение самостоятельности.

Семантика независимости протекания действия обуславливает сочетание с контрастивным контекстом:

(12) – *Очень хорошо. **Спите себе** на здоровье. А теперь, раз уж проснулись, я вас посмотрю.* [НКРЯ: И. Грекова. Перелом (1987)].

(13) *Продажа картин видится этому человеку просто и по-маниловски душевно: **сидит себе** нечёсанный творец в своем подвале среди размалеванных холстов, жарит последнюю мойву, на него с животной ненавистью смотрит не евший три дня кот, и тут вдруг раздается стук в дверь, и по ступенькам осторожно спускается прекрасный во всех отношениях господин в дорогом пальто и после восторженных «ахов» и «охов» покупает одну или даже две картины.* [НКРЯ: Борис Телков. Порхание розовых бабочек // «Менестрель», 2012].

Разновидностью этого типа конструкций можно считать также императивные сочетания с *пусть*:

(14) *Но жалеть ли о нем? Нет, **пусть идет себе** жизнь... А ведь хорошо жить на свете?* [НКРЯ: Н. Г. Помяловский. Мещанское счастье (1860)].

(15) ***Пусть живёт себе** как знает, а я себе.* [НКРЯ: Н. Письма из Москвы подруге (1966-1967)].

Таким образом, в условиях характерной для местоименной формы *себе* семантической роли бенефактива развивается частица *себе*, на первом этапе грамматикализации выражающая выгоду, полученную объектом речи и обусловившую возможность сделать что-либо самостоятельно (например, уйти, как в примере (7)). В более поздние периоды в сочетании рассматриваемой частицы с глаголом усиливается значение независимости действия, выделяемое интонационно и обуславливающее безударность частицы.

В составе фразеологизированных сочетаний частица *себе* ожидаемо проявляет значительную степень десемантизации:

(16) – Крышка? **Ничего себе** крышка! Мраморная плита весом в пять тонн! [НКРЯ: Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004)].

(17) Из идеи Лесина получилась милая, **вполне себе** лучезарная и добродушная картина о шестидесятих годах. [НКРЯ: «Известия», 26.10.2001].

(18) Про дядю, конечно, получилось **так себе**, плоховато получилось, неубедительно. [НКРЯ: Екатерина Завершнева. Высотка (2012)].

Сочетаниям *вполне себе*, *так себе*, *ничего себе* посвящена отдельная статья О. И. Северской, в которой подобные сочетания рассматриваются как аксиологические; отмечается, что частица *себе* может иметь самостоятельное значение (квалифицирующее) в контекстах, в которых возможен перифраз: «До этого Тотоша, превращенный в домашнее животное, **вполне себе мирно** обитал в аквариуме, – здесь возможен перифраз: обитал **себе** мирно в аквариуме, однако *вполне себе* акцентирует внимание на характеристике образа жизни, а частица *себе* – на том, что крокодил жил и жил, ни на кого не обращая внимания» [Северская 2012: 262].

Для устной речи и языка интернет-коммуникации характерна редукция³¹ частицы *себе* в указанных сочетаниях (а особенно в *ничего себе*), превращающая частицу фактически в постфикс:

(19) Грибов пока нет. **Ничо се** нет..... Это не в лесу, а во дворе жилого дома [НКРЯ: За грибами (2022)].

(20) Бывает, дам какой-то совет, как-то просто разрулю надуманно усложнённую ситуацию, и думаю, **ничосе**, какой я взрослый совет дал! [НКРЯ: vk (01.07.2015)].

Согласно схеме Т. Гивона, этот процесс близок к этапу морфонологии – предпоследнему этапу грамматикализации, за которым следует собственно утрата языковой единицы; следовательно из всех рассмотренных в этой работе переходных единиц, именно в отношении частицы *себе* прослеживаются основные этапы грамматикализации.

³¹ См. об этом: [Пальшина 2015].

Еще одним типом устойчивых выражений, включающих частицу *себе*, является сочетания с местоимением *такой* и его формами: различаются две омонимичные конструкции, в одной из которых *такой* выражает признаковые характеристики³², а в другой – выступает как ксенопоказатель³³:

(21) *Расстраиваться из за чатов это **такое себе***. [НКРЯ: Мой Тамбов чат (2023)].

(22) *3-4 года ждать, что бы поиграть на пк **такое себе**, если хочешь здесь и сейчас*. [НКРЯ: Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (12.10.2022)].

(23) *Лежала кошка и скучно стало. Думает **себе такая**: -На стол забраться, что-ли?....* [Форум Севастополя].

В примере (23) свойственная рассматриваемой частице семантика обособленности сохраняется, а сама частица подчеркивает «единоличность» описываемого мыслительного процесса.

Примеры (21) и (22) содержат контексты другого рода: частица *себе* входит в состав фразеологизированного сочетания, по значению сближающегося со словами категории состояния *плохо*, *нехорошо*, причем в составе эллиптических предложений; хотя встречаются примеры и с распространителем, где семантика конструкции скорее адъективная, чем предикативная:

(22) *Ну **такое себе** различие. На самокате чтобы набрать 25км/ч достаточно нажать одну кнопку, а на велосипеде надо приложить усилие для достижения такой скорости*. [НКРЯ: Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (07.10.2022)].

(23) *Проще говоря делегировать профессионалам. Из меня **такой себе** препод* [НКРЯ: Ирина Дружинина. Быт (14.12.2022)].

Интересно, что это сочетание в интернет-пространстве также развивает редуцированную форму, но, в отличие от *ничосе*, слитное написание еще не фиксируется:

³² См. об этом: [Левонтина 2010].

³³ См. об этом: [Савчук 2011].

(24) *А я хотела брызги, но купила белое, так как брызги на мне смотрелись так се* [НКРЯ: Свадебное платье: отзывы о салонах, фасоны, цены (2007-2019)].

(25) *Наблюдаю следующую картину-приставка грузится показывает окошки стартовые но при переключении на любой канал-чёрный экран, показывает название канала, передачу и всё, интернет работает так се (пинги не айс, танки вылетали 2 раза)* [НКРЯ: ТВ Домолинк (2009-2018)].

Итак, развитие частицы *себе* из местоименной формы возможно представить в виде следующих этапов:

1) вербализация действия, направленного на получение выгоды в виде какого-либо самостоятельного действия (XVI–XVIII вв.);

2) усиление значения самостоятельности в сочетании с глаголом, семантика которого не предполагает управления дательным падежом (с XIX в. – сохраняется до настоящего времени);

3) развитие сочетаний с сохранением семантики обособленности;

4) развитие устойчивых сочетаний со значительной степенью десемантизации;

5) фонологическая аттракция и десемантизация в составе сочетаний *ничего себе* и *так / такое себе* (этот процесс возможно считать незавершившимся, так как различия в орфографическом оформлении (ср. примеры (19) и (20)) указывают на прозрачность структуры для говорящих).

3.3. Это

Частица *это* в словарных изданиях описывается в рамках отдельной словарной статьи, при этом набор значений несколько отличается. В «Малом академическом словаре» эта частица описывается как указательная («Употребляется для подчеркивания какого-л. члена предложения» [МАС 1984: 770]) и как усилительная («Усиливает значение предшествующего ей местоимения или наречия в составе вопросительных предложений» [МАС 1984: 770]); в [БУС 2022б: 1432] при толковании второго значения приведен также

компонент «для смягчения вопроса, устранения его категоричности»; в [БТС 2008: 173] второе значение для частицы *это* описано так: «Употребляется как связка». В оттенке для первого значения в МАСе также явно прослеживается рефлекс местоименной семантики, о котором будет сказано далее: «Указывает на мысль или отдельное слово, выраженные в предшествующем повествовании» [МАС 1984: 770].

Так как в современных лексикографических изданиях, посвященных ранним периодам развития языка, еще не опубликованы тома, содержащие слова на *э*, обратимся к «Словарю Академии Российской» в качестве источника диахронических сведений о фиксации исследуемого слова: «Этоть, эта, это. Прил., простонар. Зри Тотъ» [САР 1794: 1007]. Обращает на себя внимание отнесение этой формы к прилагательным при отсылке с местоимению («Тоть, та, то, мѣст. Зри Той» [САР 1794: 213]; «Той, тая, тое. Просто же: Тотъ, та, то. Мѣст. указат.» [САР 1794: 148]), а также стилистическая помета, отсутствующая в современных словарях.

Местоимение *этот* в современных толковых словарях в основных значениях обычно описывается как указательное слово: «1. Указывает на предмет, находящийся вблизи кого-, чего-л. <...> 2. Указывает на какой-л. предмет, лицо (обычно сопровождается указательным жестом), выделяемые из ряда других. <...> 3. Употребляется для указания на предмет, лицо и т. п., названные в предшествующем повествовании. <...> 4. Употребляется для указания на действия, обстоятельства, события и т. д., о которых говорится в предшествующем или последующем предложениях. <...> 5. Употребляется как указательное слово на границе двух предложений, из которых второе является объяснением. <...> 6. Служит для выражения эмоционального отношения к определяемому предмету, явлению. <...> 7. Такой же самый, одинаковый» [МАС 1984: 770].

Е. В. Падучева определяет местоимение *это* как слово, которое «либо указывает на предмет или ситуацию, находящуюся перед глазами говорящего

(дейктическое *это*) <...>, либо отсылает к предмету или ситуации, упомянутой ранее (анафорическое *это*)» [Падучева 1980: 86].

Рассматриваемому слову (в обоих его употреблениях) посвящено значительное количество специальных исследований, в которых определены основные отличия *это*-частицы от *это*-местоимения (см., например, [Kimmelman 2009], [Junghanns 1997], [Попова 2012]). В уже упомянутой работе Е. В. Падучевой со ссылкой на [Молотков 1960], [Киселев 1976] приводятся следующие функциональные различия: «1) местоимение либо имеет антецедент (при анафорическом употреблении), либо обозначает, само по себе, какой-то внеязыковой объект или ситуацию (при дейктическом употреблении); частице же не свойственно ни иметь антецедент, ни обозначать; 2) местоимение является в своем предложении отдельным членом предложения; частица же не составляет отдельного члена предложения, а примыкает к какому-то другому» [Падучева 1980: 77].

И для партикулярного, и для местоименного употребления характерно вхождение *это* в состав вопроса. О. Е. Пекелис говорит о том, что «только местоимение, но не частица *это* может присоединять частицу *еще*» [Пекелис 2019: 9]. Исследователь указывает также на значительное количество контекстов, в которых задача дифференциации двух частей речи оказывается довольно трудной.

Высокий заместительный потенциал местоимения и усилительный — частицы способствуют высокой частотности употребления *это* в текстах, о чем свидетельствуют статистические данные Панхронического корпуса НКРЯ:

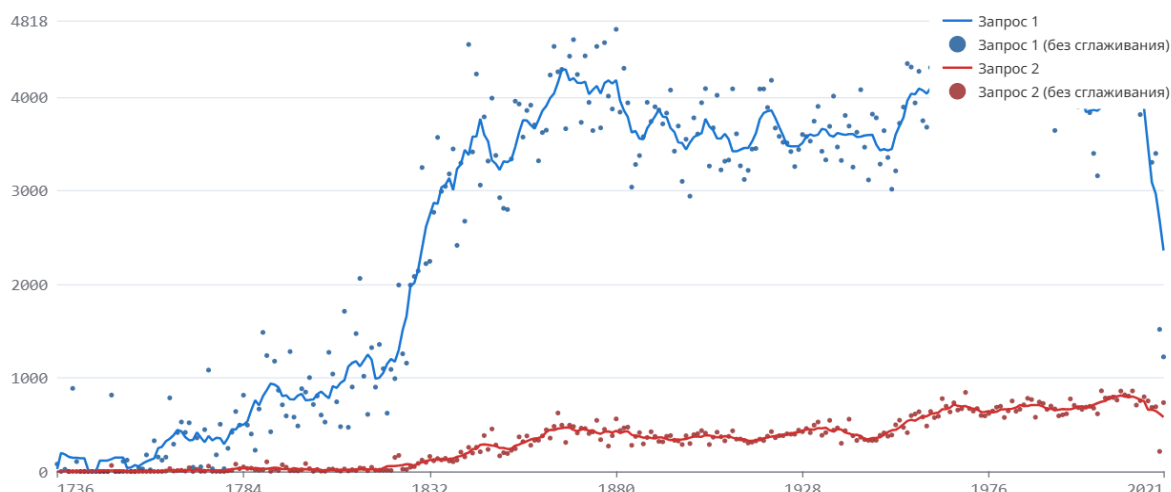

рис. 7. График частоты употребления *это*-местоимения (запрос 1) и *это*-частицы (запрос 2)

Как видно из графика, количество контекстов с частицей *это* не превышает 20% от всех употреблений этой формы в текстах, при этой увеличение частоты фиксируется с середины XIX века (в Старорусском корпусе содержатся 8 хронологически неучтенных в графике примеров, включающих местоименное употребление лексемы *это*; причем 4 из них являются переложением памятников письменности на современный язык, а потому не могут быть учтены в статистике).

Отметим, что в древне- и старорусский период функциональным предшественником исследуемой лексемы было местоимение *се*. В русском языке с начала XVII в. частота его употребления снижается и к середине XVIII в. вовсе перестает употребляться, уступая местоимению *это*. В некоторых других славянских языках, напротив, диахронная основа *се* сохранилась и активно функционирует и в современный период; при этом усилительная частица, соответствующая русской *это*, также образуется в этих языках от основы *се* (с сопутствующими фонетическими изменениями, обусловленными системой отдельного языка):

(1) болгарский:

а. – Куда **это** ты собралась? – хмуро глядя на меня, поинтересовался

Стас.

б. – *И къде се накани да ходиш? – погледна ме мрачно и любопитства Стас.*

[Татьяна Полякова. Миллионерша желает познакомиться (2002) | Татьяна Полякова. Миллионерша търси запознанство (Ива Митева, 2004)]

(2) украинский:

а. – *И руки его, лежавшие на коленях, сжались в кулаки. – Что это на тебя сегодня нашло? – продолжал приподнявшийся на локтях Климка.*

б. – *І руки його, що лежали на колінах, стиснулися в кулаки. – Що це на тебе сьогодні напало? – вів далі, підводячись на ліктях, Климко.*

[Николай Островский. Как закалялась сталь (ч. 1) (1930-1934) | Микола Островський. Як гартувалася сталь (ч. 1) (Виктор Петровський, 1974)].

Однако в белорусском языке, как и в русском, получила развитие парадигма, диахронно близкая основе *это*:

(3) белорусский:

а. – *Что это за критик Латунский? – спросил Воланд, прищурившись на Маргариту.*

б. – *Што гэта за крытык Латунскі? – спытаўся Воланд і прымружана паглядзеў на Маргарыту.*

[Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 2) (1929-1940) | Міхаіл Булгакаў. Майстар і Маргарыта (ч. 2) (А. Жук, 1994)].

Наиболее ранние контексты функционирования лексемы *это* в русском языке иллюстрируют наличие референтной связи, характерной для местоимения, «слово–объект внеязыковой действительности», причем обычно антецедент восстанавливается из ближайшего контекста (такое функционирование местоимения *это* является одним из основным и в современном русском языке):

(4) *Великий же наипаче прибыток бывает в дву месяцах: в октябре, в ноябре – ибо в те времена наипаче пригоняют скот из венгер, из волохов и от стран Славенских. Ибо в это время обций народ пищу себе на весь год готовят, иныя сушат, иныя солят.* [НКРЯ: А. Лызлов. Скифская история (1692)].

(5) *А в писмахъ тѣхъ тайныхъ буду я писать на верху или внизу черниломи, гдѣ пристойно будетъ, для признаки, такія слова [пожалуй, покъланись господину моему генегралу і побей челомъ, чтобъ пожаловаль, не покинулъ дамишъка], чтобъ не познали. Да отпиши, отъ ково **это** і ізъ которого города, чтобъ намъ тамъ, естли будемъ, в семъ опастися.* [НКРЯ: Петр I. Письмо Андрею Андреевичу Виниусу (1697.03)].

В XVIII веке появляются контексты, в которых *это* замещает придаточную часть предложения, находясь при этом в препозиции и функционально сближаясь с указательным местоимением *то*³⁴:

(6) *Мы знаемъ **это**, что такія господа есть...* [Сумароков 1786а: 10].

(7) *Молчи, я васъ и съ отцомъ та проучу; а не посмотрю на **это**, что онъ богатъ какъ жидъ.* [Плавильщиков 1792: 43].

Местоимение *то* употребляется в сложных предложениях в этой позиции значительно чаще, причем на всех этапах развития языковой системы (в Панхроническом корпусе *это* употребляется в препозиции перед придаточными, начинающимися союзами *который* и *что* 1930 раз, *то* – 103665 раз); при этом в таких конструкциях различия в семантике этих двух местоимений практически нивелируется. Употребление *это* вместо *то* возможно отнести к относительно новым явлениям – в НКРЯ содержится пример из современного переиздания произведения А. П. Сумарокова (1950 г.):

(8) *Я больше играть с ним на деньги не хотел; стали играть, чтоб тот, кто проиграет, купил бутылку вина, и тут я еще столько ж игор проиграл. <...> Сели потом есть, подали нам и вино **это**, которое я проиграл: кто ж **это** мог подумать, что оно по полтора рубли бутылка?* [А. П. Сумароков. Ссора у мужа с женой].

При этом в издании 1786 г. в первой отмеченной позиции используется *то*, а во второй конструкция предложения не содержит местоимения *это*:

³⁴ В современной устной речи распространено использование местоименно-соотносительной связи взамен союзной, являющееся ненормативным (см. об этом [Богданова-Бегларян 20176]). В этой связи интересно отметить, что подобные конструкции встречаются и в текстах предыдущих эпох, хотя и менее часто, чем конструкции с детерминированной соотносительностью.

(9) *Я больше играть съ нимъ на деньги не хотѣлъ; стали играть, чтобъ тотъ, кто проиграетъ, купилъ бутылку вина, и тутъ я еще столькожъ игоръ проигралъ. <...> Съли потомъ есть, подали намъ и вино то, которое я проигралъ: **ктожъ бы могъ** подумать, чтобъ оно по полтора рубля бутылка?* [Сумароков 1786б: 3].

Современный контекст (пример (8)), хотя он и не иллюстративен в диахронном плане, стоит рассмотреть подробнее с точки зрения функционирования лексемы *это*. Так, в первом вхождении *это* функционирует подобно артиклю, выделяя предмет, о котором шла речь ранее (в этом случае *это* замещает не только придаточную часть, но и усиливает антецедент *вино*).

Интересно также второе вхождение в конструкции *кто ж это*, так как препозитивное *это* располагается дистантно от замещаемого придаточного; эта конструкция прагматически нагружена частицей *же*, примыкающей к актанту *кто*, благодаря чему усиливается связь *это* с предикатом *мог подумать*. Стоит отметить, что частица *же* имеет значимую роль в синтаксической структуре предложения и используется «как специализированное средство для обозначения в тексте линии семантической связи, определяющей наличие – отсутствие единства (тождества) предмета речи, обстоятельств (время, место), признака, действия и пр.» [Преображенская 1991: 86].

О. Е. Пекелис утверждает, что в вопросительных сочетаниях типа *кто это* «*это* [не являющееся членом предложения. – А. Г.] получает статус местоимения в тех и только тех вопросительных контекстах, которым можно сопоставить утвердительные контексты с *это*-местоимением» [Пекелис 2019: 9]. В рассматриваемом контексте *это* не является квази-подлежащим, так как не имеет антецедента, входя в состав экспрессивного риторического вопроса; следовательно, в подобных употреблениях *это* функционирует как частица.

Конструкция «вопросительное местоимение + *же* + *это*» характерна для экспрессивно окрашенных контекстов:

(10) *Какоеж **это** щастие, о котором после с раскаянием надобно жалеть?* [НКРЯ: архиепископ Платон (Левшин). Нравоучение седьмое (1757)].

(11) *Римляне за деньги продають писменные дозволенія употреблять мясо и въ великой постъ. Слѣдовательно богатой человекъ тамъ все можетъ, а бѣдной съ голоду умираетъ. Какой же **это** законъ? гдѣ же справедливость?* [НКРЯ: Ф. А. Эмин. Путь ко спасенію или разныя набожныя размышленія, въ которыхъ заключается нужнѣйшія къ общему знанію часть Богословія (1766)].

(12) *Да кто же **это** им сказал, что вся медицина только и состоит из анатомии; сами придумали и тешатся; какая-то грубая материя...* [НКРЯ: А. И. Герцен. Кто виноват? (1841-1846)].

Характер семантики местоимения *это* обуславливает его функционирование в контекстах, в которых предполагается акцент на положительной или отрицательной характеристике объекта речи посредством повторного обращения к нему (как в примере (11), где *это* замещает предшествующее описание социальной обстановки). При этом такие контексты возможны без частицы *же*:

(13) *И та глаголаше, де, в сердце своем: устне Аннины, говорит похваля слово Божие, движастеся, а глас ея не слышашеся. Что **это** за вопль с молчанием? Что **это** за молитва с так чудною тихостию?* [НКРЯ: архиепископ Платон (Левшин). Слово в неделю четвертую Великаго Поста (1765)].

(14) – *Ну, брат, каким же ты чучелом выглядишь! Повернись-ка, пожалуйста... и еще... Вот эндак. Что **это**, мода у вас, что ли! Ни дать ни взять, куль, куда муку сыпают.* [НКРЯ: В. А. Соллогуб. Тарантас (1845)].

С середины XIX в. возрастает количество контекстов с сочетанием *это* и вопросительного местоимения (без дополнительных маркеров экспрессивности); при этом соотносительная связь местоимения становится менее обязательной, что свидетельствует о переходном этапе к партикулярной функции. Особенно иллюстративны контексты с вопросительным *куда*. В контекстах начала XIX в. *куда* и *это*, как правило, имеют разную референциальную связь:

(15) *Вспомнишь ли, как тебе тогда многие наша братья старики завидовали и удивлялись твоей памяти, когда наизусть читывал ты многих*

святых жития, разные акафисты, каноны, молитвы и проч. <...> Куда **это** все девалось! [НКРЯ: Н. И. Новиков. Полемика с Екатериной II (1769)].

(16) *Вѣчно глядѣть изъ подлѡбья, не говорить ни съ кѣмъ ни слова, бѣгать отъ людей какъ отъ чумы – куда **это** годится!* [НКРЯ: А. С. Никольский. Основанія Россійской Словесности (1807)].

В контекстах с середины XIX в. и по настоящее время *это* употребляется безотносительно к функции замещения и образует устойчивое выражение *куда это*:

(17) *Волжинъ, въ какомъ-то порывѣ, всталъ, закурилъ наскоро сигару и пошелъ къ балкону. Куда **это** вы, Павелъ Николаичъ? спросила Маланья Аркадьевна.* [НКРЯ: М. Авдѣевъ. Ясные дни // «Современникъ», 1850].

(18) *Я не хотел мешать тебе, но только что увидел, как Осип быстро пробежал через сад. Куда **это** он отправился так поздно?* [НКРЯ: Н. Э. Гейнце. Дочь Великого Петра (1913)].

(19) *Сейчас мы промчимся рысью еще в одно местечко, а потом вернемся и спустимся к набережной. Куда **это** еще?!* [НКРЯ: Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)].

Во всех приведенных примерах *это* усиливает значение предшествующего *куда* и, вместе с тем, способствует изменению прагматической нагрузки вопроса (ср.: *куда вы / он, куда еще*), что соотносится с толкованием частицы *это* в лексикографических изданиях.

На протяжении XX века получают развитие контексты с противопоставлением, вербализованным или подразумеваемым в тексте, в котором *это* подчеркивает один из компонентов (обычно – существительное или местоимение, имеющее грамматическое свойство одушевленности):

(20) *Так как же следователь может врать арестанту? **Это** арестант врет следователю, а тот его ловит, уличает, к стенке прижимает. Вот как я думал.* [НКРЯ: Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)].

(21) *В конце концов, **это** он искал ее, а не она его.* [НКРЯ: С. Кулябин. Он и она // «Труд», 1989].

(22) *Вообще-то, это мужчины никогда не взрослеют, у них только меняется цена игрушек.* [НКРЯ: Форум: 12 часов в день? (2010-2011)].

В интернет-пространстве частица *это*, как и себе, редуцируется и фиксируется в сокращенной форме *эт*:

(23) *а куда эт ты в столь поздний час уйдешь?)* [НКРЯ: Полуночники (2010)].

(24) – *Спасибо, –жимаю протянутую руку. – Ну эт, внатуре, не держи зла. Учить – важное дело, все понимаю!* [НКРЯ: vk (04.08.2015)].

Любопытно отметить, что пример (24) иллюстрирует бóльшую десемантизацию по сравнению с ранее приведенными контекстами: форма *эт* усиливает не эксплицированное конкретными языковыми единицами значение просьбы или обращения.

Таким образом, формирование частицы *это* из местоименной формы иллюстрирует высокий потенциал преобразования заместительной семантики в усилительную посредством семы повтора. Интересно также отметить, что частотность и универсальность местоимения *это* обуславливают сохранение характерных местоименных значений параллельно с формированием частицы; в этом случае возможно говорить не о полной грамматикализации полнозначной формы, а о возникновении возможности партикулярного употребления при сохранении диахронной основы.

Этапы перехода местоимения *это* в частицу возможно представить следующим образом:

1) закрепление местоимения *это* в системе указательных местоимений на фоне исчезновения местоимения *се* с теми же значениями;

2) развитие возможности замещения придаточной части предложения на фоне конкуренции с указательным местоимением *то*, характерном для этой позиции;

3) формирование устойчивых сочетаний в позиции после вопросительных местоимений;

4) ослабление референциальной связи, свидетельствующее о переходе в усилительную частицу;

5) развитие выделительного значения частицы в контекстах с противопоставлением;

6) десемантизация, проявляющаяся в использовании частицы для усиления прагматического компонента, не выраженного эксплицитно, и сопровождающаяся фонетической редукцией.

3.4. Такой

Частица, рассматриваемая в данном параграфе, является довольно новым образованием – увеличение частотности ее употребления приходится на начало XXI в., а сфера распространения относится к разговорной речи и интернет-дискурсу.

В толковых словарях современного русского языка данная лексема описывается как местоимение (определятельное в первых двух значениях): «1. Употребляется как отвлеченное обозначение качества, свойства, называемого, указываемого в предшествующей или последующей речи или устанавливаемого из каких-л. обстоятельств, ситуации. <...> 2. При прилагательных и существительных, обозначающих свойство, состояние, оценку и т. п.; употребляется для выражения сильной степени называемого свойства, состояния или усиления оценки. <...> 3. В сочетании с местоимениями „кто“, „что“, „какой“ употребляется для подчеркивания и выделения их, внося значение: именно. <...> 4. Нечто, привлекающее внимание: значительное, необычное, страшное, смешное и т. п.» [МАС 1984: 334].

Похожим образом описана данная языковая единица и в историческом «Словаре русского языка XI–XVII вв.»: «I. Указ. 1. Указывает на признаки предмета и на сам предмет, названный в предшествующей или последующей речи или известный из иных обстоятельств. <...> 2. Указывает на предмет безотносительно к его признакам: этот. <...> 3. Указывает на тождество в каком-

л. отношении сопоставляемых предметов или признаков: такой же. <...>
 II. Определ. Указывает на высокую степень проявления свойства, признака или качества определяемого предмета» [Сл. XI–XVII 2011: 206–207].

В специализированном издании «Прагматические маркеры русской повседневной речи» *такой* описывается как указательный, усилительный, изобразительный, хезитативный маркер, маркер энантиосемии и ксенопоказатель. Подробно разные контексты употребления и свойства слова *такой* в несловарных значениях были рассмотрены в ряде исследований, см. например: [Костанди 2008], [Сурина 2017].

Наиболее близким к классу частиц является *такой* в функции маркера-ксенопоказателя, потому далее будет рассмотрено возникновение и функционирование именно этого значения.

К арсеналу частиц-ксенопоказателей в русском языке относятся, по мнению И. Б. Левонтиной, *мол, де, дескать*, история которых прослеживается с древнерусского периода, а также *якобы* и *грит*: «Поскольку говорящий при помощи ксенопоказателей отстраняется от позиции другого человека, прагматически такие слова притягивают разного рода оценки воспроизводимой речи, чаще отрицательные» [Левонтина 2020: 54]. Особенностью данного разряда частиц является передача чужой речи, а также, в некоторых случаях, воспроизведение речи собственной [Плунгян 2008: 4], [Падучева 2011: 15].

Материал корпуса «Социальные сети» и подкорпуса электронной коммуникации Основного корпуса в НКРЯ показывает, что на данном этапе развития языка возможно говорить о формировании нового ксенопоказателя:

(1) Мама *такая* говорит: «Что думаешь на такого красивого кота смотреть будут, конечно, его уже к рукам прибрали». [НКРЯ: Письмо девушки из Перми сестре в Москву (2001)].

(2) я зашла к лечащему врачу попросить, чтоб записал к эндокринологу, и вдруг у меня из головы вылетело это слово. и я *такая* говорю, "доктор, запишите меня к эээ... ээ... эээээээ... доктор, вы не представляете, я название врача забыла! " [НКРЯ: vk (29.01.2016)].

(3) *Он такой, она такая, я такая* (переизбыток этого, когда я что-то рассказываю 😊 самой от себя порой смешно в эти моменты) [НКРЯ: Ангелина Мельникова. Спорт (2022)].

(4) *И он такой: зачем вами управлять, если вы не нужны* [НКРЯ: Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (31.07.2022)].

Приведенные примеры иллюстрируют отличительную особенность формирующейся частицы – сохранение словоизменительной категории рода. Как было проиллюстрировано ранее при анализе частицы *глянь*, это свидетельствует о незавершившемся переходе полнозначной формы в частицу. Несмотря на переходный характер рассматриваемой лексемы, мы будем относить ее к частицам ввиду контекстуально обусловленного значения, функционирования в качестве дискурсивной единицы для организации текста при вводе цитаты и ввиду ее синтаксической несамостоятельности.

В отношении возникновения функции ксенопоказателя в [Богданова-Бегларян 2021: 391] со ссылкой на [Сурина 2017] выдвигается предположение о том, что ксенопоказатель *такой* «появился из конструкций типа *он такой говорит* путем ее сокращения» [Сурина 2017: 48]. Эта гипотеза представляется оправданной, учитывая значимую функцию эллипсиса в русском языке: «Эллипсис, будучи очень популярным приемом, используемым в разговорной речи, обусловлен ситуативностью и наличием невербальных средств непосредственного речевого общения (жесты)» [Рассошенко 2010: 113].

Обращает на себя внимание английский аналог исследуемой языковой единицы – сленговая конструкция <групп + *be like*>, получившая широкое распространение, так же, как и в русском языке, в начале XXI в.:

(5) английский:

а. *I was like, 'Oh, my God, not again,' remembered Kim.*

б. *Я думала: "О, Боже, не начинайте снова", – вспоминала Ким.*

[НКРЯ: Charles R. Cross. *Heavier Than Heaven* (2001) | Чарльз Кросс. Тяжелее Небес: Жизнь и смерть Курта Кобейна (А. Фасхутдинова, 2021)]

Кроме того, в русском разговорном языке распространены фразы с ксенопоказателем *типа*, несущим такую же семантическую и функциональную нагрузку, как русское *такой* и английское *like*:

(6) *Да вот и просит меня, **типа** "ты там по компьютеру посмотри, чего да как, может, и правда клюшку... или инсума..."* [НКРЯ: Форум: Какой из минивэнов взять? (2008.07)].

(7) *Я показал ему на готовом изделии — он наорал на меня **типа** "там пусть думают, а ты собирай"*. [НКРЯ: Наш космос 2 (2018-2021)].

При этом возникновение этой конструкции в английском языке, по-видимому, фиксируется еще в конце XX в., судя по работам 1980-х – 1990-х гг. (см. [Blyth, Recktenwald, Wang 1990], [Andersen 1998], [Tagliamonte, Hudson 1999] и др.)

В работе Т. Меган «It's like, 'What's Happening in the Evolution of like?: A Theory of Grammaticalization» (1991) рассматриваются этапы грамматикализации лексемы *like*: функция ксенопоказателя описывается как последний, наиболее близкий к современному, этап. Исследователь отмечает: «Проблема заключается в том, чтобы попытаться выяснить происхождение “цитатного типа”. Я предполагаю, что оно начинается со значения ‘как если бы’, где *like* функционирует как квазидополнитель. <...> Цель *like* в этих конструкциях состоит в том, чтобы сосредоточить внимание на выделенной информации, выраженной в цитате. Кроме того, *like* по-прежнему отражает старое значение ‘похожий на’, поскольку информация, содержащаяся в цитате, не является точной»³⁵ [Meehan 1991: 47–48].

Представляется, что приведенное выше описание функционирования ксенопоказателя в английском языке может быть приложено к материалу других языков: «Известно, что введение чужой речи, или квотатив, является типичным

³⁵ Оригинальная цитата: «The problem lies with trying to figure out the origination of the ‘quotative *like*’. I hypothesize that it begins with the sense of ‘as if’, where *like* functions as a quasi-complementizer <...>. One might say that the purpose of *like* in these constructions is to focus on the highlighted information expressed in the quote. In addition, *like* is still reflecting the old ‘similar to’ meaning since the information contained in the quote is not exact» [Meehan 1991: 47–48].

употреблением для ряда слов с компаративной или аппроксимативной функцией, а также для слов с указательной и дейктической функцией» [Лазарева 2020: 470]. В частности, лексема *такой* в русском языке (и *типа*, не рассматриваемая отдельно в данной работе), так как же *like* в английском, выражает уподобительное значение (Е. В. Падучева определяет это значение как «идентификация качественных характеристик» [Падучева 2010: 133]), а формирование конструкции <личное местоимение + *такой* + глагол (факультативно)>, по-видимому, обуславливается процессом развития экспрессивной изобразительной функции, в том числе при передаче неточных цитат в разговорной речи в значении, близком к 'вот так', 'таким образом' в прямом (не вводном) употреблении. Цитаты с подобной семантической нагрузкой в конструкции <*так говорить*>, как правило, сопровождаются определением, характеризующим способ речи (*наивно, бодренько, с сокрушением, тихо* и т.д.); при чем в корпусе такие употребления фиксируются в текстах, начиная с XIX в.:

(8) *А другие наивно так говорили*: «Уже, значит, нехорошо, если «Голос» высказывается против этих беспорядков». [НКРЯ: В. П. Мещерский. Мои воспоминания (1897)].

(9) *Она мне бодренько так говорит*: «Сердчишко-то у меня ничего, если бы не печень, вполне бы я еще могла лет пять пожить». [НКРЯ: М. Л. Халфина. Внуки (1970-1980)].

(10) После выступления критика поднялся из конференц-читательских рядов пожилой мужчина и принялся *так говорить*: Как мы знаем, товарищи, одной из главных задач нашей литературы является: отразить, запечатлеть время, в котором мы живем, нашу действительность. [НКРЯ: Б. А. Рощин. Встречи (1985)].

(11) *И вот мы этот паровоз катаем, а он заходит и тихо так говорит*: «Вон отсюда, немедленно». [НКРЯ: Василий Гулин. Очень железная дорога (1997) // «Столица», 10.06.1997].

(12) *И с сокрушением так говорит*: «Ну какая у него жизнь? [НКРЯ: В. М. Шапко. Бич // «Волга», 2011].

Экспансия изобразительных функций у местоимения *такой*, происходившая на протяжении XX в., как представляется, обусловила смешение функций лексем *так* и *такой* в препозиции к цитате; использование ксенопоказателя *такой* в разговорной речи позволяет говорящему продемонстрировать субъективно значимые характеристики чужой речи с помощью интонации, жестов и мимики, ввиду чего включение определений в высказывание оказывается избыточным, что подтверждается примерами из НКРЯ:

(13) *Сел к менеджеру, она мне тут же бумажку под нос, и такая говорит*: "Вот ознакомьтесь с нашими программами обучения" [НКРЯ: Автокурсы! Куда пойти учиться? (2004-2021)].

(14) *Я щас поговори́ла со все́ми свои́ми знако́мыми/ ии... мы́ т́ипа/ ну она́ та́кая говори́т/ ну во́т с ро́дственниками/ у нас же ро́дственники прие́хали/ и она́ та́кая/ «Не́т/ все́ про́тив/ что т́ипа рабо́тать в де́вятна́дцать ле́т/ — она́ говори́т/ — ещё ра́но/ ещё ничё не по́... не зна́ешь/* [НКРЯ: Разговор двух студенток на улице (2014)].

(15) *Там ребята бы́ли / я им говорю́ / т́ипа / подожди́те меня́ / а оні та́кие "ха-ха-ха / заче́м каблукі одева́ла?"* [НКРЯ: Разговор при выходе из дома, Москва (2005)].

В примере (13) изобразительность проявляется сопутствующим описанием действия (*тут же бумажку под нос*); в примере (15) – междометием, уточняющим характер высказывания с точки зрения эмоциональности (*ха-ха-ха*); примеры (14) и (15) содержат дополнительный маркер уподобления (*типа*) и речи (*говорит*).

Таким образом, развитие частицы-ксенопоказателя *такой* обусловлено приоритетом передачи экспрессивной составляющей чужой речи перед точностью ее содержания, а переход местоимения *такой* в частицу может быть обусловлен

экспансией идентификации качественных характеристик и функциональным смещением с *так* в той же функции.

Выводы по Главе 3

Именная лексика составляет наименее продуктивную группу основ для формирования частиц, причем значительная часть таких основ являются местоименными. Причиной высокого потенциала к переходности местоимений в частицы возможно определить универсальность их семантики – посессивной, дейктической и определительной. При этом отадъективная частица *лишь*, по сравнению с прономинальными образованиями, отличается множественностью межчастеречных переходов при сохранении ядерной семы количественности.

Среди грамматических процессов, сопровождающих переход именной лексики в частицы, выделяется изменение синтаксической валентности (особенно хорошо это иллюстрирует частица *себе*, развившаяся из формы дательного падежа при сочетании с глаголами, значение которых не предполагает управление этой формой) и ослабление референциальной и определительной связи в высказывании.

По времени происхождения эта группа частиц разнородна; при этом их частотность с момента возникновения не снижается – напротив, отыменные частицы получают развитие в современной речи, в частности, в виде закрепления фонетически редуцированных форм в интернет-коммуникации. Отметим, что в этой группе, в отличие от частиц глагольного и наречного происхождения, не фиксируются устаревающие частицы (ср. *бишь* и *добро*).

Глава 4. Развитие частиц из адвербиальных единиц

4.1. Добро

В толковых словарях современного русского языка лексема *добро* описывается в пределах трех словарных статей: под *добро*₁ фиксируется имя существительное со значениями «1. Все положительное, хорошее. <...> 2. Хорошее, добро дело. <...> 3. Разг. Имущество, вещи, пожитки» [МАС 1981: 409]. В словарной статье *добро*₂ описываются переходные частеречные образования: «1. безл. в знач. сказ. Разг. Хорошо. <...> 2. в знач. утвердительной частицы. Устар. и прост. Ладно, хорошо; так, пусть будет так. <...> 3. (в сочет. с частицей «бы») в знач. условного союза. Разг. Употребляется при противопоставлении и соответствует по значению словам: если бы еще, пусть бы» [МАС 1981: 409]. Более современное издание БАС фиксирует первое значение как наречие, а для частицы приводится, помимо указанного, значение «Употребляется для выражения угрозы» [БАС 2006: 154]. Омоним *добро*₃ истолковывается как «Устарелое название буквы “д”» [МАС 1981: 409].

Обращает на себя внимание стилистическая помета *устар.*, включенная в описание значения частицы в МАС, которая маркирует рассматриваемую языковую единицу как не входящую в актуальный пласт лексики; при этом в других лексикографических источниках такая помета не приводится (см., например, БАС, БТС). При сравнении частотности употребления в Панхроническом корпусе НКРЯ частицы *добро* с частицами *хорошо* и *ладно* (о них будет сказано в параграфах 4.2 и 4.3), функционально и семантически образующими одну группу, обнаруживается, что *добро* значительно уступает двум другим частицам по количеству употреблений на всех этапах развития языка, а в наиболее современных текстах – в Газетном корпусе и корпусе «Социальные сети» – частотность стремится к нулю, что является подтверждением отсутствия этой частицы в актуальном словарном запасе языка.

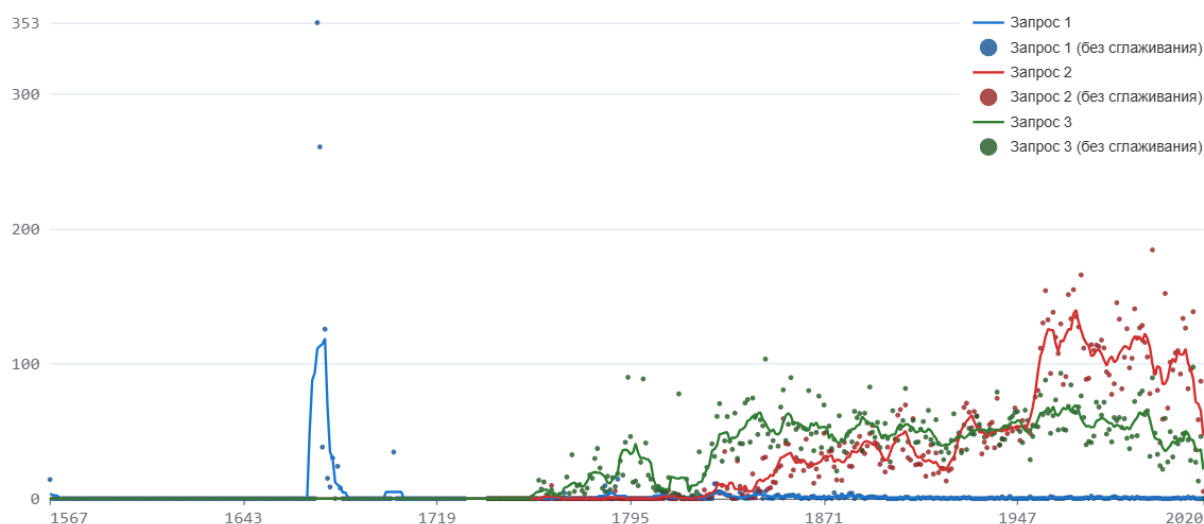

рис. 8. График частоты употребления частиц *добро* (запрос 1), *ладно* (запрос 2), *хорошо* (запрос 3)

В исторической лексикографии партикулярное значение обнаруживается, начиная с XVIII века: в «Словаре русского языка XVIII в.» структура описания омонимов *добро* совпадает с современными словарными изложениями; частица *добро* фиксируется при втором омониме со значением «Ладно, хорошо, пусть будет так» [Сл. XVIII 1991: 152]. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» отмечены только субстантивные и адverbиальное значения, не отличающиеся от современных (см. [Сл. XI–XVII 1977: 258]).

При определении происхождения частицы *добро* представляется целесообразным использование метода семантической реконструкции и обращение к этимологическим когнатам. В этимологических словарях отсутствует информация о формировании частицы *добро*; однако для анализа развития ее семантических характеристик полезно обратиться к этимологии вершины словообразовательного гнезда – прилагательного *добрый*: «Восходит к праслав. *dobrъ – из и.-е. dhabhro ‘подходящий, хороший’. Кратк. форма ср. р. ед. ч. *dobro – добро ‘добро’ прил. *dobrъ превратилась в имя сущ. добро ‘нечто (все) доброе’ – ‘то, что полезно’, ‘благо’» [Цыганенко 1989: 111]. О субстантивации формы прилагательного *добро* говорится также в [БУС 2022а: 257].

Для определения диахронной основы частицы *добро* и, следовательно, отнесения ее к группе отадвербиальных частиц, важно отметить, что представляется вероятным формирование наречия от основы прилагательного; при этом нет оснований предполагать, что именная форма является одним из этапов генезиса наречия. Известно, что в древнерусский период качественное наречие от основы *добр-* образуется формантами *-о* и *-ѣ*: «Обращает на себя внимание сравнительно редкое употребление в древнерусских памятниках наречий *добро* и *зѣло*. <...> Можно думать, что омонимия с именем существительным ограничивала употребление наречия. <...> Для периода XII–XIII вв. <...> предпочтение отдается формам на *-ѣ*. <...> В XV–XVII вв. характер взаимоотношений суффиксов *-о* и *-ѣ* меняется, первый чаще употребляется в целях стилизации, сопровождая, как правило, книжную торжественность слога. <...> В нейтральном стиле дольше других наречий на *-ѣ* остаются *добрѣ* и *зѣлѣ*» [Чурмаева 1989: 98].

Видимо, *добро* в функции вербализации согласия является более ранним образованием по сравнению с *ладно* и *хорошо*, о чем свидетельствует передача этих лексем в других славянских языках языковыми единицами, однокоренными с *добро*.

Соответствия для частицы *добро*:

(1) белорусский:

а. – *Добро*, – сказала комендантша, – так и быть, отправим Машу.

б. – *Добра*, – сказала камендантша, – так і быць, адправім Машу.

[НКРЯ: А. С. Пушкин. Капитанская дочка (1836) | А. С. Пушкін. Капітанская дачка (Кузьма Чорны, 1936)]

(2) болгарский:

а. – *До берегов Кореи миль сорок, не больше. – Добро. Сейчас поднимусь...*

б. – *До корейските брегове има около 40 мили, не повече. – Добре. Сега ще се кача.*

[НКРЯ: Валентин Пикуль. Крейсера (1985) | Валентин Пикул. Крайцерите (Юлия Пенева-Павлова, 1989)]

(3) сербский:

а. – *Добро*, – сказала комендантша, – так и быть, отправим Машу.

б. – *Добро*, рече капетаница, нек тако буде, послаћемо Машу.

[НКРЯ: А. С. Пушкин. Капитанская дочка (1836) | Александр Пушкин. Каретанова kći|Капетанова кћи (Božidar Kovačević|Миле Младеновић, 1959)]

Соответствия для частицы *ладно*:

(4) белорусский:

а. – *Паспрабуй разгадаць*, – сумна ўсміхнуўся Максім. – *Добра*.
Паспрабую.

б. – *Попытайся разгадаць*, – грустно усмехнуўся Максим. – *Ладно*.
Попытаюсь.

[НКРЯ: Иван Шамякин. Атланты і карыятыды (1970-1974) | Иван Шамякин. Атланты и кариатиды (А. Островский, 1975)]

(5) болгарский:

а. – *Ладно*... Я знаю нашего хозяина, он поступил бы так же.

б. – *Добре*... Познавам нашия шеф, той би постъпил също така.

[НКРЯ: Борис Полевой. Повесть о настоящем человеке (1946) | Борис Полевой. Повест за истинския човек (Кирила Георгиева, 1980)]

(6) сербский:

а. – *Добро*, није тај за кога сам погрешно – рецимо "погрешно" – мислио да јесте, *добро*, али јесте други за кога и не слутиш да је.

б. – *Хорошо*, насчет блондина я ошибся, скажем, напрасно принял его за шпиона, *ладно*, пусть так, но кто-то за нами шпионит, а мы не догадываемся!

[НКРЯ: Ivo Andrić. Prokleta avlija (1954) | Иво Андрич. Проклятый двор (Т. Попова, 1956)]

Соответствия для частицы *хорошо*:

(7) белорусский:

а. – *Але ж есці хочацца, есці!* – Ну, *добра*, з'ямо твой сухарык.

б. *Но есть-то хочется!.. – оправдывался он. – Ну хорошо, съедим твой сухарь.*

[НКРЯ: Микола Гамолка. Лясная крэпасць (1980) | Николай Гомолко. Лесная крепость (М. Долотцева, 1982)]

(8) болгарский:

а. *Казвате, че сте приказвали 5 минути на спирката. Е, добре.*

б. *На остановке, как вы утверждаете, разговор продолжался пять минут. Ну, хорошо.*

[НКРЯ: Андрей Гуляшки. История с кучета (1984) | Андрей Гуляшки. История с собаками (С. Драгомирецкий, 1984)]

(9) сербский:

а. – *Добро*, назовимо то биготизмом, али то је реч која ништа не објашњава.

б. – *Хорошо*, назовем это ханжеством, но ведь это слово ничего не объясняет.

[НКРЯ: Ivo Andrić. Travnička hronika (1942) | Иво Андрич. Травницкая хроника (М. Волконский, 1956)]

Несмотря на то, что словарная фиксация соотносит возникновение *добро*-частицы с XVIII веком, в корпусе находятся примеры на употребление в значении согласия уже в текстах XVI–XVII веков (в том числе в форме *добре*, по-видимому, являющейся орфографическим вариантом *добрѣ*):

(10) *Архимандрит же Ефрем нача говорити владыке, чтобы в среду еще причастился Животворящихъ Христовыхъ Таинъ. И владыка рече: «Добро».*

[НКРЯ: Вассиан Кошка. Рассказ Вассиана Кошки о последних днях и преставлении тверского епископа Акакия (1567)].

(11) *Она же рече: „Добре, иди в покои и бей челомъ отцу моему”.* [НКРЯ: Повесть о семи мудрецах (начало XVII в.)].

(12) *И я тебѣ г(о)с(у)д(а)рю про то сказывал, и ты, г(о)с(у)д(а)рь, сказал: возмет де – добро, а не возмет, как хочет.* [НКРЯ: Грамотка приказчика Р. Беляева и старост П. Романова и Д. Власова из д. Тельчья (1674.03.21)].

Как видно, рассматриваемая частица в этот период употребляется в репликах диалогического характера при выражении согласия с чем-либо. В более ранних примерах (с начала XVI в.) в такой же позиции употребляются сочетания адъективного характера:

(13) *Жена же мужа своего глаголь в сердци си твердо приимиши, умысли во умъ своем: "Добро тако быти".* [НКРЯ: Ермолай-Еразм. Повесть о Петре и Февронии Муромских (1550–1570)].

(14) *Святый же Сергий отвѣща: «Добро дѣло и въ лѣноту, еже хоцещи сотворити.* [НКРЯ: Степенная книга («Книга Степенная царского родословия»). 11-я степень. Иван II Иванович Красный (1560–1563)].

(15) *И Юрьи с товарищи молвили: «То добро так».* [НКРЯ: Статейный список И. М. Воронцова (Швеция) (1567–1569)].

Пример (15) вербализует семантику согласия, при том, что *добро* явно соотносится со словом *так*; при этом в примере (10), где прямая речь также вводится глаголом говорения, синтаксически связанные единицы отсутствуют. Возможно предположить, что развертывание семантики одобрения и согласия могло быть обусловлено развитием и увеличением частотности неполных предложений в этот период.

В контекстах XVII–XVIII вв. *добро* употребляется в сочетании с другими частицами:

(16) *И Миките Ивановичю бил челом, чтоб он поговорил Григор(ь)ю Степановичю, и он сказал: добро де.* [НКРЯ: Грамотка приказчика А. Никитина в с. Спасское (1680.09.01–1680.09.04)].

(17) *И Степан Богданович сказал: добро де, государь Андреи Ильич бол(ь)ши тово ждал, а да тебя де, государь, мошно подаждать.* [НКРЯ: Грамотка приказчика М. Антипьева в с. Спасское (1681.11.23)].

(18) *[Молодка рече:] Бери, что хоцешь в домъ, в твоей то волъ, только бѣги вскорѣ. [Гаер рече:] Добро-ста; спасибо, прощай.* [Картотека XVIII: Интерм. 493].

Как видно из приведенных здесь и ранее примеров, вербализация согласия реализовалась в двусторонней коммуникации, в том числе при передаче чужой речи.

В XVIII в. формируются также два значения, не зафиксированные в исторической лексикографии и академических современных словарях, но остающиеся актуальными до нынешнего времени: значение угрозы (примечательно, что оно фиксируется в «Словаре русских частиц» [Шимчук, Щур 1999: 82, 135] для частиц *ладно* и *хорошо*, но в словарной статье *добро* отсутствует) и предела, близкое к ‘хватит’:

(19) *И по наказании, оный Поляков .. грозил слесарю Семену Коровину при всей своей братьѣ, что де «добро Семен Коровяков».* [Картотека XVIII: МАН III 204]³⁶.

(20) [Тимант:] *Добро, мерзавец, я научу тебя, как с нами шутить!* [Картотека XVIII: Ппв Немой 129].

(21) [Г. Староселова:] *Добро, не плачь; я тебя прощаю.* [Картотека XVIII: Лук. Постоянство 126].

(22) *Добро! Не учи меня* [Картотека XVIII: Р. Ф., XLII, с. 196–197].

В контексте (19) угроза вербализуется дополнительно глаголом *грозил*, а в (20) – прагматической нагрузкой высказывания в целом.

Примеры (21) и (22) иллюстрируют гибкость прагматической функции частицы: исключительно положительная коннотация диахронной основы контрастирует с негативным контекстом, меняя, таким образом, коннотацию на противоположную.

К середине XVIII в. частота употребления лексемы *добро* для выражения согласия значительно снижается; в противовес этому увеличивается количество контекстов, содержащих частицы *хорошо* и *ладно* (см. рис. 8).

³⁶ Материалы из картотеки «Словаря русского языка XVIII в.» приводятся в соответствии с записью в карточках; отдельного издания с пояснением условных обозначений источников для данного словаря на момент написания диссертации нет.

В современных контекстах изолированное употребление частицы *добро* функционирует как маркер сниженной сферы коммуникации (разговорной или просторечной) или в целях стилизации устаревшего текста:

(23) *Устройте лошадей и идите на поварню да в людскую избу. Добро, боярин, благодарствуем!* [НКРЯ: А. П. Чапыгин. Гулящие люди (1937)].

(24) *Так добро, мужики? – с суровым видом чернобородого лица спрашивал трактирщик, озирая в вечерних сумерках бородатых и безбородых, молодых и не очень, по-разному одетых сельчан.* [НКРЯ: Василь Быков. Камень (2002)].

В XIX–XX вв. основная масса примеров с формой *добро* в неоднозначном употреблении приходится на союзное сочетание *добро бы*:

(25) *Добро бы еще он был в чинах – четвертого или пятого класса: а то простой офицерик, нищий...* [НКРЯ: М. Н. Загоскин. Три жениха (1837)].

(26) *Добро бы ты был какой-нибудь мальчик ветреный, но ты человек умный, аккуратный, а главного не узнал!* [НКРЯ: А. Ф. Писемский. Масоны (1880)].

(27) *Я с ужасом думаю об этих пяти прошедших годах, за которые я ничего не сделала, только «боролась за существование» – добро бы за жизнь, а то именно за существование, за прозябание.* [НКРЯ: А. С. Эфрон. Письма Б. Л. Пастернаку (1948-1959)].

Эта конструкция описана в «Русском конструктиконе» – сочетание *добро бы* определяется следующим образом: «Говорящий считает, что объект мог бы его устроить, [если бы соответствовал некоторому стандарту], принятому для аналогичных объектов» [Русский конструктикон]. Это предположение представляется оправданным и иллюстрируется нашим материалом: в примерах (25)–(27) сочетание *добро бы* возможно интерпретировать как ‘говорящий был бы согласен с описываемыми обстоятельствами, если было бы так’.

В языке XXI в. уменьшается количество описанных выше употреблений; *добро* (вне стилизованных текстов) в качестве служебного слова функционирует как часть сочетания *добро пожаловать*, возникновение которого является

результатом десемантизации наречия *добро* и не иллюстрирует потенциал развития частицы.

Таким образом, возможно предположить, что формирование частицы *добро* обусловлено сближением мелиоративной семантики наречия *добро* с прагматической функцией согласия (частица *добро* в значении 'хорошо, ладно'), далее развившееся в значение превышения предела (частица *добро* в значении 'хватит', близкая к частице *полно*).

4.2. Ладно

В МАСе в отношении лексики *ладно* в качестве основных зафиксированы адвербиальные значения: «1. нареч. к ладный. <...> 2. нареч., разг. Вполне успешно, как полагается, как нужно» [МАС 1982: 160]. Частица представлена с пометой «в значении»: «5. разг. Употребляется для выражения подтверждения чего-л., согласия с чем-л., означает: хорошо, согласен, пусть так» [МАС 1982: 160], а значение предела, о котором шла речь в предыдущем параграфе, фиксируется следующим образом: «6. безл. в знач. сказ., прост. Хватит, достаточно, надо прекратить» [МАС 1982: 160].

В «Большом академическом словаре» словарная статья к лексеме *ладно* предваряется двумя частеречными пометами: *нареч.* и *частица*, а сами значения и их порядок довольно отличаются от представленных в МАСе: «1. Нареч. (по 1 знач. прил. ладный); дружно, согласно. <...> 2. Нареч. (по 2 знач. прил. ладный); стройно, согласованно. <...> 3. Нареч. Ловко, удобно и красиво прилегая, охватывая фигуру (об одежде). <...> 4. Нареч. Как следует, как нужно, как полагается. <...> 5. Частица утвердит. Употр. для подтверждения чего-л., согласия с чем-л.: хорошо, да, пусть будет так. <...> 6. В знач. предикатива. Хорошо. <...> 7. В знач. предикатива. Пусть будет так, ничего не поделаешь. <...> 8. В знач. предикатива. Хватит, достаточно, надо прекратить. <...> 9. В знач. предикатива. К счастью, удачно; хорошо еще. <...> 10. В знач. союза. Ладно бы. Употребляется для выражения вынужденного допущения, возможности

чего-л. при определенных обстоятельствах, условиях; пусть бы» [БАС 2007: 27–29]. В «Большом универсальном словаре русского языка» для частицы *ладно*, помимо значения согласия, выделено также следующее: «Употр. в конце обращённого к собеседнику вопроса, содержащего какую-л. просьбу, и выражает, во-первых, желание услышать ответ, а во-вторых, чтобы этот ответ был положительным» [БУС 2022а: 482], что свидетельствует о развитии прагматических функций частицы и будет проиллюстрировано далее примерами. Словари служебных слов характеризуют *ладно*, как частицу, вводящую комментарий, дополнительный вопрос, а также (для некоторых контекстов) – выражающую угрозу (см. [Шимчук, Щур 1999: 81–82]).

«Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского описывают *ладно* через синонимы: «одинаково, равно <...> согласно» [Срезневский 1902: 3–4]. Словарная статья в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» расширяет спектр значений также следующими: «2. В количестве, измеряемым четным числом. <...> 4. Благополучно, успешно. <...> 5. Безл. в знач. сказ. Хорошо» [Сл. XI–XVII 1981: 161]; в «Словаре русского языка XVIII в.» фиксируется, помимо наречных, употребление «в знач. частицы. Означает подтверждение чего-л., согласие с чем-л.: пусть будет так, ну что же, хорошо» [Сл. XVIII 2000: 106].

Несмотря на то, что в исторической лексикографии до XVII в. отмечены только адвербиальные и предикативные значения, контексты этого периода иллюстрируют наметившиеся предпосылки к переходу рассматриваемой языковой единицы в частицы:

(1) *Добро, чадо Сионе, не разлучил бы нас бог во грядущем, а ныне как мочно, так и ладно* [Картотека XI–XVII: Пис. Авв. К. А. Бол. 1668 г., л. 103–103 об.]³⁷.

³⁷ Расшифровки условных обозначений, используемых в картотеке и томах «Словаря русского языка XI–XVII вв.» приведены в специальном выпуске «Указатель источников» [Сл. XI–XVII: 1975в].

(2) *Вотъ солдатъ развязалъ мѣшокъ да и говоритъ: смерть, жива ли ты?» – «Ой, говоритъ смерть: едва не задохлась!» – «Ну, ладно, говоритъ солдатъ»* [Картотека XI–XVII: Причитанья с. к. II, 301. Сказка о Солдате и Смерти].

(3) *А што много говорить? Плюнуть на дѣйство-то и службу-ту ихъ, да и на книги-те ихъ новоизданныя, – так и ладно будетъ!* [Картотека XI–XVII: Авв. ж.].

В примере (1) и (3) конструкция *так и ладно* вербализует значение ‘то, что подходит’, но при наличии в контексте лексемы *добро* (пример (1)) и экспрессивности контекста (пример (3)) эта конструкция сближается со значением согласия (‘подходит’ = ‘пусть будет так’).

Обилие наречных значений отразилось на широкой контекстуальной валентности отадвербиальной частицы *ладно*. Контексты XVIII–XIX вв. иллюстрируют значения, не в полной мере соотносимые с согласием (в сравнении с частицами *добро* и *хорошо*):

(4) *Ну, ладно, перестань же, умница моя дорогая.* [НКРЯ: Д. И. Фонвизин. Недоросль (так называемый ранний «Недоросль») (1764)].

(5) *Не слыхал? ладно. А того беглого еретика царь приказал изловить и повесить.* [НКРЯ: А. С. Пушкин. Борис Годунов. Прозаические сцены (1824–1825)].

(6) – *Ладно!* будь по-твоему: стану приглядывать за моим стариком. [НКРЯ: О. М. Сомов. Оборотень (1829)].

(7) *Письмоводитель ткнул пальцем в лежащую перед ним бумагу и поднес ее к носу арестанта. Тот презрительно отвернулся, и огонек в его глазах вспыхнул сильнее. И ладно, коли написано, – произнес он спокойно.* [НКРЯ: В. Г. Короленко. Яшка (1880)].

Более ранний зафиксированный пример (4) дискурсивного употребления *ладно* представлен идеей прекращения какого-либо действия (=хватит), которую возможно обнаружить и в дальнейших контекстах (в значении прекращения обсуждения темы): в предложениях (5)–(7) *ладно* обозначает не просто согласие, а согласие по причине или с условием (например, в (5): ‘если ты не слыхал,

то и оставим эту тему’). Эта семантика представляется доминирующей и в языке XX–XXI вв.:

(8) *Ну ладно, ладно, заплатим хорошо, лишь бы дело было.* [НКРЯ: И. П. Рапгоф. Тайны японского двора. Роман из современной японской жизни (1904)].

(9) *Лишь бы он ничего не сделал глупого! Ладно уж, не буду никуда ходить. Было бы за что страдать ему и мне!* [НКРЯ: Н. С. Покровская. Дневник русской женщины (1930)].

(10) *Ладно, так и быть, отвезу вас на корабль.* [НКРЯ: Ангела Воробьева. Дорога к Крайнему Югу // «Знание — сила», 2020].

В примерах (9) и (10) сопутствующие компоненты *уж* и *так и быть* подчеркивают семантику уступительности, вербализующуюся частицей *добро*; в примере (8) это значение усиливается повтором частицы.

Статистические данные НКРЯ показывают, что контексты с повтором более характерны для частицы *ладно*, чем для *хорошо*; частица *добро* в таких же конструкциях ожидаемо малочастотна:

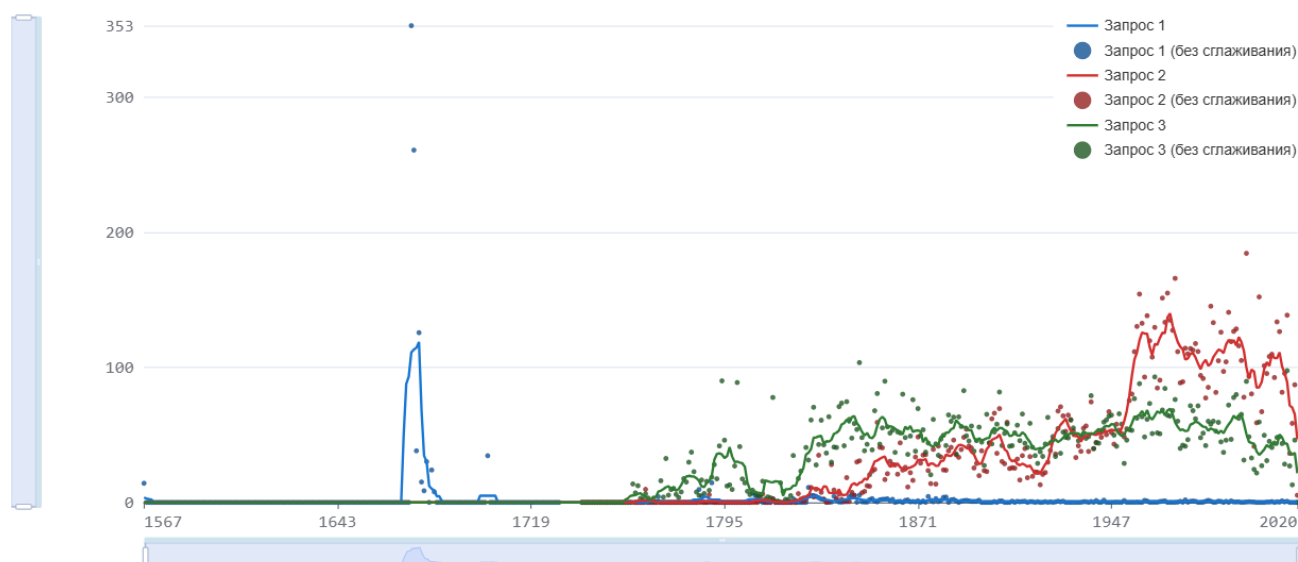

рис. 9. График частоты употребления частиц с повтором на расстоянии 1 в Панхроническом корпусе: *добро* (запрос 1), *ладно* (запрос 2), *хорошо* (запрос 3)

Увеличение количества контекстов с повтором частицы *ладно* и сочетаний с другими частицами свидетельствует о десемантизации и снижении уровня прагматической нагрузки частицы.

В «Словаре русских частиц» отмечено, что *ладно* может употребляться в значении угрозы при сочетании с частицей *же* [Шимчук, Щур 1999: 81–82]. Материал НКРЯ подтверждает эту дефиницию:

(11) *Рассердилась Сова. Ладно же, – говорит, – старый! Не стану по ночам к тебе на луг летать, мышей ловить, – сам лови.* [НКРЯ: В. В. Бианки. Лесные были и небылицы (1923-1958)].

(12) *Вот как! – сказал сторож. Ну, ладно же. Я ему покажу, кто здесь начальство.* [НКРЯ: Н. А. Тэффи. Игра (1910)].

При этом в сочетании с частицей *уж* значение трансформируется:

(13) *Матвей сердито посмотрел на него, но не мог сдержать улыбки. Ладно уж... Иди!* [НКРЯ: Г. М. Марков. Строговы. Кн. 2 (1936-1948)].

(14) *Ладно уж, скажи, а то заплачет, – говорит Юрка.* [НКРЯ: Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961].

(15) *Хоть и некрасиво все это получилось – ну ладно уж.* [НКРЯ: А. М. Володин. Старшая сестра (1966)].

Приведенные примеры иллюстрируют сему прекращения (беседы, угрозы, спора и т.д.), которая является доминантной в семантической структуре рассматриваемой частицы на всем периоде ее функционирования, в том числе в языке XXI века:

(16) *Так, глядишь, и вовсе с хвостами разделяетесь, – на долю секунды из-под очков седенького старичка блеснуло уважение, – ладно, давайте сюда зачётку.* [НКРЯ: Екатерина Турикова-Кемпел. Сказки о хвостах (2015)].

(17) *Ладно, проехали. Ты прав.* [НКРЯ: Александр Смирнов. Старая легенда // «Знание — сила», 2020].

В сфере интернет-коммуникации *ладно* редуцируется до форм *лан* и *лана*, в том числе в конструкциях с повтором:

(18) *Ну и лана* [НКРЯ: Чат для художников. telegram Чат для художников (13.10.2022)].

(19) *лан лан шучу* [НКРЯ: Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (30.08.2021)].

(20) *Лан, больше не буду* [НКРЯ: Чат для художников. telegram Чат для художников (09.10.2022)].

Таким образом, развитие частицы *ладно* возможно описать в виде следующих этапов:

1) формирование дискурсивной функции у наречия со значением соответствия;

2) увеличение количества контекстов, в которых *ладно* реализует сему прекращения;

3) формирование устойчивых сочетаний с другими частицами, а также с повтором собственно частицы *ладно*, сигнализирующее о десемантизации рассматриваемого слова.

4.3. Хорошо

В академических толковых словарях спектр частеречных помет для лексемы *хорошо* шире, чем для рассмотренных ранее *добро* и *ладно*: фиксируются адвербиальное, предикативные, партикульные, субстантивное значения и значение вводного слова: «1. Нареч. к хороший. <...> 2. безл. в знач. сказ. Об окружающей обстановке, доставляющей удовлетворение, наслаждение.<...> 3. безл. в знач. сказ., кому. О чувстве удовлетворения, удовольствия, радости и т. п., испытываемом кем-л. <...> 4. безл. в знач. сказ. с союзами „что“, „если“, „когда“. Очень удачно, кстати. <...> 5. в знач. вводн. сл. Разг. Допустим, положим. <...> 6. в знач. утвердительной частицы. Употребляется для выражения согласия с собеседником и означает: согласен, да, пусть будет так. <...> 7. в знач. частицы (обычно в сочетании с частицей „же“). Разг. Употребляется как выражение угрозы, предостережения в значении: ну, смотри; погоди же; запомни

же. <...> 8. в знач. сущ. хорошó» [МАС 1984: 621]; в [БУС 20226: 1358–1359] *хорошо* описывается в рамках тех же морфологических классов, но с более подробными толкованиями.

Для слова *хорошо* сравнение дефиниций в исторических словарях на данный момент не представляется возможным в силу того, что тома «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и «Словаря русского языка XVIII в.», содержащие эту словарную статью, еще не опубликованы. Однако если рассматривать словарную фиксацию в близком историческом периоде – в Словаре Академии Российской (хотя это и словарь другого типа), мы также обнаруживаем в качестве основного адвербиальное значение: «Нар. 1. Добро, изрядно, красиво, изящно. 2. Употребляется вместо наречия: да, так, я согласен» [САР 1794: 574]. Во втором значении не отмечена частеречная принадлежность: известно, что в лексикографической традиции до середины XIX века частицы объединялись с наречиями. Формулировка второго значения соотносится с традиционными толкованиями рассмотренных ранее частиц *добро* и *ладно* и относит *хорошо* к группе единиц, функционирующих для обозначения согласия уже в XVIII в.

Развитие частицы *хорошо* уверенно прослеживается с середины XVIII века:

(1) *Хорошо, сказалъ онъ, такъ я буду учиться лутче пѣть*. [НКРЯ: Размышленіе о прибыткахъ получаемыхъ нами отъ нашихъ непріятелей (перевод с нем.) // Праздное время въ пользу употребленное. 1759 Годъ съ Іюля мѣсяца, 1759].

(2) – *Хорошо, – сказали тогда котята, – ежели и мы будем в таких летах, как он, то, конечно, также надувшись ходить станем*. [НКРЯ: Д. И. Фонвизин. Кошка с котятами [перевод басни Л. Хольберга с немецкого] (1761-1765)].

(3) – *Хорошо, я напишу к жене, она попросит*. [НКРЯ: М. П. Загряжский. Записки (1770-1811)].

Более ранние контексты содержат классические наречные употребления, зафиксированные в словарях и актуальные на всей протяженности функционирования данной лексемы:

(4) *Азь же един отишед кромѣ братии, смотрях на море вод и видех судно к нам плывуще, бѣ же велми **хорошо**.* [НКРЯ: Досифей, соловецкий игумен, Спиридон, митрополит Киевский. Жития Зосимы и Савватия Соловецких (1500–1503)].

(5) *А в челобитной, государь, что от тебя прислана, **хорошо** б написат(ь) имянно, в котором в прошлом году, скол(ь)ко тому лет назад и написат(ь) бы де, что тому всему цена, на сто л(ь) или на двести или на триста рублей.* [НКРЯ: Грамотка приказчика А. Никитина в с. Спасское (1680.11.13)].

Возможно предположить, что в значении выражения согласия слово *хорошо* стало употребляться по аналогии с уходящим *добро*. В этой связи интересно наблюдение К. П. Костомаровой о том, что «В текстах XV–XVI вв. встречается много свидетельств употребления формы *лучше* как компаратива прилагательного *добрый*. <...> Практически одновременно с началом фиксации разговорниками и словарями пары *добрый* – *лучше* в письменных памятниках русского языка начинает активно употребляться прилагательное *хороший*, и возникает новая пара *хороший* – *лучше*» [Костомарова 2024: 101]. Замена формы в рамках компаративной пары свидетельствует, таким образом, о вытеснении парадигмы прилагательного *добрый* прилагательным *хороший* при вербализации значения положительной оценки, в том числе, как мы видим на примере частиц, и в ряду производных от этих основ единиц.

Интересно, что в отличие от *ладно* и *добро*, *хорошо* на протяжении долгого времени (с XVIII века и по сей день) сохраняет наречное значение, которое является основным; партикулярное значение согласия также не претерпевает изменений. К. П. Костомарова отмечает: «За счет постоянной экспансии, у этого слова [прилагательного *хороший*. – А. Г.] нет ни одного устаревшего или вышедшего из употребления значения» [Костомарова 2024: 105]. Представляется, что этот тезис применим и к отадъективным дериватам с основой *хорош*-.

Если в сравнении с частицей *добро* оказывается, что *хорошо* является ее более новой заменой, то корреляция с частицей *ладно* возможна в аспекте не хронологических рамок (частица *добро* фиксируется в текстах с XVI в., а *ладно*

и *хорошо* – с XVIII в.), а рамок градационных: *ладно* выражает меньшую степень согласия, чем *хорошо*.

Так же, как для частиц *добро* и *ладно*, для *хорошо* в «Словаре русских частиц» фиксируется значение угрозы при сочетании с частицами *ну* и *же* [Шимчук, Щур 1999: 135]. Материалы НКРЯ иллюстрируют такие употребления, хотя и в небольшом количестве:

(6) *Хорошо же, ты будешь виновата: я буду желать, чтоб ты меня полюбила все сильнее и сильнее, и из скверного человека превращусь просто в злодея!* [НКРЯ: Н. А. Некрасов, А. Я. Панаева. Три страны света (1849)].

(7) *Они связали моряков канатами и утащили в лес. Хорошо же! – вскричал Дюмон Дюрвиль. За это предательство мне ответят ваши вожди! – и поднялся на палубу.* [НКРЯ: Н. К. Чуковский. Водители фрегатов (1927-1941)].

(8) *Служанка наполнила опять все кружки, и Франк залпом выпил свою, держа ее трясущейся от гнева рукой. Ну хорошо, – заявил он, посасывая усы. В таком случае я сам отправлюсь к Футрозу.* [НКРЯ: А. С. Грин. Дорога никуда (1929)].

Важно отметить, что сочетание *ну хорошо* употребляется с формами будущего времени, образующих контекст с различной семантикой (не только угрозы):

(9) — *Ну хорошо: я сделаю, но только, чтоб отделаться от дурака.* [НКРЯ: О. И. Сенковский. Похождения одной ревизжской души (1834)].

(10) *Ну, хорошо... все исполню; будьте покойны.* [НКРЯ: И. С. Тургенев. Где тонко, там и рвется (1851)].

Поэтому представляется, что выделение значения угрозы для *хорошо* в сочетании с *ну* искусственно: негативное намерение выражается всем контекстом, а не конкретной частицей; возможно предположить, что более релевантное описание для этого типа употребления – ‘обещание исполнить что-л.’.

Частица *хорошо* также проявляет значение, близкое к *хватит*, хотя и значительно более редко, чем *добро* и *ладно*:

(11) — Ну, *хорошо*, старина, полно, — проговорил он, — можешь пойти наградить себя. [НКРЯ: И. С. Тургенев. Мой сосед Радилов (1847)].

(12) *Хорошо, хорошо, гражданин, хватит вам болтать, идите садитесь, не задерживайте посадку.* [НКРЯ: Леонид Ленч. Оказывается, существует // «Огонек». № 10, 1970].

В современном языке встречается сленговая единица *хорош*, развитие которой представляется закономерным от *хорошо* в предельном значении:

(13) *Наломали с Виталием по парочке вёдер, ну и **хорош** для первого раза, разминочка получилась прекрасная.* [НКРЯ: За грибами (2022)].

(14) *да **хорош** издеваться. это уже третий телефон который я на рыбалке утопил* [НКРЯ: Нужна помощь! (2022)].

Таким образом, формирование частицы *хорошо* обусловлено процессами смены парадигм прилагательных *хороший* и *добрый*, в результате которых единицы с основой *хорош*- стали основными выразителями положительного значения. Функционирование частицы с момента ее возникновения и до настоящего времени стабильно; отдельные изменения связаны с формированием групп частиц (*ну хорошо, хорошо же*), а в интернет-коммуникации – с характерной для этой языковой среды стремлению к краткости, в результате чего оформилась фонетически редуцированная частица *хорош* (в значении ‘хватит’, в целом нехарактерном для основной частицы *хорошо*).

В целом, представляется, что для всех трех рассмотренных единиц выражения согласия цепочка преобразований выглядит так: от наречия, определяющего отношение к какой-либо ситуации (ввиду внутренней формы слова – положительное отношение), к частице с прагматической функцией согласия и намерения (причем как положительного – обещания исполнить просьбу и т. д., так и отрицательного – угрозы), а также превышения предела (в развитии значения, близкому к ‘хватит’, ‘довольно’).

4.4. Чисто

Языковая единица *чисто* не фиксируется в современных толковых словарях в качестве частицы. В [БТС 2008: 1478] и [МАС 1984: 680] это слово в одном из значений зафиксировано как стилистически окрашенный союз ‘как будто, словно’, ‘совсем как’ (с пометами *просторечное, народно-разговорное*). Исходное наречие *чисто* определяется в словарях в прямом значении как ‘отсутствие грязи’; в качестве неосновных приводятся значения, близкие к партикулярным: ‘исключительно, только’ [МАС 1984: 680]; однако в зоне иллюстрации для такого значения размещены примеры, содержащие в значительной степени десемантизированную единицу: «*Чисто с целью показаться в каком-нибудь обществе Калинович переоделся на скорую руку и пошел в трактир Печкина. Писемский, Тысяча душ*» [МАС 1984: 680]; «*Работал чисто с целью выбратсья из глуши*» [БТС 2008: 1478].

Для современного разговорного языка (и в особенности языка интернет-коммуникации) актуальна партикулярная функция рассматриваемой единицы, ср. контексты из корпуса «Социальные сети» НКРЯ:

(1) *Я об этом тоже думал, но философия другая **чисто*** [НКРЯ: Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (14.09.2022)].

(2) *4 часа экрана **чисто*** [НКРЯ: Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (19.09.2022)].

(3) *Стоит ли это читать тем, кто не смотрел сериал? Нет, эта книга **чисто** для "своих". Если вам захочется узнать как снимали сериал и чем он запомнился людям, то проще почитать или посмотреть обзоры, эта книга скорее для тех, кому сериала и фильмов показалось мало.* [НКРЯ: Адептус Мишанякус. Мысли автора (21.06.2023)].

(4) *Откопали **чисто** тамбовское словечко! Спорим, вы вряд ли такое слышали?* [НКРЯ: Тамбовский трутень. Канал для жителей Тамбовской области (04.01.2023)]

О функционировании частицы в приведенных примерах свидетельствует ее незакрепленная позиция; интересно при этом, что слово, значение которого она конкретизирует, может располагаться дистантно (как в примере (2) – усиливается компонент длительности *4 часа*, а не способ восприятия информации – *экран*).

Наиболее продуктивным является употребление этой частицы в выделительной функции, как в приведенных выше примерах; но в некоторых контекстах она может быть отнесена к группе языковых единиц с семантикой упрощения (синонимично *просто*³⁸):

(5) *ладно я буду наблюдать чисто* [НКРЯ: Чат для художников. telegram Чат для художников (10.09.2022)].

(6) *Выпуск понравился, чисто для разнообразия взглядов посмотреть – самое то.* [НКРЯ: fedor_artefakt Channel. мысли автора (17.01.2023)].

В работе Т. С. Сулимовой выделяется также функция хезитатива для единицы *чисто*: «*чисто* становится вербальным хезитативом и приобретает совершенно иную прагматическую функцию, а именно функцию поиска. Примечательно, что в качестве поискового маркера единица *чисто* выступает только в окружении других хезитативов, иными словами, в составе хезитационной цепочки (*чисто такое, это самое*; эта такая *чисто* вот; *как-то чисто / как/ вот*)» [Сулимова 2019: 453]. Представляется, однако, что *чисто* в таком ряду не выступает собственно маркером поиска, а соотносится с невыраженным денотатом, поиск которого и обозначается сопутствующими хезитативами (ср. пример из цитируемой статьи: «– (э-э) всё остальное / *это такая чисто вот* / уже для более крупных (э-э) магазинов (ОРД)» [Сулимова 2019: 453]).

Употребление частицы *чисто* не ограничено новейшей эпохой: в произведениях середины XX века встречаются примеры со значением ограничительности ‘только’, ‘именно’:

³⁸ О частице *просто* и ее семантике см. работу [Борисова 2022].

(7) Эти рассуждения – в те времена – имели для меня **чисто** отвлеченный интерес. [НКРЯ: Гайто Газданов. Эвелина и ее друзья (1968)].

(8) И всё сам делай, переписывай, исправляй, так что выдача денег в конце имеет **чисто** формальное значение, потому что всё давно уже оплачено помощникам, вымучено, роздано. [НКРЯ: В. В. Бибихин. Алексей Федорович Лосев. Записи (1970-1974)].

Таким образом, хотя частица *чисто* еще не фиксируется в словарях и стилистически относится скорее к сфере разговорности и просторечия, представляется, что ее развитие прошло несколько этапов: от наречия со значением ‘отсутствие грязи’ к сравнительному союзу ‘словно’ и частице со значением ‘просто’, которое получило развитие в ограничительном употреблении, синонимичном частицам *только* и *именно*.

4.5. Именно

В толковых словарях частица *именно* имеет следующие значения: «1. Употребляется для подчеркивания какого-л. члена предложения, для указания на него; означает: как раз. <...> 2. (часто в сочетании с „вот“). Разг. Употребляется как утвердительное слово со значением: да, действительно, так. <...> 3. в знач. союза. Употребляется при присоединении предложения или отдельных членов предложения, разъясняющих, уточняющих высказанную мысль» [МАС 1981: 661]; те же значения приведены в [БАС 2007: 221–222].

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» у *именно* отмечены значения: «I. Нареч. 1. Поименно, по именам. <...> 2. Лично. <...> 3. Именно (имея в виду определенный предмет. <...> II. Частица. именно» [Сл. XI–XVII 1979: 228]; при этом зафиксирована также лексема *имянно* [Сл. XI–XVII 1979: 233] с тем же набором сем.

Развитие выделительного значения частицы из конкретно-объектной семантики наречия прозрачно прослеживается в контекстах из НКРЯ. В период до начала XVIII века *именно* употреблялось в типичной для наречия функции

обстоятельства при глагольном подчинении, обычно в контексте, предполагающем перечисление:

(1) *Да все то смѣтити и згадати самому: и сколько чево здѣлано, и колко чево разошлось, и кому что отдано, – и все бы то умѣли сказать именно; иново вечера кѣлючника, иново вѣчера хлебника, иново вечера пивовара и конюха смотрити и смѣтити во всѣмъ, а кѣлючнику туто же быти.* [НКРЯ: Домострой (1500–1560)].

(2) *А отца де нашего блаженные памяти великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси в жаловальной грамоте те вотчины именно не написаны, а писаны де монастырские вотчины в отца нашего грамоте, монастырские села и деревни именно по городом, а те даные вотчины по душам, и что они сами покупали в монастырь, в отца нашего грамоте именно не написаны.* [НКРЯ: Жалованная подтвердительная грамота ц. Дмитрия Ивановича арх. Рожд. монастыря Исаяе на монастырские вотчины во Владимирском, Московском, Суздальском и Стародубском уу (1606.01.03)].

(3) *11 книгъ миней мѣсячныхъ, и въ томъ числѣ по двѣ книги, Сентябрь да Октябрь, Августа нѣтъ; а которого году писаны, того именно не написано.* [НКРЯ: Опись Московского Успенского собора, составленная в 1701 г (1701)].

В начале XVIII века типичными становятся контексты с сочетанием *а именно*; меняется структура высказываний – *именно* становится не распространителем значения, а предваряет дополнительную информацию:

(4) *Шаудбейнахт (Эренишльд), спустя флаг, скочил в шлюпку с своими гранодеры, и хотел уйтить, но от наших пойман, а именно Ингермоландского полку капитана Бакеева с гранодеры.* [НКРЯ: Реляция о случившейся морской баталии между российской авангардией и шведскою эскадрою (1714)].

(5) *На всяк день 2 часа определить на гулянье Семинаристам, а именно: по обеде и по вечера, и тогда б невольню никому учитися, и ниже книжки в руках иметь.* [НКРЯ: Петр I. Регламент или устав духовной коллегии (1721)].

(6) *Которые припасы на заводе можно продавать, оные продавать так, чтобы государю была прибыль, а именно: железо кованое под большим молотом*

на заводах по 40 коп., колотушечное и прочее передельное продавать, положиа железо по той же цене, к тому угар, уголь, работу и по гривне на рубль государю. [НКРЯ: В. Н. Татищев. Наказ комиссару екатеринбургских заводов Федору Неклюдову (1723)].

Примеры (4) и (5) иллюстрируют гибридность этого этапа грамматикализации: первичное значение ‘поименно’ реализуется контекстуально, а конструкция предложения обуславливает интонационное и смысловое выделение постпозитивно расположенных элементов перечисления.

С конца XVIII в. *именно* используется в функции выделительной частицы (хотя наречные употребления продолжают оставаться активными), что можно считать завершением грамматикализации данной частицы:

(6) *Кто именно, по какимъ причинамъ, и на долго ли остановлень будетъ на заставъ Вашей въ карантенъ, объ оныхъ присылать въ Предохранительную Коммиссію еженедѣльные рапорты* [НКРЯ: Наставленіе изъ Коммиссіи для предохраненія и врачеванія отъ моровой заразной язвы Лейбгвардіи Измайловскаго полку Господину Капитану Поливину (1772)].

(7) *Знаете ли, что Языков навел на меня грусть? Да, грусть именно! Можно ли с таким языком, с такими формами стиха соединять такую бессмыслицу, такую пошлость содержания!* [НКРЯ: Н. А. Полевой. Письма (1824-1845)].

(8) *Во вторую свою встречу с Чеховым я очень остро почувствовал именно этот социальный интерес писателя, и притом не отвлеченный, головной, а напротив – живой, исполненный настоящего человеческого тепла.* [НКРЯ: И. А. Новиков. Две встречи (1904-1929)].

Итак, переход наречия *именно* в частицу произошел ввиду изменения первичного значения от поименного перечисления к выделению конкретного объекта (в том числе из имплицитно подразумеваемого перечисления формата ‘это, а не другое’, как в примере (8)).

Выводы по Главе 4

Группа отадвербиальных частиц³⁹ является наиболее однородной среди рассмотренных. Это проявляется в сближении значения частиц и их функции в высказывании: для всех представленных единиц характерна (но не обязательна) препозиция по отношению к слову или высказыванию, к которому они примыкают.

Семантическое развитие полнзначных единиц при переходе в частицу характеризуется дроблением семантической структуры диахронной основы и обобщением ее ядерной семы. При этом в отличие от частиц, рассмотренных в предыдущих главах, для отадвербиальных образований характерна бóльшая степень семантической соотнесенности основы с производной частицей, поэтому, как правило, ее этимология прозрачна; это может быть детерминировано особым взаимодействием наречий и частиц в системе языка, описанным ранее в параграфе 1.6.4.

В отличие от двух других групп полнзначной лексики наречия имеют менее разветвленную грамматическую структуру, поэтому развитие частиц иллюстрируется утратой степени сравнения, а также способности выступать в зависимой позиции в предложении.

³⁹ Отметим, что в данной главе были рассмотрены случаи перехода в частицы только наречий на -о: этот класс наречий является наиболее многочисленным, а потому и наиболее продуктивным для образования отадвербиальных частиц (помимо рассмотренных, разные лексикографические источники к ним также относят *безусловно, вероятно, единственно, естественно* и другие; на наш взгляд, они находятся на начальном этапе грамматикализации, а потому не были рассмотрены в рамках данной работы).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной диссертационной работе представлены результаты исследования семантических и грамматических процессов, послуживших основой для перехода полнозначной лексики в частицы. Были проанализированы 18 случаев такого перехода, которые, для более точного описания закономерностей и тенденций, распределены по трем группам в зависимости от частеречной принадлежности диахронной основы – развитие частиц из единиц глагольной лексики (*бишь, вишь, ишь, глядь, глянь, гля, ля*), именной (*лишь, себе, это, такой*) и адвербиальной (*добро, ладно, хорошо, чисто, именно*); при этом каждая группа включает единицы, переходные явления в которых произошли на разных исторических этапах – от древне- и старорусского до языка текущего момента. Кроме того, были структурированы теоретические сведения о частицах, необходимые в рамках данной темы.

Таким образом, диссертационная работа включает анализ разнообразного материала, который тезисно возможно представить следующим образом.

1. Определены теоретические основы диссертационной работы: во-первых, для определения динамики исследовательского интереса к частицам были проанализированы работы лингвистов предшествующих эпох – труды М. В. Ломоносова, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, А. М. Пешковского, В. Н. Сидорова, Г. О. Винокура, А. А. Шахматова, В. В. Виноградова и других; во-вторых, особое внимание уделено современным научным исследованиям, фокус внимания которых направлен на выявление категориального, лексического и грамматического значения частиц (работы Е. А. Стародумовой, М. Г. Щур, Анны А. Зализняк, И. Б. Левонтиной, В. А. Плунгяна и многих других). В этой связи отдельно был рассмотрен вопрос о соотношении теорий грамматикализации, лексикализации и прагматикализации в свете проблемы перехода в частицы других частей речи. Было определено, что грамматикализация является универсальным механизмом такого перехода, однако применительно к русским частицам должно использоваться широкое понимание этого термина,

включающее случаи формирования служебной языковой единицы из полнозначной лексики при неполной утрате лексического значения, так как частицы в русском языке по большей части не являются исключительно грамматическими формантами. Далее были приведены необходимые в рамках данного исследования сведения о способах изучения семантических преобразований на диахронном и синхронном уровнях.

2. Был дан обзор научной литературы о функциях частиц, критериях дифференциации частиц и других частей речи, описаны лексикографические проблемы фиксации частиц. Таким образом, в работе подробно представлена система частиц и исследовательские мнения о принципах изучения этой части речи.

3. В результате анализа дискуссионных вопросов исследования частиц, обозначенных в научной литературе, была сформулирована методология исследования перехода полнозначных слов в частицы в системном описании, предполагающая их изучение в синхронно-диахронном аспекте и включающая три этапа: этап сплошной выборки частиц из лексикографических изданий; этап анализа иллюстративного материала; этап описания полученных наблюдений. Дано обоснование использования в качестве материала исследования словарных и корпусных данных.

4. Проведена сплошная выборка частиц и сравнение данных, приведенных в словарях, иллюстративный материал которых включает данные разных периодов развития языка – с XI в. по XXI в.

5. Определены и проанализированы в динамике примеры употребления частиц и их диахронных основ с учетом семантических (сопоставление семантической структуры диахронной основы и частицы, определение общей смысловой нагрузки контекста и влияния на нее частицы) и грамматических (морфологических – анализ развития парадигм словоизменения, утраты классифицирующих частеречных признаков; синтаксических – сопоставление синтаксической валентности и сочетаемости диахронной основы и производной частицы) характеристик. В ряде случаев при необходимости приведен также

анализ этимологии частицы в сопоставлении с данными словарей, необходимый для корректного исследования ее развития из полнозначной лексемы.

6. Дано системное описание семантических и грамматических особенностей случаев перехода полнозначной лексики в частицы с учетом частеречной принадлежности диахронной основы и определены условия такого перехода. Так, в Главе 2 показано, что развитие частиц из глаголов сопровождается процессами перестройки системы глагольных времен и форм наклонения и утратой способности к управлению на фоне изменений в семантической структуре слова. В Главе 3 описаны случаи перехода именной лексики в частицы, условиями для которой стали изменение сочетаемости языковой единицы и утрата способности к полнозначной номинации характеристики объекта речи или указания на него на фоне десемантизации. В Главе 4 представлены результаты анализа развития отадъективных частиц, наиболее заметные изменения при котором происходят на уровне семантики в виде упрощения значения и развития дискурсивных функций (организация диалогической речи, выделение отдельного компонента высказывания), а на грамматическом уровне, прежде всего, в виде изменения сочетаемости в предложении. Полученные данные интерпретированы и обобщены в выводах по главам.

Полученные результаты подтверждают достижение поставленной цели и решение исследовательских задач. Представляется, что тема, предложенная в данном диссертационном исследовании, является одним из первых шагов в системном описании истории частиц как части речи и в перспективе может быть продолжена, в частности, в сопоставлении развития частиц с другими неполнозначными классами слов.

Список сокращений и условных обозначений

В тексте диссертации используются сокращенные обозначения источников материала исследования. При использовании таких обозначений в библиографических ссылках сокращенное обозначение приводится также перед конкретным пунктом списка использованной литературы.

АТoS – «Академический толковый словарь русского языка»

БАС – «Большой академический словарь русского языка» (последнее издание)

БТС – «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова

БУС – «Большой универсальный словарь» под ред. В. В. Морковкина

ДСРЯ – «Путеводитель по дискурсивным словам русского языка»

Картотека XI–XVII – Картотека «Словаря русского языка XI–XVII вв.»

Картотека XVIII – Картотека «Словаря русского языка XVIII в.»

МАС – «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой

НКРЯ – Национальный корпус русского языка

РГ-80 – «Русская грамматика» 1980 г.

Русский конструктикoн – The Russian Constructicon. An electronic database of the Russian grammatical constructions

САР – «Словарь Академии Российской»

Сл. XI–XIV – «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.»

Сл. XI–XVII – «Словарь русского языка XI–XVII вв.»

Сл. XVIII – «Словарь русского языка XVIII в.»

СлНиСС – «Словарь наречий и служебных слов русского языка»

СРНГ – «Словарь русских народных говоров»

ТСРР – «Толковый словарь русской разговорной речи»

Список использованной литературы

1. Аванесов, Сидоров 1945 – Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. Часть 1. Фонетика и морфология / Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. – М. : Учпедгиз, 1945. – 236 с.
2. Акопян 2018 – Акопян К. С. Союзные функции частицы *только*: частица-союз vs частица – союзный аналог / К. С. Акопян // Слово.ру: балтийский акцент. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 29–44.
3. Алпатов 1986 – Алпатов В. М. О разных подходах к выделению частей речи / В. М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1986. – № 4. – С. 37–46.
4. Апресян 1994 – Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах / Ю. Д. Апресян // Известия РАН. Серия языка и литературы. – 1994. – Т. 53, № 4. – С. 27–40.
5. Апресян 1995 – Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Школа «Языки русской культуры» ; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.
6. Апресян 2001 – Апресян Ю. Д. «Русский синтаксис в научном освещении» в контексте современной лингвистики. Предисловие / Ю. Д. Апресян // Русский синтаксис в научном освещении. – 8-е изд., доп. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 545 с.
7. Бабайцева 2000 – Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка : монография / В. В. Бабайцева. – М. : Дрофа, 2000. – 640 с.
8. Белошапкова 1989 – Белошапкова В. А. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др.; Под ред. В. А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1989. – 800 с.
9. Бобрик 2014 – Бобрик М. А. Лих ли поп Упырь? (Значение эпитета *лихыи* в записи писца Толковых пророков) / М. А. Бобрик // Русский язык в научном освещении. – 2014. – № 1 (27). – С. 265–272.

10. Богданов 1997 – Богданов С. И. Морфология неполнозначных слов в современном русском языке : учебное пособие / С. И. Богданов. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. – 135 с.

11. Богданова-Бегларян 2017а – Богданова-Бегларян Н. В. Агрессивный узус или эволюция языковой нормы? (Приглашение к дискуссии) / Н. В. Богданова-Бегларян // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – 2017. – № 3 (13). – С. 21–27.

12. Богданова-Бегларян 2017б – Богданова-Бегларян Н. В. Устная спонтанная речь: судьба некоторых грамматических единиц / Н. В. Богданова-Бегларян // Корпусная лингвистика – 2017 : Труды международной конференции, Санкт-Петербург, 27–30 июня 2017 года. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2017. – С. 134–139.

13. Богуславский 2013 – Богуславский И. М. Грамматикализация способов разрешения синтаксических конфликтов: асимметричные конструкции / И. М. Богуславский // *Juznoslovenski filolog*. – 2013. – № 69. – С. 115–135.

14. Богуславский, Вилинбахова 2022 – Богуславский И. М., Вилинбахова Е. Л. Имена собственные в сфере действия метаязыкового отрицания / И. М. Богуславский, Е. Л. Вилинбахова // Корпусная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2022». – 2022. – С. 1–11.

15. Борисова 2022 – Борисова Е. Г. Частица «просто»: расширение функций / Е. Г. Борисова // Социальные и гуманитарные знания. – 2022. – Т. 8, № 4 (32). – С. 416–423.

16. Борковский 1957 – Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот: Простое предложение / В. И. Борковский ; МВО СССР, Львовский государственный университет им. Ив. Франко. – Пекин : Издательство Синьхуа, 1957. – 389 с.

17. Булаховский 1958 – Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку / Л. А. Булаховский. – 5-е изд., доп. и перераб. – Киев : Радянська школа, 1958. – 488 с.

18. Буслаев 1959 – Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. – М. : Государственное научно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959. – 623 с.
19. Виноградова 1947 – Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М. ; Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1947. – 784 с.
20. Виноградов 1960 – Виноградов В. В. Грамматика русского языка. Т. 1: Фонетика и морфология / В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, С. Г. Бархударов. – М. : АН СССР, 1960. – 719 с.
21. Виноградов 1994 – Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В. В. Виноградов // История слов. – М. : Толк, 1994. – 1138 с.
22. Виноградов, Шведова 1964 – Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века / Под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1964. – 320 с.
23. Винокур 1959 – Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М. : Учпедгиз, 1959. – 492 с.
24. Владимирова 1982 – Владимирова Л. А. О синтаксической функции частицы *же* (на материале Мстиславова евангелия 1115–1117 гг.) / Л. А. Владимирова // История русского языка. Исследования и тексты. – М. : Наука, 1982. – 397 с.
25. Волков 1974 – Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства / С. С. Волков. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1974. – 163 с.
26. Востоков 1874 – Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная / А. Х. Востоков. – СПб. : Издание книгопродавца Д. Ф. Федорова, 1874. – 245 с.
27. Вязовик 2014 – Вязовик Т. П. Лексический статус неоднословных местоимений и их представленность в словарях / Т. П. Вязовик // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2014. – № 2. – С. 323–333.

28. Галинская 2006 – Галинская Е. А. Об одном реликте древнеславянского имперфекта в русском языке / Е. А. Галинская // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2006. – № 6. – С. 47–60.
29. Гатинская 2014 – Гатинская Н. В. Лексико-грамматическая история лексемы *пожалуй* / Н. В. Гатинская // Русский язык в научном освещении. – 2014. – № 2 (28). – С. 126–152.
30. Генералова 2015 – Генералова Е. В. Лексико-семантические характеристики разговорного русского языка XVI–XVII вв. / Е. В. Генералова // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2015. – № 2. – С. 85–95.
31. Глаголева 2024а – Глаголева А. С. Бишь: баять или быть? О происхождении одной частицы / А. С. Глаголева // Русская речь. – 2024. – № 1. – С. 60–69.
32. Глаголева 2024б – Глаголева А. С. Глаголы со значением зрительного восприятия как основа для формирования частиц / А. С. Глаголева // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2024 – Т. 83, № 5. – С. 137–149.
33. Глаголева 2024в – Глаголева А. С. Семантическая эволюция лексемы *лишь* в истории русского языка / А. С. Глаголева // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2024. – Ч. 1. – С. 391–399.
34. Глаголева 2024г – Глаголева А. С. Функционирование слова *пожалуй* в памятниках деловой письменности и частной переписки XVII века / А. С. Глаголева // Человек и власть в эпоху русского Средневековья: Материалы международной конференции «Человек и власть в эпоху русского Средневековья» 23–25 ноября 2023 г. – М. : ИРЯ РАН, 2024. – С. 5–9.
35. Глаголева 2024д – Глаголева А. С. Возможности Национального корпуса русского языка при исследовании частиц в русском языке / А. С. Глаголева // Международная научная конференция, посвященная 20-летию Национального корпуса русского языка. Москва, 20–21 декабря 2024 г. Материалы конференции / Отв. ред. С. О. Савчук. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2024. – С. 34–36.

36. Глаголева 2024е – Глаголева А. С. *Ишь и вишь*: границы двух частиц / А. С. Глаголева // Первый Евразийский конгресс лингвистов. Москва, 9–13 декабря 2024 : тезисы докладов / Под общ. ред. Ю. В. Мазуровой, М. К. Раскладкиной. – М. : Институт языкознания РАН, 2025. – С. 580–581.
37. Греч 1827 – Греч Н. И. Практическая русская грамматика / Н. И. Греч. – Санкт-Петербург, 1827. – 578 с.
38. Добрушина 2020 – Добрушина Р. Н. Повелительное наклонение / Р. Н. Добрушина // Русский язык: энциклопедия / Гл. ред. А. М. Молдован. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. – С. 498–500.
39. Жевако 1977 – Жевако Г. А. К вопросу разграничения производных частиц и их этимологов в лексикографической литературе / Г. А. Жевако // Неполнозначные слова. – Ставрополь, 1977. – Вып. 2. – С. 64–73.
40. Жирмунский 1961 – Жирмунский В. М. О границах слова / В. М. Жирмунский // Вопросы языкознания. – 1961. – № 3. – С. 3–21.
41. Жолобов 2017 – Жолобов О. Ф. Древнерусская грамматика: простые претериты и *praesens historicum* / О. Ф. Жолобов. – Казань : Издательство Казанского университета, 2017. – 190 с.
42. Жугра 2021 – Жугра А. В. Нарратор в албанском эпическом тексте / А. В. Жугра // Фольклор: структура, типология, семиотика. – 2021. – Т. 4, № 3. – С. 70–96.
43. Зализняк 2008а – Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста / А. А. Зализняк. – 3-е изд., доп. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2008. – 480 с.
44. Зализняк 2008б – Зализняк А. А. Древнерусские энклитики / А. А. Зализняк. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 280 с.
45. Зализняк 2009 – Зализняк Анна А. О понятии семантического перехода / Анна А. Зализняк // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). – 2009. – Вып. 8 (15). – С. 107–111.

46. Зализняк 2012 – Зализняк Анна А. Об эффекте ближней семантической эволюции / Анна А. Зализняк // PHILOLOGICA. Двухязычный журнал по русской и теоретической филологии. – 2012. – Т. 9, №21/23. – С. 1–22.
47. Зализняк 2020 – Зализняк Анна А. Русское *разве*: от предлога к вопросительной частице / Анна А. Зализняк // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2020. – №79 (4). – С. 5–11.
48. Земская 1983 – Земская Е. А. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Е. А. Земская. – М. : Наука, 1983. – 283 с.
49. Инструкция 1958 – Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в пятнадцати томах) / Под ред. С. П. Обнорского, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина, А. М. Бабкина. – М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1958. – 85 с.
50. Казкенова, Рахилина 2024 – Казкенова А., Рахилина Е. От глагольных форм – к служебным словам: грамматикализация в русском и казахском языках сквозь призму текстов билингов / А. Казкенова, Е. Рахилина // Russian Linguistics. – 2024. – Vol. 48, №. 1. – P. 16.
51. Калечиц 1977 – Калечиц Е. П. Переходные явления в области частей речи. Учебное пособие по спецкурсу / Е. П. Калечиц. – Свердловск, 1977. – 79 с.
52. Качурин 2013 – Качурин Д. В. Проблема разграничения омонимии и полисемии применительно к практике составления толковых словарей : специальность 10.02.01 Русский язык : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Дмитрий Владимирович Качурин ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М., 2013. – 393 с.
53. Киселев 2007 – Киселев И. А. Частицы в современных восточнославянских языках / И. А. Киселев. – Минск : БГУ, 1976. – 160 с.
54. Клейнер 2007 – Клейнер Ю. А. Междометия и частицы / Ю. А. Клейнер // Типология языка и теория грамматики: Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. 27–30 ноября 2007 г. – 2007. – С. 98–100.

55. Князев 2024 – Князев С. В. Фразовая интонация южнорусского говора: Роговатое / С. В. Князев // Вопросы языкознания. – 2024. – № 1. – С. 85–127.
56. Кодзасов 1996 – Кодзасов С. В. Семантико-фонетическое расщепление русских частиц и просодическая информация в словаре / С. В. Кодзасов // Словарь. Грамматика. Текст. – М. : ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 1996. – С. 97–111.
57. Колесникова 2012 – Колесникова С. М. Частицы как часть речи (К вопросу о значении и разрядах частиц по строению и функциям) / С. М. Колесникова // Русский язык в школе. – 2012. – № 7. – С. 65–73.
58. Костанди 2008 – Костанди Е. И. Местоимение «такой» в разговорной речи / Е. И. Костанди // Cuadernos de Rusística Española. – 2008. – № 4. – С. 59–68.
59. Костомарова 2024 – Костомарова К. П. Семантика прилагательного *хороший* в диахроническом и синхроническом аспекте : магистерская диссертация / К. П. Костомарова. – М., 2024. – 124 с.
60. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке / Н. В. Крушевский. – Казань : Типография Императорского университета, 1883. – 149 с.
61. Крысько 2020а – Крысько В. Б. Дателный падеж / В. Б. Крысько // Историческая грамматика русского языка : энциклопедический словарь / Под ред. В. Б. Крысько. – М. : Азбуковник, 2020. – С. 67–71.
62. Крысько 2020б – Крысько В. Б. Повелительное наклонение / В. Б. Крысько // Историческая грамматика русского языка : энциклопедический словарь / Под ред. В. Б. Крысько. – М. : Азбуковник, 2020. – С. 296–300.
63. Кубрякова 1974 – Кубрякова Е. С. Деривация, транспозиция, конверсия / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 64–76.
64. Кубрякова 1978 – Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 114 с.
65. Кузнецов 1953 – Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология / П. С. Кузнецов / Под ред. Р. И. Аванесова. – М. : Издательство Московского университета, 1953. – 307 с.

66. Кузнецова, Почтарева 2022 – Кузнецова Н., Почтарева О. “Не усложняй!”, или Новые русские частицы – показатели тимиологической оценки: генезис и функционирование / Н. Кузнецова, О. Почтарева // Русская грамматика: система – узус – варьирование. – Берлин : Peter Lang, 2022. – С. 357–373.

67. Кустова 2004 – Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения : монография / Г. И. Кустова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.

68. Кустова 2012 – Кустова Г. И. Дательный падеж / Г. И. Кустова // Корпусная грамматика русского языка, 2012 [Электронный ресурс]: http://rusgram.ru/new/chapter/nounpar/dative_case/ (дата обращения: 19.09.2024).

69. Лазарева 2020 – Лазарева В. *Тупа* и *такой* в разговорной речи: функциональные параллели / В. Лазарева // Europa Orientalis. – 2020. – № 39. – С. 463–476.

70. Левонтина 1991 – Левонтина И. Б. Словарная статья частицы -КА / И. Б. Левонтина // Семиотика и информатика. – 1991. – № 32. – С. 136–140.

71. Левонтина 2004 – Левонтина И. Б. Ишь / И. Б. Левонтина // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура / Ю. Д. Апресян (отв. ред.). – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 305–318.

72. Левонтина 2010 – Левонтина И. Б. Какая-то не такая / И. Б. Левонтина // Русский со словарем. – М., 2010. – С. 45–47.

73. Левонтина 2020 – Левонтина И. Б. Об арсенале ксенопоказателей в русском языке / И. Б. Левонтина // Вопросы языкознания. – 2020. – № 3. – С. 52–77.

74. Левонтина 2021 – Левонтина И. Б. Семантический компонент "шкала" в значении дискурсивной частицы *уж* / И. Б. Левонтина // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2021), Москва, 16–19 июня 2021 года. Вып. 20. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2021. – С. 473–482.

75. Левонтина 2022 – Левонтина И. Б. Частицы речи : монография / И. Б. Левонтина. – М. : Азбуковник, 2022. – 431 с.
76. Леонова 2013 – Леонова Ю. Ю. Языковая объективация просьбы в челобитных XVII века : специальность 05.25.02 Документалистика, документоведение, архивоведение : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Юлия Юрьевна Леонова ; Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого. – Волгоград, 2013. – 186 с.
77. Ломоносов 1952 – Ломоносов М. В. Российская грамматика / М. В. Ломоносов // Полное собрание сочинений / АН СССР. – М. ; Л., 1950–1983. – Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – С. 389–578.
78. Лукин 1973 – Лукин М. Ф. Трансформация частей речи в современном русском языке : учебное пособие / М. Ф. Лукин. – Донецк, 1973. – 100 с.
79. Лукин 1982 – Лукин М. Ф. Переход частей речи или их субституция? / М. Ф. Лукин // Филологические науки: Научные доклады высшей школы. – М. : Высшая школа, 1982. – № 2. – С. 78–80.
80. Лучина, Наний 2016 – Лучина Е. С., Наний Л. О. Пути грамматикализации признаков лексем со значением 'прямой' / Е. С. Лучина, Л. О. Наний // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. – 2016. – Т. 12, № 1. – С. 574–587.
81. Майсак 2005 – Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции / Т. А. Майсак. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 471 с.
82. Майтинская 2010 – Майтинская К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках / К. Е. Майтинская. – М. : Наука, 2010. – 185 с.
83. Макаренко 2006 – Макаренко А. В. Союзы-частицы как средство установления синтаксической связности и семантической квалификации : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание

ученой степени кандидата филологических наук / Ангелина Васильевна Макаренко. – Ставрополь, 2006. – 20 с.

84. Максимова 2000 – Максимова С. Э. Регулятивная функция междометной реплики в диалоге: На материале немецкого и русского языков : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Светлана Эдуардовна Максимова. – Тверь, 2000. – 188 с.

85. Малышева 2019 – Малышева А. В. Дательный этический в южнорусском говоре / А. В. Малышева // VI Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. 20–23 марта 2019 года. – М. : МГУ, ИРЯ РАН, 2019. – С. 38–39.

86. Марков 1981 – Марков В. М. О семантическом способе словообразования в русском языке / В. М. Марков. – Ижевск : УдГУ, 1981. – 29 с.

87. Махмутова 2009 – Махмутова Л. Р. Основные типы энантиосемии в современном русском языке : специальность 10.02.01 Русский язык : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Люция Рафаиловна Махмутова ; Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2009. – 24 с.

88. Машовец 2000 – Машовец Е. Н. Конструкции с дательным этическим в современном русском языке : специальность 10.02.10 Русский язык : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Екатерина Николаевна Машовец ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Саратов, 2000. – 16 с.

89. Мигирин 1971 – Мигирин В. Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке : учебное пособие для студентов / В. Н. Мигирин. – Бельцы, 1971. – 199 с.

90. Мирович 1962 – Мирович А. Основные функции частиц в современном русском языке / А. Мирович // Лексический сборник V. – М., 1962. – 214 с.

91. Молотков 1960 – Молотков А. И. Трудные случаи лексико-грамматической характеристики слов *это* и *то* в русском языке / А. И. Молотков // Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова. – М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1960. – 471 с.
92. Некипелова 2011 – Некипелова И. М. К вопросу о разграничении понятий семантическая деривация и семантическое словообразование в диахроническом аспекте / И. М. Некипелова // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 2 (14). – С. 33–46.
93. Никитин 2025 – Никитин Н. В. Произношение русских союзов и частиц как объект лексикографии / Н. В. Никитин // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2025. – № 1. – С. 316–326.
94. Николаева 1985 – Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков) / Т. М. Николаева / отв. ред. В. Н. Топоров. – М. : «Наука», 1985. – 169 с.
95. Овсянико-Куликовский 1907 – Овсянико-Куликовский Д. Н. Грамматика русского языка / Д. Н. Овсянико-Куликовский. – М., 1907. – 127 с.
96. Ожегов 1952 – Ожегов С. И. О трех типах толковых словарей современного русского языка / С. И. Ожегов // Вопросы языкознания. – 1952. – № 2. – С. 85–103.
97. Падучева 1980 – Падучева Е. В. Значение и синтаксические функции слова *это* / Е. В. Падучева // Проблемы структурной лингвистики. – М. : Наука, 1980. – С. 76–91.
98. Падучева 2010 – Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений / Е. В. Падучева / Отв. ред. В. А. Успенский. – Изд. 6-е, испр. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 296 с.
99. Падучева 2011 – Падучева Е. В. Показатели чужой речи: *мол* и *дескать* / Е. В. Падучева // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2011. – Т. 70, № 3. – С. 13–19.

100. Пальшина 2015 – Пальшина Д. А. От десемантизации – к прагматикализации (о смысловых и функциональных трансформациях редуцированных форм частотных слов в устной повседневной речи) / Д. А. Пальшина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2015. – № 3 (31). – С. 34–38.

101. Панов 1960 – Панов М. В. О частях речи в русском языке / М. В. Панов // Филологические науки. – 1960. – № 4. – С. 3–14.

102. Пахомов 2012 – Пахомов В. М. Трудные случаи русской пунктуации : словарь-справочник / В. М. Пахомов, В. В. Свинцов, И. В. Филатова. – М. : Эксмо, 2012. – 576 с.

103. Пекелис 2019 – Пекелис О. Е. Слово *это* в частном вопросе: о признаках, отличающих частицу от местоимения / О. Е. Пекелис // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Международной конференции "Диалог" (2019), Москва, 29 мая – 01 июня 2019 года. – 2019. – Выпуск 18 (25). – С. 484–496.

104. Пекелис 2024 – Пекелис О. Е. О связи между грамматикализацией союза и интеграцией клаузы (на примере русских союзов следования) / О. Е. Пекелис // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. – 2024. – № 1. – С. 187–226.

105. Пестова 2021 – Пестова А. Р. Стилистические пометы в толковых словарях как отражение лексико-стилистических процессов в русском языке второй половины XX – нач. XXI в. : специальность 10.02.01 Русский язык : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Анна Разифовна Пестова. – Москва, 2021. – 165 с.

106. Петрухин 2020 – Петрухин П. В. История прошедшего времени в русском языке / П. В. Петрухин // Русский язык: энциклопедия / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под общ. ред. А. М. Молдована. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. – С. 571–576.

107. Пешковский 2001 – Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 8-е изд., доп. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.

108. Пичхадзе 2020 – Пичхадзе А. А. К истории союза/частицы *хотя* / А. А. Пичхадзе // Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса / под ред. А. А. Пичхадзе. – СПб. : Нестор-История, 2020. – 360 с.

109. Плунгян 1998 – Плунгян В. А. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях / В. А. Плунгян // Семиотика и информатика. – 1998. – Вып. 36. – С. 324–386.

110. Плунгян 2000 – Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику / В. А. Плунгян. – М. : Эдиаториал УРСС, 2000. – 384 с.

111. Плунгян 2008 – Плунгян В. А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: ‘мол’, ‘якобы’ и другие / В. А. Плунгян // Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen. (Wiener Slawistischer Almanach, 72.) / Wiemer B., Plungjan V. (Hrsg.). – München : Sagner, 2008. – P. 285–311.

112. Плунгян 2009 – Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира / В. А. Плунгян. – М., 2009. – 383 с.

113. Плунгян 2021 – Плунгян В. А. Русское *чуть*: загадки грамматикализации / В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, М. И. Орехова // Studies in Baltic and Other Languages. – 2021. – Т. 16. – С. 331–339.

114. Пожарицкая 2010 – Пожарицкая С. К. Модальные слова производные от глаголов *быть*, *бывать* в севернорусской диалектной речи / С. К. Пожарицкая // Русский язык в научном освещении. – 2010. – № 1. – С. 103–131.

115. Попова 2012 – Попова Л. В. Грамматический статус и полифункциональность частицы-связки *ЭТО* / Л. В. Попова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2012. – № 1 (16). – С. 14–19.

116. Потебня 1958 – Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Том I–II / А. А. Потебня. – М. : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1958. – 536 с.

117. Преображенская 1991 – Преображенская М. Н. Служебные средства в истории синтаксического строя русского языка XI–XVII вв. (сложноподчиненное предложение) / М. Н. Преображенская / Отв. ред. В. П. Вомперский. – М. : Институт русского языка АН СССР, 1991. – 304 с.

118. Птенцова 2023 – Птенцова А. В. *Отъ идетъ до конечняго свода*: семантика служебных слов *ати* (*ать*) и *оти* (*оть*) в оригинальных древнерусских памятниках (на материале Национального корпуса русского языка) / А. В. Птенцова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2023. – № 2. – С. 30–43.

119. Рассошенко 2010 – Рассошенко Ж. В. Эллиптические высказывания и их употребление в политическом дискурсе / Ж. В. Рассошенко // Английский язык на гуманитарных факультетах : сборник научных и научно-методических трудов / Отв. ред. Казимова Г. А. – М. : МАКС Пресс, 2010. – Выпуск 4. – 172 с.

120. Русанова 2016 – Русанова С. В. Термины *челобитная* и *прошение* в законодательных актах XVIII века / С. В. Русанова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. – 2016. – № 3. – С. 705–716.

121. Русская грамматика 1980а – Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – 792 с.

122. Русская грамматика 1980б – Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – 717 с.

123. Савчук 2011 – Савчук С. О. Местоимение *такой* в функции маркера чужой речи в устном высказывании / С. О. Савчук // Вопросы культуры речи / Отв. ред. А. Д. Шмелев. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. – С. 36–43.

124. Савчук 2024 – Савчук С. О. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития / С. О. Савчук, Т. А. Архангельский,

А. А. Бонч-Осмоловская, О. В. Дони́на, Ю. Н. Кузнецова, О. Н. Ляшевская, Б. В. Орехов, М. В. Подрядчикова // Вопросы языкознания. – 2024. – № 2. – С. 7–34.

125. Сайфеева 2015 – Сайфеева К. М. Этикетные формулы: десемантизация и новые смыслы / К. М. Сайфеева // Русская речь. – 2015. – № 3. – С. 68–75.

126. Сахно 2019 – Сахно С. Л. Модальность ограничения: когнитивные и семантико-коммуникативные аспекты русских частиц со значением ограничения (*только* versus *лишь*) / С. Л. Сахно // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты : Материалы XIX международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В. И. Кодухова, Москва, 15–17 мая 2019 года. – М. : МПГУ, 2019. – С. 49–51.

127. Светлышев 1955 – Светлышев Д. С. Состав и функции эмоционально-экспрессивных частиц в современном русском литературном языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата наук / Д. С. Светлышев. – М., 1955. – 19 с.

128. Северская 2012 – Северская О. И. Вполне, ничего или так себе? / О. И. Северская // Вопросы культуры речи. Том XI. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2012. – С. 256–263.

129. Сидоров 1945 – Сидоров В. Н. Грамматические разряды слов / В. Н. Сидоров // Очерк грамматики русского литературного языка. Часть I. Фонетика и морфология / Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. – М. : Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1945. – 239 с.

130. Сичинава 2018а – Сичинава Д. В. Части речи / Д. В. Сичинава // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Выпуск III : Части речи и лексико-грамматические классы. – СПб. : Нестор-История, 2018. – С. 9–39.

131. Сичинава 2018б – Сичинава Д. В. Частица *было*: порядок слов, семантика и информационная структура предложения / Д. В. Сичинава // Rhema. Рема. – 2018. – № 1. – С. 82–101.

132. Скоринкин 2016 – Скоринкин Д. Пожалуй / Д. Скоринкин // Два века в двадцати словах. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. – С. 211–231.

133. Смирницкий 1952 – Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова») / А. И. Смирницкий // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. – М., 1952. – С. 182–203.

134. Стародумова 1997 – Стародумова Е. А. Русские частицы: Учебное пособие / Е. А. Стародумова. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. – 68 с.

135. Стародумова 2002 – Стародумова Е. А. Частицы русского языка (разноаспектное описание) / Е. А. Стародумова. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 292 с.

136. Сулимова 2019 – Сулимова Т. С. От наречия – к прагматическому маркеру: этапы прагматикализации единицы *чисто* в русской устной речи (корпусное исследование) / Т. С. Сулимова // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи. Сборник научных трудов Международного научного симпозиума / Ред. В. Н. Степанов. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2019. – С. 448–455.

137. Суник 1966 – Суник О. П. Общая теория частей речи / О. П. Суник. – М., Л. : Наука, 1966. – 132 с.

138. Сурина 2017 – Сурина А. П. Маркеры ренарратива в разных типах устной речи : магистерская диссертация / А. П. Сурина. – СПб., 2017. – 105 с.

139. Тихомирова 1973 – Тихомирова Т. С. К вопросу о переходности частей речи / Т. С. Тихомирова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – М. : Высшая школа, 1973. – № 5. – С. 78–87.

140. Томилова 1984 – Томилова Т. П. Структурно-семантическая природа и функционирование изъяснительных сложноподчиненных предложений с союзом-частицей "ЛИ" : специальность 10.02.01 "Русский язык" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Татьяна Павловна Томилова. – Л., 1984. – 242 с.

141. Турчаненко 2020 – Турчаненко В. А. Формы давай / давайте в русской устной спонтанной речи ("контексты прощания") / В. А. Турчаненко // Социо- и психолингвистические исследования. – 2020. – № 8. – С. 48–55.

142. Холодионова 2016 – Холодионова С. И. Синтаксическая и прагматическая функция междометий в русском языке / С. И. Холодионова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 10-2. – С. 167–169.

143. Храковский 2001 – Храковский В. С. Семантика и типология императива. Русский императив / В. С. Храковский, А. П. Володин. – М. : Едиториал УРСС, 2001. – 271 с.

144. Храковский 2007 – Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность / В. С. Храковский // Эвиденциальность в языках Европы и Азии : сборник статей памяти Н. А. Козинцевой. – СПб. : Наука, 2007. – 634 с.

145. Цой 2008 – Цой А. С. Служебные слова как объект русской лексикографии / А. С. Цой. – М. : Литературный институт им. А. М. Горького, 2008. – 280 с.

146. Черкасова 1967 – Черкасова Е. Т. Переход однозначных слов в предлоги / Е. Т. Черкасова. – М. : АН СССР, Институт русского языка, 1967. – 280 с.

147. Чиркина 1965 – Чиркина И. П. Грамматическая омонимия сравнительных союзов и частиц в современном русском языке / И. П. Чиркина // Вопросы морфологии, синтаксиса русского языка и методики его преподавания. – Пермь, 1965. – С. 43–53.

148. Чурмаева 1989 – Чурмаева Н. В. История наречий в русском языке / Н. В. Чурмаева. – М. : Наука, 1989. – 176 с.

149. Шаронов 2009 – Шаронов И. А. Междометия в языке, тексте и коммуникации : специальность 10.02.01 Русский язык : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.01 / И. А. Шаронов. – М., 2009. – 38 с.

150. Шахматов 2001 – Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов / Вступ. статья д-ра филол. наук, проф. Е. В. Клобукова; редакция и комментарии проф. Е. С. Истриной. – 3-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.

151. Шведова 1960 – Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1960. – 386 с.

152. Шведова 1970 – Шведова Н. Ю. Грамматика современного русского литературного языка / Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1970. – 768 с.

153. Шкапенко 2016 – Шкапенко Т. М. К проблеме перформативности междометий / Т. М. Шкапенко // Вестник Брянского государственного университета. – 2016. – № 2 (28). – С. 219–222.

154. Шляков 1900 – Шляков Н. В. Статьи по Славянскимъ нарѣчіямъ и Русскому языку. Добавленіе къ статьѣ: частицы ста, ста-ни, сте, сѣ, сѣм и осу / Н. В. Шляков // Русский филологический вестник. – 1900. – Т. XLIV, № 3. – С. 131–145.

155. Шмелев 1961 – Шмелев Д. Н. К вопросу о «производных» служебных частях речи и междометиях / Д. Н. Шмелев // Известия Академии наук СССР. – 1961. – Т. XX, Вып. 6. – С. 498–505.

156. Шмелев 1977 – Шмелев Д. Н. Современный русский язык: лексика / Д. Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1977. – 335 с.

157. Шмелев 2001 – Шмелев А. Д. Некоторые тенденции семантического развития русских дискурсивных слов (на всякий случай, если что, вдруг) / А. Д. Шмелев // Русский язык: пересекая границы / Отв. ред. М. Гиро-Вебер, И. Б. Шатуновский. – Дубна : Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 2001. – С. 266–279.

158. Шмелев 2024 – Шмелев А. Д. Прагматикализация в разговорной речи / А. Д. Шмелев // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2024. – № 3 (41). – С. 374–388.

159. Щерба 1928 – Щерба Л. В. О частях речи в русском языке / Л. В. Щерба // Русская речь. Новая серия. – 1928. – Вып. 2. – С. 5–27.
160. Щур 1999 – Щур М. Г. Словарное представление русских частиц, их классы и функционирование : специальность 10.02.01 Русский язык : диссертация кандидата филологических наук / Марина Георгиевна Щур. – М., 1999. – 312 с.
161. Щур 2020 – Щур М. Г. Частицы / М. Г. Щур // Русский язык: энциклопедия / Гл. ред. А. М. Молдован. 3-е изд., перераб. и доп. – М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. – С. 838–840.
162. Юрганов 1998 – Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры / А. Л. Юрганов. – М. : МИРОС, 1998. – 448 с.
163. Янин 2004 – Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). Т. XI / В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. – М. : «Русские словари», 2004. – 288 с.
164. Янко 2001 – Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т. Е. Янко. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 387 с.
165. Ярцева 1960 – Ярцева В. Н. О формах развития простого предложения / В. Н. Ярцева // Вопросы грамматики: Сборник статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова / Ред. В. М. Жирмунский. – М. ; Л., 1960. – С. 56–69.
166. Andersen 1998 – Andersen G. The pragmatic marker like from a Relevance-theoretic Perspective / G. Andersen // Discourse Markers: Description and Theory / Andreas Jucker and Yael Ziv (Eds.). – Amsterdam : John Benjamins, 1998. – Pp. 147–170.
167. Blyth, Recktenwald, Wang 1990 – Blyth C., Recktenwald S., Wang J. I'm like, "Say what?!". A new quotative in American oral narrative / C. Blyth, S. Recktenwald, J. Wang // American Speech, 1990. – Vol. 65. – Pp. 215–227.
168. Bybee, Pagliuca 1985 – Bybee J. L., Pagliuca W. Cross linguistic comparison and the development of grammatical meaning / J. L. Bybee, W. Pagliuca // Fisiak, 1985. – Pp. 59–83.
169. Degand, Evers-Vermeul 2015 – Degand L., Evers-Vermeul J. Grammaticalization or Pragmaticalization of Discourse Markers? More than

a Terminological Issue / L. Degand, J. Evers-Vermeul // *Journal of Historical Pragmatics*, 2015. – Vol. 16-1. – Pp. 59–85.

170. Diwald 2011 – Diwald G. Pragmaticalization (Defined) as Grammaticalization of Discourse Functions / G. Diwald // *Linguistics*. – 2011. – Vol. 49-2. – Pp. 365–390.

171. Givon 1971 – Givon T. Historical syntax and synchronic morphology: an archaeologist's field trip / T. Givon // *Chicago Linguistic Society: Papers from the 7th regional meeting (April 16–18, 1971)*. – Chicago : Chicago Linguistic Society, 1971. – Pp. 394–415.

172. Givon 1979 – Givon T. On understanding grammar / T. Givon, 1979. – New York : Academic Press. – 323 p.

173. Günther, Mutz 2004 – Günther S., Mutz K. Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian / S. Günther, K. Mutz // *What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components* / W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer (eds). – Berlin, 2004. – Pp. 77–107.

174. Heine 1991 – Heine B. Grammaticalization: A Conceptual Framework / B. Heine. – Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1991. – 328 p.

175. Heine 2013 – Heine B. On discourse markers: Grammaticalization, pragmaticalization, or something else? / B. Heine // *Linguistics*. – 2013. – Vol. 51, № 6. – Pp. 1205–1247.

176. Kurilowicz 1965 – Kurilowicz J. The evolution of grammatical categories / J. Kurilowicz // *Diogenes*. – 1965. – № 13 (51). – Pp. 55–71.

177. Junghanns 1997 – Junghanns U. On the so-called *eto*-cleft construction / U. Junghanns // *Annual Workshop on Slavic Linguistics, The Indiana meeting of 1996*. – Michigan : Michigan Slavic Publications, 1997. – Pp. 166–190.

178. Kimmelman 2009 – Kimmelman V. On the interpretation of *eto* in so-called *eto*-clefts, *Studies* / V. Kimmelman // *Formal Slavic Phonology, Morphology, Syntax, Semantics and Information Structure: Proceedings of FDSL 7, Leipzig 2007*. – Leipzig, 2009. – Pp. 319–329.

179. Lehmann 2002 – Lehmann Ch. Thoughts on grammaticalization: a programmatic sketch / Ch. Lehmann. – 2nd ed. – Erfurt, 2002. – 184 p.
180. Lyons 1977 – Lyons J. Semantics / J. Lyons. – Cambridge : Cambridge University Press, 1977. – 539 p.
181. Meehan 1991 – Meehan T. It's like, 'what's happening in the evolution of like'? : A theory of grammaticalization / T. Meehan // Kansas Working Papers in Linguistics. – 1991. – Vol. 16. – P. 37–51.
182. Tagliamonte, Hudson 1999 – Tagliamonte S., Hudson R. Be like et al. Beyond America: The quotative system in British and Canadian youth / S. Tagliamonte, R. Hudson // Journal of Sociolinguistics. – 1999. – Vol. 3. – Pp. 147–172.
183. Tuggy 1993 – Tuggy D. Ambiguity, Polysemy, and Vagueness / D. Tuggy // Cognitive Linguistics. – 1993. – Vol. 4 (3). – Pp. 273–290.
184. Traugott 1982 – Traugott E. C. From propositional to textual and expressive meanings: Some semantic-pragmatic aspects of grammaticalization / E. C. Traugott // Lehmann and Malkiel. – 1982. – Pp. 245–271.
185. Waltereit, Ulrich 2016 – Waltereit R., Ulrich D. Grammaticalization and pragmaticalization / R. Waltereit, D. Ulrich // Manuals of Romance Linguistics. Grammatical interfaces. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2016. – Pp. 635–658.

Список словарей

186. АТоС 2016а – Академический толковый словарь русского языка. Том 1: А – ВИЛЯТЬ / отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : Издательский дом ЯСК, 2016. – 672 с.
187. АТоС 2016б – Академический толковый словарь русского языка. Том 2: ВИНА – ГЯУР / отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : Издательский дом ЯСК, 2016. – 680 с.
188. Аникин 2008 – Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 2. (б – бдынь) / А. Е. Аникин. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2008. – 336 с.

189. Аникин 2009 – Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 3 (бе – болдыхать) / А. Е. Аникин. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 344 с.
190. Аникин 2013 – Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 7 (вершь I – вняться II) / А. Е. Аникин. – М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2013. – 352 с.
191. Бабенко 1999 – Бабенко Л. Г. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.
192. БАС 2004 – Большой академический словарь русского языка. Т. 1. А – Бишь / Гл. ред. К. С. Горбачевич. – М. : Наука, 2004. – 664 с.
193. БАС 2006 – Большой академический словарь русского языка. Том 5. Деньга – Жюри / ред. К. С. Горбачевич. – М. : Наука, 2006. – 694 с.
194. БАС 2007 – Большой академический словарь русского языка. Том 7. И – Каюр / ред. К. С. Горбачевич. – М. : Наука, 2007. – 729 с.
195. БАС 2012 – Большой академический словарь русского языка. Т. 21. Прodelать – Пятью / Гл. ред. А. С. Герд. – М. ; СПб. : Наука, 2012. – 632 с.
196. БАС 2019 – Большой академический словарь русского языка. Т. 25. Свесь – Скорбь / гл. ред. А. С. Герд. – М. ; СПб. : Наука, 2019. – 728 с.
197. Белорусско-русский словарь 1988 – Белорусско-русский словарь. Т. 1. А – О / Ред. К. К. Атрахович. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Минск : Издательство «Белорусская советская энциклопедия» имени Петруся Бровки, 1988. – 813 с.
198. Богданова-Бегларян 2021 – Богданова-Бегларян Н. В. (сост.) Прагматические маркеры русской повседневной речи : словарь-монография / Н. В. Богданова-Бегларян (сост.). – СПб. : Нестор-История, 2021. – 517 с.
199. БТС 1998 – Большой толковый словарь русского языка: А–Я / Ин-т лингв. исслед. РАН; Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1534 с.
200. БТС 2004 – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 2004. – 1534 с.

201. БТС 2008 – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт ; Москва : Рипол классик, 2008. – 1534 с.
202. БУС 2022а – Большой универсальный словарь русского языка. Том I. А – О / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкая. – М. : АСТ-ПРЕСС, 2022. – 752 с.
203. БУС 2022б – Большой универсальный словарь русского языка. Том II. П – Я / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкая. – М. : АСТ-ПРЕСС, 2022. – 716 с.
204. Дискурсивные слова русского языка 1998 – Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. – М., 1998. – 446 с.
205. ДСРЯ – Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. – М., 1993. – 205 с.
206. Ефремова 2006 – Ефремова Т. Ф. Большой современный толковый словарь русского языка. Т. 1 / Т. Ф. Ефремова. – М., 2006. – 1165 с.
207. Картотека XI–XVII – Картотека «Словаря русского языка XI–XVII вв.» / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – Москва.
208. Картотека XVIII – Картотека «Словаря русского языка XVIII в.» / Институт лингвистических исследований РАН. – Санкт-Петербург.
209. МАС 1981 – Словарь русского языка: В 4-х т. Т. I. А–Й. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981. – 696 с.
210. МАС 1982 – Словарь русского языка: В 4-х т. Т. II. К–О. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1982. – 736 с.
211. МАС 1983 – Словарь русского языка: В 4-х т. Т. III. П–Р / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1983. – 750 с.
212. МАС 1984 – Словарь русского языка: В 4-х т. Т. IV. С–Я / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1984. – 794 с.

213. Ожегов 1960 – Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1960. – 900 с.

214. Ожегов 1992 – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов. – М. : Азъ, 1992. – 960 с.

215. Ожегов, Шведова 2006 – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Изд. 4-е, доп. – М. : ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.

216. Прагматические маркеры – Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ord-multimedia-dict.com/slovar-pm> (дата обращения: 03.11.2024).

217. Преображенский 1915 – Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Вып. 11 : (Плесень-Пытать) / А. Г. Преображенский. – М., 1915. – 826 с.

218. Сидоренко 2006 – Сидоренко Е. Н. Учебный толково-грамматический словарь функциональных омонимов. Диахронная трансформация и функциональная омонимия (теоретический материал) / Е. Н. Сидоренко, И. Я. Сидоренко. – Симферополь : Крымское учеб.-педаг. гос. изд-во, 2006. – Ч. 1. – 112 с.

219. САР 1794 – Словарь Академии Российской. Часть VI и последняя. Отъ Т и до конца. – СПб. : Императорская Академія Наукъ, 1794. – 1064 стб.

220. Сл. XI–XIV 1991 – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Том IV (изживати – моление) / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; Гл. ред. Р. И. Аванесов. – М. : Русский язык, 1991. – 559 с.

221. Сл. XI–XVII 1975а – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. А – Б / Гл. ред. С. Г. Бархударов. – М. : Наука, 1975. – 372 с.

222. Сл. XI–XVII 1975б – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. В – ВОЛОГА / Гл. ред. С. Г. Бархударов. – М. : Наука, 1975. – 319 с.

223. Сл. XI–XVII 1975в – Словарь русского языка XI–XVII вв. Указатель источников в порядке алфавита сокращенных обозначений / Сост. С. Ф. Геккер. – М. : Наука, 1975. – 138 с.
224. Сл. XI–XVII 1977 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. Г – Д / Гл. ред. С. Г. Бархударов. – М. : Наука, 1977. – 407 с.
225. Сл. XI–XVII 1979 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. ЗИПУНЬ – ИЯНУАРИЙ / Гл. ред. С. Г. Бархударов. – М. : Наука, 1979. – 363 с.
226. Сл. XI–XVII 1981 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. КРАДА – ЛЯЩИНА / Гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1981. – 355 с.
227. Сл. XI–XVII 1990 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. ПОДНАВѢСЪ – ПОМАНУТИ. – М. : Наука, 1990. – 298 с.
228. Сл. XI–XVII 2011 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 29. СУЛЕГЪ – ТОЛЬМИЖЕ / Гл. ред. В. Б. Крысько. – М. : Учреждение Российской академии наук Ин-т русского языка и издательский центр «Азбуковник» ; Издательство «Наука», издательский центр «Азбуковник», 2011. – 480 с.
229. Сл. XVIII 1987 – Словарь русского языка XVIII в. Вып. 3 (Вѣк – Воздувать) / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. – Л. : Наука, 1987. – 296 с.
230. Сл. XVIII 1991 – Словарь русского языка XVIII в. Вып. 6 (Грызться – Древный) / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. – Л. : Наука, 1991. – 296 с.
231. Сл. XVIII 2000 – Словарь русского языка XVIII в. Вып. 11 (Крепость – Льяной) / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. – СПб. : Наука, 2000. – 261 с.
232. СлНиСС – Словарь наречий и служебных слов русского языка / Сост. В. В. Бурцева. – 3-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз.–Медиа ; Дрофа, 2010. – 750 с.
233. Срезневский 1902 – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – СПб. : Типографія Императорской Академіи наукъ, 1902. – 1802 стб.
234. СРНГ 1966 – Словарь русских народных говоров. Вып. 2. Ба – Блазниться / Гл. ред. Ф. П. Филин. – М. ; Л. : Наука, 1966. – 315 с.
235. СРНГ 1968 – Словарь русских народных говоров. Вып. 3. Блязнишка – Бяшутка / Гл. ред. Ф. П. Филин. – Л. : Наука, 1968. – 360 с.

236. СРНГ 1981 – Словарь русских народных говоров. Вып. 17. Леснокаменный – Масленничать / Гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1981. – 387 с.
237. Стародумова 2001 – Стародумова Е. А. Словарь служебных слов русского языка / Отв. ред. Е. А. Стародумова. – Владивосток, 2001. – 363 с.
238. Тихонов 1996 – Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка / А. Н. Тихонов. – 3-е изд. – М. : 1996. – 576 с.
239. ТСРР – Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 4. С–Т / Под ред. Л. П. Крысина. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2021. – 680 с.
240. Трубачев 1988 – Трубачев О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 15 (*lětina – *lokašь) / О. Н. Трубачев. – М. : Наука, 1988. – 263 с.
241. Ушаков 1935 – Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. 1: А – Кюрины / Сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; Под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Советская энциклопедия» ; ОГИЗ, 1935. – 1562 стб.
242. Ушаков 1938 – Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. 2: Л – Ояловеть / Гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков; Сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; Под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938. – 1040 стб.
243. Ушаков 1939 – Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. 3: П – Ряшка. / Гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков; Сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; Под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. – 1424 стб.
244. Ушаков 1940 – Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. 4: С – Ящурный. / Гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков; Сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; Под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. – 1502 стб.
245. Фасмер 1986а – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1 (А – Д) / М. Фасмер. – Изд. 2-е, стер. – М. : Прогресс, 1986. – 574 с.

246. Фасмер 1986б – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2 (Е – Муж) / М. Фасмер. – Изд. 2-е, стер. – М. : Прогресс, 1986. – 672 с.
247. Цыганенко 1989 – Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка : Более 5000 слов / Г. П. Цыганенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Киев : Рад. шк., 1989. – 511 с.
248. Шанский 1971 – Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская ; Под ред. чл.-корр. АН СССР С. Г. Бархударова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1971. – 542 с.
249. Шимчук, Щур 1999 – Шимчук Э., Щур М. Словарь русских частиц / Э. Шимчук, М. Щур / Ред. В. Гладров. – Frankfurt am Main-Berlin-Bern-Bruxelles-New York-Wien : Peter Lang – Europäische Verlag der Wissenschaften, 1999. – 147 с.
250. Kopečný 1980 – Kopečný F. Etymologický slovník slovanských jazyků – Slova gramatická a zájmena. Sv. 2, Spojky, částice, zájmena a zájmenná adverbial / F. Kopečný. – Praha, 1980. – 783 p.

Список использованных источников материала

– Сборники текстов:

251. Грамотки XVII – начала XVIII века / Подг. Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова. – М. : Наука, 1969. – 415 с.
252. Крестьянские челобитные 1994 – Крестьянские челобитные XVII в.: из собраний Государственного Исторического музея / Отв. ред. Е. И. Индова. – М. : Наука, 1994. – 329 с.
253. Московская письменность 1968 – Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. – М. : Наука, 1968. – 338 с.

254. Памятники народно-разговорного языка 1965 – Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А. И. Безобразова) / Подг. С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. – М. : Наука, 1965. – 162 с.

255. Памятники южновеликорусского наречия 1990 – Памятники южновеликорусского наречия, конец XVI – начало XVII в. / Под ред. С. И. Коткова ; АН СССР, Институт русского языка. – М. : Наука, 1990. – 231 с.

– Научные ресурсы

256. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.10.2024).

257. Русский конструктикон – Bast Radovan, Anna Endresen, Laura A. Janda, Marianne Lund, Olga Lyashevskaya, Daria Mordashova, Tore Nasset, Ekaterina Rakhilina, Francis M. Tyers, Valentina Zhukova. 2021. The Russian Constructicon. An electronic database of the Russian grammatical constructions [Электронный ресурс]. – URL: <https://constructicon.github.io/russian/> (дата обращения: 10.03.2025).

– Художественная литература:

258. Можаяев – Можаяев А. Н. Мокеич [Электронный ресурс]. – URL: <http://pro-don.dspl.ru/quoteinfo/hutor-durnovka-v-vospominaniyah-o-detstve> (дата обращения: 03.05.2024).

259. Плавильщиков 1792 – Плавильщиков П. А. Бобыль / П. А. Плавильщиков. – СПб. : Тип. И. Крылова с товарищи, 1792. – 152 с.

260. Сумароков 1786а – Сумароков А. П. Вздорщица / А. П. Сумароков. – 3-е изд. – Москва. : Унив. тип., у Н. Новикова, 1786. – 46 с.

261. Сумароков 1786б – Сумароков А. П. Пустая ссора / А. П. Сумароков. – 4-е изд. – Москва : Унив. тип., у Н. Новикова, 1786. – 24 с.

262. Фонвизин 1829 – Фонвизин Д. В. Бригадир / Д. В. Фонвизин. – М., 1829. – 20 с.

– СМИ и интернет-источники:

263. Марийская правда – Марийская правда [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.marpravda.ru/news/society/vse-delo-v-shlyape/> (дата обращения: 03.05.2024).

264. Pikabu.ru – Pikabu.ru [Электронный ресурс]. – URL: https://pikabu.ru/story/miopiya_blizorukost_9204307 (дата обращения: 03.05.2024).

265. Форум Севастополя – Форум Севастополя [Электронный ресурс]. – URL: <https://forum.sevastopol.info/viewtopic.php?start=5125&t=1334193#p29191308> (дата обращения: 20.10.2024).